Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 8 (74). № 2

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2022

ISSN 2413–1679
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77 – 61821 от 18 мая 2015 года
Выдано Федеральной службой по надзору сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», протокол № 3 от 20 мая 2022 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., проф. **(главный редактор)**
Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф. **(заместитель главного редактора)**
Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц. **(заместитель главного редактора)**
Александрова И. В. – д. филол. н., доц.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.
Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.
Лучинский Ю. В.– д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.
Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.
Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц. **(ответственный секретарь)**

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки)

Адрес редакции: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Подписано в печать 20.05.2022. Формат 70х100 1/16.
Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 16,7. Бесплатно.
Дата выхода в свет
Отпечатано в Издательском доме
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь,
бул. Ленина, 5/7. http://sn-philol.cfuv.ru
© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2022 г.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 2. С. 3–11.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.1-31

ДОСТОЕВСКИЙ В КРИПТОГРАММАХ А. МАКАРЕНКО (ОБ ОДНОМ ЭПИЗОДЕ В ПОВЕСТИ «ФЛАГИ НА БАШНЯХ»)

Борисова Л. М.

Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: borlm-sf@mail.ru

В работе рассматривается значение идей Достоевского о ценности безвинного страдания и всеобщей ответственности («всякий перед всеми за всех виноват») в наследии А. Макаренко. Указывается на реминисценции из Достоевского в его выступлениях, публицистических и эпистолярных текстах. Вместе с анализом мемуарных источников это позволяет автору статьи говорить о том, что формирование писателя-педагога проходило под значительным влиянием классика, отголоски идей которого явственно угадываются в базовых нравственных ценностях, а целый ряд мотивов и типов («русские мальчики») фигурируют в творческих планах Макаренко-писателя. Особое внимание привлекается к истории безвинно оклеветанного подростка в повести «Флаги на башнях», скрытый смысл которой проясняется в сравнении с речью Алеши Карамазова у камня. Все это свидетельствует о несомненной актуальности религиозно-философской программы Достоевского для советских писателей. Реминисценции из Достоевского в значительной мере определяют социально-нравственный подтекст прозы Макаренко, идущий в разрез с установками соцреализма, и позволяют расширить представление о сфере тайнописи в советской литературе 1930-х годов.
Ключевые слова: Макаренко, Достоевский, «Флаги на башнях», советская литература, соцреализм, реминисценции, тайнопись.

ВВЕДЕНИЕ

За последние десятилетия в литературоведении утвердился более адекватный взгляд на советскую литературу в сравнении с тем, каким было ознаменовано начало ее переоценки в 1990-е годы. Помимо идеологической функции, которая определяет внешний план художественного высказывания, исследователи обнаруживают у Л. Леонова, Вс. Иванова, А. Фадеева и других авторов, долгие годы считавшихся образцовыми соцреалистами, духовный, философский и социальный подтексты, свидетельствующие о продолжении классической традиции даже в не самый благоприятный для этого период 1920–30-х годов. Наследие Макаренко, однако, осталось не затронутым этой тенденцией, хотя его не обошли вниманием историки советской цивилизации. В современной биографии писателя нашлось место и эсеро-меньшевистским симпатиям его молодости, и брату-белоэмигранту, а среди гонителей Макаренко-педагога вместо анонимных бюрократов из Наркомпроса фигурируют Крупская и Луначарский. Было, наконец, замечено, что на фотографиях 1935–36 гг. Макаренко «в военной форме и со знаками различия звания сержанта

НКВД» [12, с. 120]. Как убедительно показал Г. Хиллиг, Макаренко был человеком, которому непросто давался конформизм. В то же время некоторые исследователи лишены сомнений на этот счет, видят в Макаренко Лысенко от педагогики, а его прозу рассматривают как производное этой «селекционной» деятельности. Как правило, такие выводы делаются либо априорно, либо с опорой на фальсифицированные в советское время источники. «Мой мир – мир организованного созидания человека. Мир точной Сталинской логики», – цитирует Е. Добренко письмо Макаренко 1927 года [2, с. 184] в оригинале которого последней фразы нет [7, с. 110].

Если учесть, что в советский период в литературе первоочередное значение придавалось воспитательной функции, Макаренко как создатель советского романа воспитания может считаться образцом соцреалиста. Тем важнее рассмотреть его тексты с учетом содержащихся в них реминисценций, противоречащих общему идеологическому контексту. Обратимся с этой целью к повести «Флаги на башнях».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Соцреализм Макаренко здесь, на первый взгляд, представляет собой самый распространенный вариант 1930-х годов, с обязательными разоблачениями вредителей к Октябрьской годовщине, проповедью бдительности, с чекистской риторикой о «ниточках» и «клубочках», которые распутываются в известных учреждениях. Однако о враге в повести всерьез говорится в связи с надвигающейся войной, а мотив вредительства поначалу звучит не без иронии. Встретив на территории коммуны незнакомого человека (позже выяснится, профессора советского права), вышколенные «пацаны» не проболтаются ему о том, сколько масленок в день делают: «Это бухгалтерия знает». Начальник производства Блюм как истинный прагматик не верит во вредителей: «Что им здесь нужно, в колонии?», враги – это плохой материал, плохие станки, амортизация. У самого же автора в суждениях о враге народа нет ясности. Сначала от лица председателя облисполкома Крейцера он провозгласит, что воспитанник Рыжиков – враг, а потом на встрече с ленинградскими читателями от своего имени объяснит: Рыжиков – «не сознательный вредитель, но по натуре пакостник» [6, т. 7, с. 194].

Во «Флагах на башнях» история вредительства вначале строится по самой банальной детективной схеме: подозрение падает на невиновного. И жертва, и коллектив поначалу ведут себя вполне типично. «Левитин дрожал на середине <…> убивался <…> пронес свое громкое горе по коридору и мимо дневального, и по дорожкам цветников.

– Здорово кричит, – сказал на собрании Данило Горовой, – а только напрасно старается» [6, т. 6, с. 259].

Но то, что происходит в колонии вслед за этим, не укладывается в схему. Захаров, прекратив всякие расспросы, отправляет расстроенного мальчишку к врачу. А коммунары на общем собрании вместо того, чтобы определить меру наказания для Левитина, выясняют, как он, давно живущий в колонии и никогда не кравший, мог стать вором – иначе говоря, задумываются, откуда берутся враги народа, почему ими становятся честные люди, и, конечно, ничего не понимают. Ну, а ночью, когда вся

колония заснет, Захаров-Макаренко вызовет к себе Левитина. «Слушай, Всеволод! Ключей ты не брал и вообще никогда ничего и нигде не украл. Это я хорошо знаю. Я тебя очень уважаю, очень уважаю, и у меня к тебе просьба. Я хочу, чтобы ты был сильным человеком. Я тебя прошу: не падай духом. Тебя обвинили, это очень печально, но… вот увидишь, это потом откроется, а сейчас, что ж… потерпим. Это даже к лучшему, понимаешь?» [6, т. 6, с. 261]. Человек в форме сотрудника НКВД на всю страну заявлял «врагу народа»: «Я тебя очень уважаю. Я тебе верю».

Ни в очерке «ФД-1» (1932), ни в пьесе «Мажор» (1934), посвященных тем же событиям из жизни коммуны им. Дзержинского, этого эпизода нет. Он появился в период большого террора. Писатель не адаптировал взрослый сюжет для юношеского возраста. В педагогической практике ему не раз приходилось иметь дело с отпрысками «врагов» – чаще всего с детьми раскулаченных. Кроме того, в 1935 году было принято Постановление ЦИК И СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», позволявшее привлекать к уголовной ответственности детей, начиная с двенадцати лет. Публично Макаренко отозвался о Постановлении благодушно: дети попадут не куда-нибудь, а «в наши совершенно открытые колонии, где запрещено иметь стены, заборы, решетки, сторожей», где методом воспитания является не наказание, а воздействие коллектива, «воодушевленного общей работой», «идущего вперед в общеобразовательном, политическом и культурно-просветительном деле» [6, т. 4, с. 30–31]. Но ему лучше других было известно настоящее положение дел в колониях. Наконец, перед глазами Макаренко, когда он приступал к работе над «Флагами», был пример одного из первых горьковцев – С. Калабалина. В конце 1937 года тот был арестован и некоторое время провел в заключении. Писатель прекрасно понимал, что сегодня – Калабалин, а завтра – любой другой из его воспитанников может оказаться врагом народа. По многим причинам, не исключая и той, что это *его* ученик.

Призывая юного Левитина пострадать («это даже к лучшему»), Захаров почти цитирует Достоевского, разговор Алеши Карамазова с мальчиками о решении Мити пойти в каторгу:

«– О, если б и я мог хоть когда-нибудь принести себя в жертву за правду, – с энтузиазмом проговорил Коля.

– Но не в таком же деле, не с таким же позором, не с таким же ужасом! – сказал Алеша.

– Конечно… я желал бы умереть за все человечество, а что до позора, то все равно: да погибнут наши имена. Вашего брата я уважаю!» [3, т. 15, с. 190].

Залитое слезами лицо мальчишки-колониста, независимо от того, хотел того автор или нет, заставляет вспомнить о цене гармонии.

Мотивы Достоевского всплывают у Макаренко не случайно. В 1922 году при поступлении в Центральный институт организаторов народного просвещения им. Е. А. Литкенса он называл его среди своих любимых писателей. Достоевским предопределены и философские пристрастия педагога, как они обозначены в «Заявлении»: Ницше, Шопенгауэр, Соловьев, Штирнер. Интерес к Достоевскому у Макаренко с годами не только не угас, но, наоборот, принял более целенаправленный характер. Закончив «Флаги на башнях», он перечитывал Достоевского и писал жене

в письме от 5 ноября 1938 года: «Вот писатель, которого до сих пор не разобрали по-настоящему и которого нужно разобрать во что бы то ни стало. Когда мы с тобой сделаемся старичками, а это будет еще очень не скоро, мы напишем работу о Достоевском, хорошо?» [8, т. 2, с. 238]. И 18 ноября о том же: «Увлекаюсь Достоевским» [8, т. 2, с. 258]. Пристрастия к этому автору не отменяет даже негативный отзыв о нем в письме от 20 ноября: «У Достоевского все-таки страшно много муры, совершенно детской и дешевой» [8, т. 2, с. 261].

На протяжении первых полутора десятилетий советской власти имя Достоевского отсутствовало в наркомпросовских программах. Оно появится в первом обязательном школьном учебнике 1935 года, чтобы исчезнуть уже во втором 1938–1940 годов. «Достоевский, – пишет исследовавший эту тему Е. Р. Пономарев, – оказался главным врагом советской власти в истории русской литературы XIX века, наиболее неудобным для перетолкований и приспособления» [10]. Вместе со всеми врагами народа Достоевский будет реабилитирован и возвращен в школу в 1956 году, но, по словам Е. Р. Пономарева, это возвращение было «предельно осторожным».

Хороший большевистский тон требовал полемики с автором «Бесов». Как публицист Макаренко писал о «гниении» личности у Достоевского, в обязательной по тем временам критике интеллигенции вспоминал «вымирающее племя» Карамазовых и «идиотов», в качестве примера сентиментальной интеллигентщины неизменно приводил «Мальчика у Христа на елке». Достоевскому и другим «великанам человечества» он противопоставлял Сталина, чья Конституция якобы решила проблему личности и общества, о которую все они «расшибали себе лбы» [6, т. 7, с. 13].

Однако в личной переписке автор «Педагогической поэмы» говорил совсем другое: «…моя или Ваша человеческая ценность есть нечто страшно великое и абсолютно независимое от каких бы то ни было физиономий, от всякой толпы, от всякого пота миллионов…» [8, т. 1, с. 45]. Свое чувство к Г. С. Салько он не раз называл любовью в духе князя Мышкина. С этим героем писателя-педагога связывала и такая деталь, как талант каллиграфа. Макаренко шутил, что его письма – это «скоропись семнадцатого века», но начертание некоторых букв у него действительно походит на известные образцы.

С Достоевским ассоциируется одно из важнейших для Макаренко понятий – «живая жизнь», к которому он прибегает и в письмах, и в публицистике, и в художественной прозе (в том числе и во «Флагах на башнях»: «дети – это живые жизни»). Более того, «живая жизнь» – его воспитательный принцип. Расхожий большевистский тезис «изменим обстоятельства – изменится человек», педагог-писатель преобразует в требование постоянно изменять обстоятельства детской жизни, из чего закономерно следует вывод: «Нет никакой системы колонии Горького, нет вообще никакой педагогической системы. Долой педагогику. Есть только живая жизнь» [8, т. 1, с. 63].

Вместе с тем Макаренко – представитель ненавистного Достоевскому «муравейника». И не просто представитель, а волей-неволей один из его создателей. В качестве теоретика он не видел для ребенка лучшей защиты от «случайного семейства» и неквалифицированного воспитания, чем детский дом. А в повседневной

практике опирался на те же принципы, что и педагоги в Санкт-Петербургской земледельческой колонии для малолетних преступников, о которых с симпатией писал Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 год. Они тоже делали упор на труд, товарищеский «самосуд», искоренение прежних, тяжелых впечатлений бытия, замену их новыми. Как ни сдержан Достоевский в оценке деятельности колонии, боясь преувеличить ее достижения, он не может удержаться от похвалы тем, чьими усилиями она существует: если эти люди «решились соединить задачи колонии с своею собственною целью жизни, то дело, конечно, будет "налажено", несмотря даже ни на какие теоретические ошибки, если б таковые и случились» [3, т. 22, с. 25].

Единственный серьезный пункт, в котором Макаренко расходится с Достоевским, – личность. «Могут случиться личности гораздо талантливее и умнее всех прочих в "семье", и их может укусить самолюбие и ненависть к решению среды; а среда почти и всегда средина» [3, т. 22, с. 20–21], – писал о детских «самосудах» Достоевский. Его подход к воспитанию был сугубо личностным. В трудах советского педагога ценность личности измеряется ее «уживчивостью» в коллективе [5]. Но в конкретных случаях Макаренко не держался за теорию и, определяя пасынка на учебу в колонию, писал: «Если Левка здесь головой выше всех, то и в своей школе, я уверен, он в таком же положении. Наконец, хотя бы и так, пусть его голова только в коммуне подымется на такую головокружительную высоту, почему это дурно» [8, т. 1, с. 136–137].

И еще по поводу личности. Из всех обитателей колонии самым неисправимым индивидуалистом оказался создатель фаланстера. Ни один беспризорник так не рвался отсюда на волю, как он. При этом Макаренко не испытывал ничего похожего на чувство, от которого страдал герой «Записок из Мертвого дома»: за десять лет каторги я ни минуты не буду один. О своей «педагогической каторге» автор «Поэмы» писал с юмором: «Представьте себе, что у меня нет ни одной свободной минутки, нет ни одного свободного шага <…> Когда я приезжаю в коммуну, меня окружает целая толпа всяких людей и ходят за мной по пятам, а когда я усаживаюсь за стол, они садятся вокруг меня и смотрят, что я делаю. Они глубоко убеждены, что у меня не может быть от них ничего тайного, что я не имею права заняться чем-нибудь таким, что к ним не имело бы отношения» [8, т. 1, с. 82]. Он бежал не от «русских мальчиков», а именно от «муравейника» – сначала от «соцвосовских дам», потом из аппарата НКВД. Противоположность «коммунистическому словесному поведению» в текстах, предназначенных для печати, – высказывания о «муравейнике» в записных книжках Макаренко. Известна и его реакция на решение жены восстановиться в партии: «если ты вернешься в этот колхоз, я повешусь» [12, с. 123].

В первоначальном плане «Педагогической поэмы» был заявлен характер, близкий бунтарям Достоевского, соединивший в себе цинизм, презрение к обществу и доходящее до аскетизма чувство долга. Этому герою писатель отдал много личного. В. С. Макаренко вспоминал молодость брата: «…к 1907 г. его моральное кредо было следующее. Бога нет <…> Жизнь бессмысленна, абсурдна и до ужаса жестока. Можно любить отдельных лиц, но человечество в целом – только толпа, стадо и заслуживает презрения. Никакая любовь к "ближнему" не оправдывается и абсолютно бесполезна. Родить детей – преступно…» [7, с. 111–112].

В письме Г. С. Салько от 12–13 октября 1928 года Макаренко едва ли не с «подпольными» интонациями рассказывал о временах своего «цинического аскетизма», вызванного презрением к заурядности, и прежде всего женской. «Мне доставляло особенное наслаждение унизить ее и причинить ей самое изысканное страдание, доказать ей, что она не имеет права быть любимой. Именно для этого мне приходилось поддерживать себя на отчаянной нравственной высоте <…> И я специально взбирался на эту высоту, специально обставлял свою жизнь аскетизмом и проклятым трудом, молчаливым и скромным, самым нравственным трудом, чтобы иметь право не замечать человеческого, слишком человеческого страдания <…> И вы себе представить не можете, какая сильная концентрация нравственной энергии собралась в моих руках и как неожиданно убийственно можно было направить ее на среднего человека» [8, т. 1, с. 146].

В задуманном романе писатель намеревался показать нечто, вроде превращения Ивана Карамазова в Алешу при участии все тех же «русских мальчиков». Особую роль в преображении героя должен был сыграть сын любимой женщины, вряд ли случайно названный именем младшего Карамазова. «Дружба с ним, уроки философии, которые доставляют ему наблюдения над Алешей и опыт руководства им, доказывают ему, что в человеческой природе возможны большие новости и возможности» [6, т. 3, с. 491].

В последние годы жизни Макаренко вернулся к этому замыслу. И, хотя в нескольких главах романа «Пути поколения», которые он успел написать, мотив смирения сверхчеловека даже не намечен, Достоевский здесь присутствует. Когда один из героев начинает рассуждать о том, что в советской жизни много благих намерений, но нет «души к человеку», другой привычно перебивает его: «Вы – К-Карамазовы! Братья Карамазовы. Все позволено или не все позволено. Страдание и сладострастие. Бог, черт, человек, а о больницах, о дорогах, о светлых комнатах, о какой иной организации, культуре ни одного слова. Карамазовы – русский стиль» [11, с. 21]. На первый взгляд, «карамазовщина» в этом случае – синоним интеллигентского пустословия. По существу же Достоевским маркированы «несвоевременные мысли» автора.

Макаренко выбрал не самый безопасный шифр. Мало того, что Достоевский был не в чести у большевиков, этот классик однажды уже подвел его. Выступая 5 сентября 1936 года перед выпускниками коммуны имени Дзержинского, помощник начальника отдела трудколоний украинского НКВД позволил себе противопоставить Сталина Троцкому: «…если товарищ Сталин сделает хоть тысячу ошибок, а один, имя которого не хочу называть, поведет нас по правильной дороге, то все же надо идти за товарищем Сталиным» [12, с. 112]. За это он едва не поплатился арестом. Но человек, написавший на оратора донос, и представить себе не мог, на какую недосягаемую высоту возносил тот отца народов в этой речи. Слова Макаренко – не что иное, как перефразированный Достоевский: «…если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [3, т. 28, с. 176]. Пускаться в объяснения по этому поводу означало только больше привлекать внимание к проблеме. Макаренко и не объяснялся.

Скрытая цитата из Достоевского во «Флагах на башнях» не позволяет упрощенно судить о конформизме писателя. Не высказанная прямо, между строк в главе «Здорово кричит» угадывается мысль о советской каторге и личной ответственности каждого за происходящее вокруг. Такой ответ на извечный вопрос характерен для русской литературы. «Казалось бы, Достоевский и Толстой говорят противоположное: "Все за всех виноваты" – и "Виноватых нет". Но различие лишь внешнее». Свое «виноваты все мы» говорит и Чехов в письме А. С. Суворину о сахалинской каторге, – пишет В. Б. Катаев. При этом Достоевский предлагает каждому считать себя виноватым за все зло в мире, Толстой проповедует взаимное прощение, непротивление злу силой, а Чехов видит выход в работе [4].

Макаренко разделял чеховскую «рабочую мораль» и категорически отрицал толстовское непротивление. Обращение же к Достоевскому в ситуации, «когда уже некуда идти», – знак того, что он рассматривал происходящее вокруг не только с позиции «текущего момента». У Достоевского готовность Мити и Миколки безвинно понести наказание порождается религиозным мотивом, а без него теряет смысл. Эпизод с Левитиным нельзя понять иначе, как робкую попытку писателя-педагога обратить у своих учеников и читателей «очи вглубь души». Спрос на разоблачения позволяет сегодня весьма эффектно подать этот факт: педагог-диктатор с помощью Достоевского вербует добровольцев в ГУЛАГ. Но при желании можно и Достоевского прочесть так, что он будет выглядеть не лучше Макаренко – мистик-изувер, чего стоит одно пожелание Вс. С. Соловьеву: «Ах, если бы вас на каторгу!».

В «Братьях Карамазовых» о всеобщей вине говорят Маркел, Зосима, «таинственный посетитель» и наконец Митя: «Можно возродить и воскресить в <…> каторжном человеке замершее сердце <…> А их ведь много, их сотни, и все мы за всех виноваты! <…> За всех и пойду, потому что надобно же кому-нибудь и за всех пойти» Мысль о Боге дает ему силу не бояться страдания. «Как я буду там под землей без Бога? <…> Каторжному без Бога невозможно, невозможнее даже, чем некаторжному!» [3, т. 15, с. 31].

Макаренко многие годы имел дело с «замершими сердцами». В конспиративном разговоре он делился с Левитиным мудростью, видимо, поддерживавшей его самого, когда каторга стала не уделом несчастных, а реальной перспективой каждого. Для человека культуры, который откладывает мысли о вечном на старость и для которого церковный путь слишком узок, Достоевский в этих условиях становился своеобразным символом веры.

Урок тайной свободы, полученный героями повести, не прошел для них даром. Не успел от Захарова уйти Левитин, в его кабинет ворвался Руслан Горохов. Взлохмаченный, в ночной рубашке, он долго не мог найти нужных слов и только размахивал кулаком, а потом выпалил: «Это… липа!». То, что происходит дальше, нельзя назвать иначе, как триумфом права, торжеством справедливости – смеялся Захаров: «Руку, товарищ!», громко хохотал оказавшийся рядом дежурный Володька Бегунок, «Руслан схватил захаровскую руку шершавыми лапищами и широко оскалил зубы». Захаров-Макаренко имел основания гордиться учеником: мальчишка разгадал загадку, оказавшуюся не по силам большинству взрослых, среди которых он рос.

Приведенный пример не единственный случай, свидетельствующий об особой актуальности Достоевского в годы большого террора. Когда в 1937 году А. Афиногенов, автор пьес о вредителях и диверсантах «Малиновое варенье» и «Волчья тропа», оказался в положении врага народа, он тоже примеривался к судьбе Мити Карамазова.

ВЫВОДЫ

Проделанный анализ свидетельствует о неоднозначности такого явления, как соцреализм 1930-х годов. Реминисценции из Достоевского позволяют Макаренко в повести «Флаги на башнях» выразить свое настоящее отношение к драматическим событиям социальной жизни, не вступая в прямой конфликт с властью. Пример писателя-педагога свидетельствует о возможности криптографии даже в безукоризненных, на первый взгляд, образцах соцреализма и указывает на необходимость дальнейших исследований по теме «Достоевский в годы большого террора».

Список литературы

1. *Борисова Л. М.* Самооговор в драматургии А. Афиногенова (О проективно-прогностической функции соцреализма) // Вопросы русской литературы. – Симферополь, 2015. – № 2 (32). – С. 107–122.
2. *Добренко Е.* Политэкономия соцреализма. – М. : НЛО, 2007. – 592 с.
3. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. – Л .: Наука, 1972–1988.
4. *Катаев В. Б.* «Все за всех виноваты» (к истории мотива в русской литературе) // Достоевский и мировая культура. Альманах № 9. – М.: Классика плюс, 1997. – С. 40–45.
5. *Лещинский В. И.* Самосуд: позиция Достоевского и Макаренко // Педагогика. 2001. – № 6. – С. 83–87.
6. *Макаренко А. С.* Педагогические сочинения : в 8 т. – М. : Педагогика, 1983–1986.
7. *Макаренко В. С.* Мой брат Антон Семенович // Советская педагогика. – М., 1991. – № 6. – С. 99–112.
8. «Ты научила меня плакать…» : Переписка А. С. Макаренко с женой (1927–1939) : в 2 т. – М. : Витязь, 1995.
9. Отрывки из незавершенного романа «Пути поколения» // Неизвестный Макаренко. Вып. 2. – М. : б.и., 1993. – С. 24–45.
10. *Пономарев Е. Р.* Ф. М. Достоевский в советской школе // Достоевский и XX век : в 2 т. Т. 1. – М. : ИМЛИ РАН, 2007. – С. 612–624.
11. *Хиллиг Г.* В поисках истинного Макаренко. Русскоязычные публикации (1976–2014). – Полтава : Издатель Шевченко Р. В., 2014. – 778 с.
12. *Хиллиг Г.* А. С. Макаренко и НКВД // Советская педагогика. – М., 1990. – № 9. – С. 18–125.

References

1. Borisova L. M. *Samoogovor v dramaturgii A. Afinogenova (O proektivno-prognosticheskoj funkcii socrealizma)* [Self-incrimination in A. Afinogenov's dramaturgy (On the projective-prognostic function of Social realism)]. *Voprosy russkoj literatury*. Simferopol', 2015, no. 2 (32), pp. 107–122.
2. Dobrenko E. *Politekonomiya socrealizma* [The Political Economy of Social Realism]. M. : NLO, 2007. 592 p.

3. Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t.* [The Complete Works]. L .: Nauka, 1972–1988.
4. Kataev V. B. *«Vse za vsekh vinovaty» (k istorii motiva v russkoj literature)* ["Everyone is to blame for everyone" (to the history of the motive in Russian literature)]. *Dostoevskij i mirovaya kul'tura. Al'manah № 9*. M. : Klassika plyus, 1997, pp. 40–45.
5. Leshchinskij V. I. *Samosud : poziciya Dostoevskogo i Makarenko* [Lynching : the position of Dostoevsky and Makarenko]. *Pedagogika*, 2001, no. 6, pp. 83–87.
6. Makarenko A. S. *Pedagogicheskie sochineniya : v 8 t.* [Pedagogical essays]. M. : Pedagogika, 1983–1986.
7. Makarenko V. S. *Moj brat Anton Semenovich* [My brother Anton Semyonovich]. *Sovetskaya pedagogika*, 1991, no. 6, pp. 99–112.
8. *«Ty nauchila menya plakat'...» : Perepiska A. S. Makarenko s zhenoj (1927–1939): v 2 t.* ["You taught me to cry...": Correspondence of A. S. Makarenko with his wife (1927-1939)]. M. : Vityaz', 1995.
9. *Otryvki iz nezavershennogo romana «Puti pokoleniya»* [Excerpts from the unfinished novel "The Ways of Generation"]. *Neizvestnyj Makarenko*. M., 1993, vol. 2, pp. 24–45.
10. Ponomarev E. R. *F. M. Dostoevskij v sovetskoj shkole* [F. M. Dostoevsky in the Soviet school]. *Dostoevskij i HKH vek: v 2 t.* T. 1. M.: IMLI RAN, 2007. P. 612–624.
11. Hillig G. *V poiskah istinnogo Makarenko. Russkoyazychnye publikacii (1976–2014)* [In search of the true Makarenko. Russian-language publications (1976-2014)]. Poltava: Izdatel' Shevchenko R. V., 2014. 778 p.
12. Hillig G. *A. S. Makarenko i NKVD* [A. S. Makarenko and the NKVD]. *Sovetskaya pedagogika*, 1990, no. 9, P. 18–125.

DOSTOYEVSKY IN A. MAKARENKO'S CRYPTOGRAMS (ABOUT THE EPISODE IN THE STORY "FLAGS ON THE TOWERS")

Borisova L. M.

The article examines the significance of Dostoyevsky's ideas about the value of innocent suffering and universal responsibility ("every one is really responsible to all men for all men and for everything") in the legacy of A. Makarenko. It reveals references to Dostoyevsky in his speeches, journalistic and epistolary texts. Together with the analysis of memoir sources, this allows the author of the article to state that the formation of the writer-teacher took place under the significant influence of the classic writer. The echoes of Dostoyevsky's ideas are clearly discerned in the basic moral values, and a number of motives and types ("Russian boys"), appearing in the creative plans of Makarenko the writer. Particular attention is drawn to the story of an innocently slandered adolescent in the story "Flags on the Towers", the hidden meaning of which becomes clear in comparison with Alyosha Karamazov's speech at the stone. All this testifies to the undoubted relevance of Dostoyevsky's religious and philosophical program for Soviet writers. References to Dostoyevsky largely determine the socio-moral subtext of Makarenko's prose, which is contrary to the principles of Socialist Realism, and make it possible to expand the understanding of the sphere of cryptography in the Soviet literature of the 1930s.

Keywords: Makarenko, Dostoyevsky, "Flags on the Towers", Soviet literature, Socialist Realism, reference, cryptography.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 2. С. 12–21.

УДК 81-139

МАКРО- И МИКРОТЕМЫ В ТЕКСТЕ РАССКАЗА СОМЕРСЕТА МОЭМА «RAIN»

Жамсаранова Р. Г., Баранова Е. С.

Историко-филологический факультет
ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», Чита, Российская Федерация
E-mail: rebeca_zab@mail.ru;
Забайкальский институт железнодорожного транспорта
ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет путей сообщения», Чита, Российская Федерация
E-mail: evgeniya_chita@mail.ru

Статья посвящена описанию гипотетического наличия макро- и микротем как единиц связности текста. С. Моэм в рассказе «Rain» для связности повествования использует такие текстообразующие категории, как участники события, само событие, место и время. Данные категории текста повествуют обо всех тонких, духовно обусловленных перипетиях души человека. Микротемы в тексте вербализованы посредством сверхфразовых единств, образующих формально-смысловое единство. Единство микротем, в свою очередь, определяет макротему текста. Гипотеза о наличии цепочки макро- и нескольких микротем, которые, переплетаясь, проецируют авторскую идею рассказа, верифицирована примерами. Преломленные цепочки макро- и микротем в призме сюжета авторского текста и, главное, дискурс-анализа, способствуют раскрытию авторского замысла и определению мотивов экспрессивности повествования как авторского мастерства владения словом. Выделенные авторами в тексте английского писателя С. Моэма микротемы «человек – миссионер», «миссия человека-миссия Бога», «насилие-добро / любовь» являются, на взгляд исследователей, проекцией одной макротемы «Бог – человек». С. Моэм посредством рассказа «Rain» обращается к изучению животрепещущей темы «Бог в человеке» и «Человек в Боге». Моэма волнует также и тема внутричеловеческих, социальных взаимоотношений, что и описано в действиях, прежде всего в речевых «поступках» персонажей рассказа. Постигнуть авторские интенции, по-другому – философию авторского видения окружающего его мира, оказалось возможным посредством дискурс-анализа текста.
Ключевые слова: дискурс, сверхфразовое единство, микротемы «человек – миссионер», «миссия человека – миссия Бога, «насилие – добро /любовь», макротема «Бог – человек».

ВВЕДЕНИЕ

Изучение связного текста понимается как дискурс, и особую роль в данном аспекте приобрели понятия «стратегия понимания связного текста», «когнитивные модели понимания текста». Т. А. ван Дейк и У. Кинч используют эти понятия, переходя от уровня предложения к уровню текста, и применяют их на разных уровнях: для текстуальной и контекстуальной, внутренней и внешней информации. Стратегический анализ зависит не только от характеристик текста, но и от характеристик пользователя языка, его целей и знаний о мире. Читатель пытается реконструировать не только предполагаемое значение текста, выраженное автором различными способами в тексте или в контексте, но и значение, наиболее верное с точки зрения читателя и его интересов [1]. Отталкиваясь от этих установок понимания связного текста, каковым представляется и художественный текст, полагаем, что основной задачей лингвистического анализа текста художественного

произведения является понимание авторского замысла, основной идеи рассказа как текста.

Известно высказывание М. М. Бахтина, что текст – «это первичная данность» всех гуманитарных дисциплин и вообще всего гуманитарно-филологического мышления… Текст является той непосредственной действительностью, действительностью мысли и переживания, из которой только и могут исходить эти дисциплины и это мышление. Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [2]. Только в тексте возможны реализации как авторского замысла, так и ожидания читательского «вкуса», рефлексии на действительность, непосредственную действительность, в том числе.

Рассказ выдающегося британского писателя Сомерсета Моэма «Rain», опубликованный в 1921 году, посвящен теме миссионерской деятельности Дэвидсонов по распространению христианства в колониях британской империи. События рассказа разворачиваются в колониальный период и начинаются с представления «белых» путешественников Макфейла и Дэвидсона, которые плывут на корабле в Апиа. Мистер Макфейл - врач и он едет в Апиа со своей женой, чтобы остаться как минимум на двенадцать месяцев. Дэвидсоны - миссионеры, которые имеют цель побудить туземцев принять христианскую религию.

Извечная тема отношений «Бог-человек», описанная С. Моэмом, на наш взгляд, преломлена в сюжете данного короткого рассказа «Rain». Понять авторский замысел как идею рассказа, по-другому, текста, возможно посредством дискурс-анализа текста.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Основываясь на базовых положениях восприятия связного текста, художественного текста, полагаем возможным высказать следующие соображения. Во-первых, смысловое пространство текста с позиций дискурса – это некая макротема как смысловая константа, авторский замысел или идея, преломленная в тексте. Известно, что семантическая основа высказываний, характеризующих друг друга, необходима для «образования» дискурса. По-другому, необходимы некие узловые точки (наподобие точек бифуркации в синергетике). И этой «узловой точкой» авторского замысла является, на наш взгляд, макротема.

С позиции дискурсивного анализа текст «Rain» состоит из отдельных микротем. Микротемы, существующие в тексте, являются составными частями текста. В тексте микротемы вербализуются посредством сверхфразовых единств (далее – СФЕ). Исходя из этого, СФЕ можно определить в виде минимальной единицы семантико-синтаксического членения текстов. СФЕ являет собой «группу предложений, раскрывающих одну микротему (частную тему) и образующих на этой основе формально-смысловое единство, имеющее достаточно определенные границы» [3]. Неся некую информацию о ситуации, СФЕ тем самым именует ее. СФЕ характеризуется «лексической преемственностью, широтой охвата содержания излагаемой темы, вплоть до полного ее раскрытия (каждое из последующих звеньев сложного синтаксического целого расширяет и развивает содержание предыдущих)» [4, с. 367]. Единство микротем, в свою очередь, определяет макротему текста.

Макротема текста как авторская идея короткого рассказа С. Моэма – это поиски взаимоотношений Человека и Бога в аспекте вечного диалога и постоянного дискурса.

Затронутая Моэмом тема архетипична, а потому релевантна для всех культур, для разных сообществ и цивилизаций. Во-вторых, определяемая нами единица дискурса текста как макротема, в свою очередь, условно «распадается» на ряд микротем, одну из которых, «Человек – миссионер», попробуем описать. В соответствии с поставленной задачей описания микротемы, корреляции макро- и микротемы с позиций дискурса обратимся для начала к признаковым характеристикам художественного текста.

Известно, что художественный текст обладает рядом особых признаков, чем и отличается от текста вообще. К особым признакам относят фикциональность текста, его условность, вымышленность и опосредованность внутреннего мира текста. Художественный текст обладает синергетической сложностью и целостностью, которая образуется посредством приобретенных «приращений смысла». Взаимосвязь всех элементов текста оказывает влияние на рефлективность поэтического слова, оживление внутренней формы слов, усиление актуализация элементов лексического уровня; на наличие имплицитных смыслов, на смысл межтекстовых связей, интертекстуальность [5].

Именно фикциональность, синергетическая сложность и интертекстуальность являются, по-нашему, базовыми опорами проекции макротемы текста рассказа «Rain» [6].

Как известно, дискурс-анализ многообразен и многоаспектен. В данной статье под дискурсивным анализом мы понимаем проекцию трёхфокусной модели исследования. Трехфокусная модель содержит анализы идеологии текста, интенций и перцепций коммуникантов и семантики языковых знаков, вслед за П. Серио [7].

Т.н. идеология текста – это макротема текста, презентация и описание микротем текста, по-другому, анализ интенций и перцепций, тогда как многосмысленность персонажей художественного текста Моэма вполне согласуется с восприятием их как языковых знаков. Каждая микротема раскрывает смысл основной темы, дополняет и развёртывает ее в логической последовательности. Микротемы отражены в таких элементах рассказа, как сюжет, персонажи, обстановка и т.д., способствуют организации цельности текста и подчинены главной теме.

Для анализа данного текста нами использовались методы контекстуального анализа и дискурс-анализа.

Главная задача художественного произведения – это выражение авторского замысла. Авторский замысел выражается как на лексическом уровне, так и в контексте произведения. Контекст есть скрытый смысл в текстовом выражении мысли.

А. А. Гируцкий отмечает, что предметом современного контекстуального анализа выступает словесный контекст, а также ситуация речи и социокультурный контекст. Т. е. связный текст, взятый в совокупности с психолингвистическими, прагматическими, социолингвистическими, культурологическими и иными

экстралингвистическими факторами. Именно такой текст называют дискурсом [8, с. 217].

С точки зрения повествования контекст разделяется на порождающий, где словотворчество отображено посредством языковых средств, и воспроизводящий – где денотативные значения текста не выходят за рамки внеязыковой действительности. Иными словами, первый выделяет смыслы, а второй дает им название [9].

Темы, объединенные общим пространством смыслового выражения и связанные между собой, составляют основу общего контекста произведения, что, собственно, и представляет предмет исследования в русле дискурс-анализа. Априори мы основываемся и на постулатах, прежде всего, теории авторского текста [10].

Текст, как осуществляющая коммуникативные намерения автора целостная единица, отражает коммуникативное событие, элементы которого должны быть соотнесены с отдельными единицами текста, которые помогают вскрыть его содержательные, функциональные и коммуникативные характеристики.

Текст имеет свою микро- и макроструктуру. Микро- и макроструктура внутри текста определяется особенностями организации единиц текста и тем, как эти единицы взаимосвязаны в рамках целого текста; закономерностями взаимосвязи этих единиц в рамках цельного текста [10]. Высшими элементами данных структур являются макро- и микротемы, которые формируют дискурс как единицу исследования.

Макротема «Бог-Человек» условно состоит из нескольких микротем, наиболее любопытной представляется «человек-миссионер».

В рамках данной статьи опишем микротему «человек-миссионер». Основным персонажем рассказа является мистер Дэвидсон, миссионер, как будто посвятивший всю жизнь религии и служению Господу. Эта микротема наличествует и функционально значима на протяжении всего рассказа посредством вербализации чувств, мыслей, действий и поведения главного героя рассказа.

Приведем вербальные характеристики образа главного персонажа Дэвидсона в тексте рассказа «Rain». Образ вербализован следующими сверхфразовыми единствами: «…a silent man / молчаливый человек», «…a sullen man / мрачный человек», «by nature reserved and even morose / по своей натуре замкнутый, угрюмый», «But the most striking thing about him was the feeling he gave you of suppressed fire. It was impressive and vaguely troubling. He was not a man with whom any intimacy was possible / но особенно поражало вызываемое им ощущение скрытого и сдерживаемого огня. В нем было что-то грозное и смутно тревожное. Это был человек, с которым дружеская близость невозможна» [6, с. 33].

Таковы внешние характеристики образа миссионера Дэвидсона, которые никоим образом не согласуются с общепринятыми изображениями Христа в мировой литературе.

Более того, исходя из авторского текста, рисуется образ не всепрощающего Бога (пусть и в образе миссионера), а почти противоположный образ – образ этакого конкистадора (учитывая колониальные реалии рассказа С. Моэма). Автором описан безупречный образ и почти идеального (с точки зрения самого персонажа) и

ответственного проповедника, который не щадит себя, спокойно рискует своей жизнью и никогда не меняет своих решений: «…he never hesitated in cases of illness / никогда не колебался, если был нужен», «personal danger can't stop him in the performance of his duty / грозящая опасность не помешает ему выполнить свой долг», «I must do all that in my power», «All day I pray …with all my main and might / Я молюсь весь день… весь отдаваясь молитве», «I won't act till I've given her every chance / Я ничего не хочу предпринимать, пока не дам ей возможность исправиться» [6, с. 54].

На первый взгляд читателю может показаться, что мистеру Дэвидсону присуще чувство доброты. Миссионер страстно пытается «возвратить заблудшую и падшую душу» в лоно Отца-спасителя, наставить на праведный путь. Аллюзия на известный образ грешницы Марии Магдалины как авторская интенция очевидна. Возникает исследовательская проблема, когда надо выявить пути представления образа падшей женщины - Мисс Томпсон. Однако этот образ Моэмом представлен по-другому: не раскаявшейся женщиной, вдохновленной на это Иисусом Христом, а ставшей еще хуже, утратившей веру во все святое, и в самого Бога, и в доброту мужчин, вообще человека. И вину за это явление Моэм не без причин возлагает на Мистера Дэвидсона, миссионера, чья, казалось бы, богоугодная деятельность закончилась так бесславно.

В аспекте презентации микротемы «человек-миссионер» образ мистера Дэвидсона описан автором посредством следующих сверхфразовых единств: «I have exhorted her to repent / Я призывал ее раскаяться» [6, с. 55], «Now I shall take the whips with which the Lord Jesus drove the usurers and the money changers out of the Temple of the Most High / Теперь я возьму бичи, которыми господь наш Иисус выгнал продающих и покупающих из храма всевышнего» [6, с. 55]. Из данного контекста можно предположить, что мистер Дэвидсон, намерен прибегнуть к решительным действиям. Он использует изустный эпизод из Евангелия об изгнании мытарей из храма. «I'll act promptly / Я не стану бездействовать», «If the tree is rotten it'll be cut down and cast into the flames», «I`m going to stop it / Я намереваюсь прекратить это». «The very existence of that woman is a scandal / Само существование этой женщины – позор» [6, с. 62]. Напомним, что эти проекции решительности вовсе не присущи образу истинного Отца-спасителя, а скорее напоминают некий крестовый поход против «неверных», когда «огнем и мечом», а вовсе не любовью, искореняют «неверное».

Авторская интенция также очевидна при анализе стилистики текста. О том, что миссионер в своей душе, в своем внутреннем «Я» соотносит себя с Богом, свидетельствует использование в речи персонажа многократного употребления им местоимения «I» и того, что Дэвидсон каждый раз акцентирует внимание на том, что именно он способен исцелить «заблудшую душу»: «I want you all to pray with me for the soul of our erring sister/ молитесь о душе заблудшей сестры нашей», «…kneel with me /преклоните со мной колени», «…pray for the soul of our sister / помолимся о душе возлюбленной сестры», «I must save them / Я должен их спасти», «I made them understand / Я заставил их понять», «I made it a sin.. / Я научил их, что грешно...» [6, с. 42].

Также очевидны авторские мысли о роли миссионеров, которые «мнят самих себя Богами». Использование местоимений I, me, my, with me в высказываниях с

упоминанием имени Бога заставляют понять авторский намек на то, что сей персонаж настолько «увлекся», что, кажется, возомнил себя Богом. Данное наблюдение усугубляется еще и тем, что миссионер довольно скуп на словесное выражение своих эмоций и выражает их в основном, цитируя библию: «but love of the Lord Jesus can rich him still / любовь Иисуса Христа достигнет его», «I've given her chance… / дам ей возможность исправиться», «Jesus may grant her this great mercy», «our Blessed Lord, who gave his life for her / благословенный Искупитель, отдавший за нее жизнь» [6, с. 77].

Персонаж рассказа «Rain» мистер Дэвидсон представлен автором как миссионер, который одержим своей профессиональной деятельностью: «his great eyes flashing out / его огромные сверкающие глаза», «fire of his gestures / пламенные жесты», «looked fierce and determined/ дышал неукротимой решимостью», «his affability was a duty that he imposed upon himself Christianly / проявляя любезность, он лишь выполняет возложенный на него долг христианина», «He is obstinate», «when he's once made up his mind, nothing can move him / если он задался целью, ничто уже не сможет его остановить», «…try to bore into her soul / …стремился понять сокровенные мысли», почти как Бог.

Однако развязка рассказа была совсем иная, трагичная, отличная от известного библейского сюжета.

Гнев, присущий мистеру Дэвидсону, также обусловлен его миссионерской деятельностью. Мистер Дэвидсон - настолько одержимый миссионер, что возомнил свою деятельность как «спасение» колонизированных. Его гнев вызван аморальным поведением со стороны окружающих его людей: «…passion of indignation / со страстным возмущением», «…turned his gloomy eyes on her / его мрачные глаза вонзились в нее», «his voice trembled with horror/ его голос содрогнулся от неприязни», «I'm not going to allow it / не потерплю этого!», «…a contemptuous look / исполненный презрения взгляд» и т.д.

Другими словами, из анализа текста очевидна авторская интенция по поводу миссионерской деятельности британцев в подчиненных им колониях, о чем Моэм знал не понаслышке. И в этих текстах проявляется еще одна микротема «миссия человека-миссия Бога», когда автор пытается изучить скрытую от внешних взоров сокровенную тему воздействия истинно божественного влияния на человека на пути к Богу.

С. Моэм стремится сформировать у своего читателя глубокое убеждение об истинно божественном спасении душ, отличающемся от формализованного миссионерства. И в этом заключается сила художественного текста, художественного образа, нарисованного автором произведения.

Исполнены трагизма «заключения» миссионера о плодах его «деятельности», когда он провозглашает, что результатом его словесных бесед с Мисс Томпсон стало следующее: «he has heard our prayers / он (Бог – авт.) услышал наши молитвы», «her soul is transformed / ее душа преобразилась», «a great mercy has been voushsafed me / величайшая милость ниспослана мне». Эта мнимая «победа» миссии Дэвидсона сложилась, по его глубокому убеждению, как результат его призывов неизбежного наказания за содеянное, т.е. за распутный образ жизни Мисс Томпсон.

«She’s sinned/ она согрешила», «she must suffer / должна страдать», «I have exhorted her to repent/ Я просил ее раскаяться», «If she fled to the uttermost parts of the earth I should pursue her / я нашел бы ее даже на краю света», «I want to put in her heart the passionate desire to be punished / хочу пробудить в ней страстное желание пройти это испытание», «I want her to feel that the bitter punishment of prison/ пускай прочувствует благочестивую милость в муках тюремного заточения». В части, касающейся туземцев: «We had to make it a sin, not only to commit adultery and to lie and thieve, but to expose their bodies, and to dance and not to come to church / Нам приходилось учить их, что не только прелюбодеяние, ложь и воровство - грех, но что грешно обнажать свое тело, плясать, не посещать церкви» [6, с. 42].

Микротема «миссия человека-миссия Бога» органично вписывается в структуру макротемы «Бог-Человек», добавляя все новые и новые коннотации в смысловое пространство дискурса.

Полагаем, что при дальнейшем анализе текста возможно сформулировать и еще одну микротему – «насилие – добро / любовь». Моэм вкладывает в уста псевдомиссионера Дэвидсона слова о возможности применения насилия, кары, вплоть до тюремного заключения, как «ответа» на отказ изменить привычный образ жизни и туземцам, и Мисс Томпсон – местной проститутке.

Его упорство из кажущегося «словесного» достоинства оборачивается худшим пороком. Мистер Дэвидсон, при всех его положительных качествах, говорит: «We'll save them in spite of themselves / Мы спасем их, вопреки им самим», «I instituted fines/ Я учредил штрафы», «I could expel them from their church membership / я мог исключить их из церковной общины», «They couldn’t sell their copra. When the men fished they got no share of the catch. It means something very like starvation / Они не могли продавать копру. И не имели доли в общем улове. В конечном счете это означало голодную смерть» [6, с. 43]. Выделенные нами сверхфразовые единства вербализуют микротему «насилие-добро /любовь».

В микротеме, воспроизведенной в смысловом содержании текста, насилие рассматривается как преднамеренное физическое и психологическое подавление людей в интересах, чуждых личности и обществу в целом. Идейную доминанту богословия обличает постулат о несовместимости религии и насилия. В интерпретации большинства проповедников, религия есть основа мира, любви и согласия. Религия как важнейший способ духовного воспитания направлена на ограждение общество от жестокосердия.

Фактам совершения миссионером Дэвидсоном насильственных действий можно дать только одно объяснение. Осуществляя свои поступки, миссионер действовал не из религиозных побуждений. Так называемое спасение «заблудших душ» посредством насилия не является богоугодным делом. Прикрываясь религиозными призывами, он, как ему кажется, обращает в свою веру заблудшие души, которые, к несчастью, не имели возможности или желания изучить Библию и искренне верят, почти верят любым утверждениям миссионера. В работе «Миф о религиозном экстремизме» доктор педагогических наук, профессор С. С. Оганесян пишет: «Другое дело, что существуют «личности», которые сеют вокруг себя религиозную,

равно как и этническую, рознь и ненависть. Но все они настолько же далеки от Бога, насколько близки к Сатане» [11].

Мистер Дэвидсон, чье предназначение служить примером для подражания, будучи женатым, систематически переступает все те нормы, которые пропагандирует. Факт содеянного им с Мисс Томпсон, которая чуть было не поверила призыву «прийти в лоно Отца-спасителя», чудовищен. Поэтому развязка рассказа трагична и, добавим, закономерна. Глубоко убеждение Моэма в том, что насилием, пустыми увещеваниями, пусть и прикрытыми словами о Боге, невозможно привести Человека к Богу. Только любовь и добро способны сотворить подобное чудо.

Рефреном всего повествования является образ изрядно надоевшего всем дождя. Как языковой знак он отнюдь не бессмыслен. Все образы моэмовских рассказов чрезвычайно насыщенны аллюзиями, метафоричны и знаковы. Дождь как очищение, как благостная небесная влага, ниспосланная Богом, призван очистить все вокруг от миссионерской скверны как очевидного лицемерия.

Таким образом, вербализованная посредством микротем макротема «Человек-Бог» релевантна в тексте, функционально значима, поэтому текст имеет свою, «моэмовскую» синергию как аккумуляцию архетипично важных взаимоотношений Человека с самим собой и Богом.

ВЫВОДЫ

Анализ макро- и микротем рассказа «Rain» как единиц связности текста позволил установить, что, переплетаясь, макро- и микротемы проецируют авторскую идею рассказа, способствуют раскрытию авторского замысла и проявлению экспрессивности повествования.

Для его связности автор использует следующие текстообразующие категории: участники события, само событие, место и время. Данные категории текста повествуют обо всех тонких, духовно обусловленных перипетиях души человека, а главное – отношений Человек – Бог.

В анализируемом произведении представлено время (мир), в котором жили и властвовали миссионеры, решая судьбы других людей. Их мучили разные чувства: боль за совершение греха, гордость за свой успех и стойкость, осознание необходимости выстоять в решении своих дел, чтобы впоследствии насладиться спокойной жизнью на неких «райских», а иногда придуманных ими островах. Это все не может оставить равнодушным и не пробудить чувство сострадания.

Сомерсету Моэму в коротком рассказе «Rain» удалось привлечь внимание читателя к архетипически релевантным взаимоотношениям Бога и Человека. Побудить человека, живущего иногда только сегодняшними проблемами, к осмыслению своего истинного предназначения, смысла жизни (который заключается не только в том, чтобы родить, воспитать и работать) – вот идея рассказа, авторская интенция, обнаружить которую возможно посредством дискурс-анализа текста.

В авторском тексте без прямого упоминания слова hypocrisy («лицемерие») С. Моэму удалось «подвести» читателя к мысли о лицемерии миссионерской деятельности в целом. Говоря по-другому, «вскрылись» сокровенные мысли и идеи

самого автора не только о лицемерии миссионеров, возомнивших себя, в том числе, некими «проводниками» Божьей воли по отношению к другим, но и об извечной теме поисков Бога в человеческой сути, отождествления Бога с Человеком. Рассказ глубоко философичен, в нем затронуты извечные идеи божественного в человеке на фоне реальных событий истории отдельной страны, отдельной (англо-саксонской) культуры.

Список литературы

1. *Дейк, Ван Т. А., Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М., 1988. – С. 153–211.
2. *Бахтин М. М.* Язык в художественной литературе // Собр. соч.: в 7 т. – М., 1997. – Т. 5. – С. 287.
3. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц / под ред. Е. И. Дибровой. М., 2001. – 624 с.
4. *Валгина Н. С.* Современный русский язык: синтаксис. – М., 2003. – 416 с.
5. Художественный текст в современной лингвистической парадигме: учебно-методическое пособие для вузов. – Воронеж, 2007. – 51 с.
6. William Somerset Maugham Rain and other stories. – New York: Grosset&Dunlap, 1921. – 312 p.
7. *Серио П.* Анализ дискурса во французской школе (дискурс и интердискурс) // Семиотика: антология / отв. ред. Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – С. 549–562.
8. *Гируцкий А. А.* Общее языкознание: учебник. – Минск: Вышэйшая школа, 2017. – 238 с.
9. *Андреева Г. В.* Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка): автореф. дис. канд. филол. наук. – Л., 1984.
10. *Ефремова Л. С.* Сверхфразовое единство как семантико-синтаксическая единица текста // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 3 (8). – С. 105–107.
11. *Оганесян С. С.* Миф о религиозном экстремизме: Фанатики настолько же далеки от Бога, насколько близки Сатане // Независимая газета. 2000–10–19. http://www.ng.ru/politics/2000-10-19/3_extreme.html
12. *Жамсаранова Р. Г., Ким Н. В.* Повесть Анатолия Светланского «Бегство из рая»: тема-рематическая связность текста // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2020. – Т 6 (72), № 2. – С. 79–94.

References

1. Deik, Van T. A., Kinch V. *Strategii ponimaniya svyaznogo teksta. Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk XXIII.* [Strategies for understanding a coherent text. New in foreign linguistics]. Moscow, 1988, pp. 153–211.
2. Bakhtin M. M. *Yazyk v khudozhestvennoi literature. Sobr. soch: v 7 t*. [Language in fiction in 7 volumes]. Moscow, 1997. vol. 5, p. 287.
3. *Sovremennyi russkii yazyk. Teoriya. Analiz yazykovykh edinits.* [Modern Russian language. Theory. Analysis of language units] pod red. E. I. Dibrovoi. Moscow, 2001. 624 p.
4. Valgina N. S. *Sovremennyi russkii yazyk: sintaksis.* [Modern Russian language: syntax]. Moscow, 2003. 416 p.
5. *Khudozhestvennyi tekst v sovremennoi lingvisticheskoi paradigme. Uchebno-metodicheskoe posobie dlya vuzov.* [Literary text in the modern linguistic paradigm]. Voronezh, 2007. 51 p.
6. *William Somerset Maugham Rain and other stories.* New York: Grosset&Dunlap, 1921. 312 p.

7. Serio P. *Analiz diskursa vo frantsuzskoi shkole (diskurs i interdiskurs).* [Analysis of discourse in the French school (discourse and interdiscourse)]. *Semiotika: antologiya*. M.: Akademicheskii proekt, 2001. pp. 549–562.
8. Girutskii A. A. *Obshchee yazykoznanie. Uchebnik* [General linguistics]. Minsk, Vysheishaya shkola, 2017. 238 p.
9. Andreeva G. V. *Yazykovoe vyrazhenie kontrasta i ego stilisticheskie funktsii v khudozhestvennoi proze (na materiale angliiskogo yazyka).* [Linguistic expression of contrast and its stylistic functions in fiction (based on the material of the English language)]. L., 1984.
10. Efremova L. S. *Sverkhfrazovoe edinstvo kak semantiko-sintaksicheskaya edinitsa teksta* [Extra-phrasal unity as a semantic and syntactic unit of the text]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl', 2011. no.3 (8), pp. 105–107.
11. Oganesyan S. S. *Mif o religioznom ekstremizme: Fanatiki nastol'ko zhe daleki ot Boga, naskol'ko blizki Satane* [The Myth of Religious Extremism: Fanatics are as far from God as they are close to Satan]. Nezavisimaya gazeta. 2000–10–19. http://www.ng.ru/politics/2000-10-19/3_extreme.html
12. Zhamsaranova R. G., Kim N. V. *Povest' Anatoliya Svetlanskogo «Begstvo iz raya»: tema-rematicheskaya svyaznost' teksta* [Anatoly Svetlansky's novel "Flight from Paradise": the theme-rhematic coherence of the text]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, vol. 6 (72), no. 2, pp. 79–94.

MACRO- AND MICROTEMES IN THE TEXT OF SOMERSET MAUGHAM'S SHORT STORY "RAIN"

Zhamsaranova R. G., Baranova E. S.

The article is devoted to the description of the unity of the hypothetical presence of macro- and microthemes as units of the coherence of the text. The author of the analyzed text "Rain" is the British writer Somerset Maugham. For the coherence of the narrative, the author uses such text-forming categories as the participants of the event, the event itself, place and time. These categories of the text tell about all the subtle, spiritually conditioned vicissitudes of the human soul. Microthemes in the text are verbalized by means of extra-phrasal unities forming a formal semantic unity. The unity of microthemes, in turn, determines the macrotheme of the text. The hypothesis of the presence of a chain of macro- and several microtemes, which intertwine, project the author's idea of the story, is verified by examples. The refracted chains of macro- and microthemes in the prism of the plot of the author's text and, most importantly, discourse analysis, contribute to the disclosure of the author's intention and the definition of the motives of the expressiveness of the narrative as the author's mastery of the word. Highlighted by the authors in the author's text of the British writer S. Maugham, the microthemes "man is a missionary", "the mission of man is the mission of God, "violence is good / love" are, in the opinion of researchers, a projection of one macrotheme "God is man". S. Maugham, through this story "Rain", addresses the study of the burning topic "God in man" and "Man in God". Maugham is also concerned about the topic of intrahuman, social relationships, which is described in the actions, first of all, in the speech "deeds" of the heroes and characters of the story. And to comprehend the author's intentions, in a different way, the philosophy of the author's vision of the world around him turned out to be possible through the discourse analysis of the text.

Keywords: discourse, theme, extra-phrasal unity, microthemes "man is a missionary", "man's mission is God's mission, "violence is good /love", macrotheme "God-man".

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 2. С. 22–32.

УДК 821.351.12

ЭВОЛЮЦИЯ АВАРСКОЙ ПОЭЗИИ 1950–1960-х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА РАСУЛА ГАМЗАТОВА)

Муртазалиев А. М., Набигулаева М. Н.

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
Махачкала, Российская Федерация
E-mail: ahmurt04@gmail.com; nabmar2012@yandex.ru

Статья посвящена эволюции аварской поэзии 1950–1960-х гг., исследуемой на материале творчества Расула Гамзатова. В обозначенный период аварская поэзия развивалась под непосредственным влиянием сложной и противоречивой эпохи, а потому в ней ощутимы напряженность и драматизм поисков моральных и нравственных истин, утверждение личностной самоценности и сопричастности со всем происходящим, ответственность за него и, конечно, наличие своеобразного взгляда на концепцию личности, которая получила талантливое развитие в поэзии Расула Гамзатова. Поэтические поиски Р. Гамзатова особенно проявились в 1950–1960-е годы. В этот период поэт формирует новую художественную концепцию цельной, нравственно состоявшейся личности. При этом Р. Гамзатов решает важные задачи национальной этики и эстетики. Поэтому большой интерес представляет изучение своеобразия эстетического в системе ценностных отношений и творческом кредо дагестанского поэта; закономерностей его эстетических представлений; идеала, героического, прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, трагического и комического и т.д. Осмысление своеобразия эстетического отношения Р. Гамзатова к миру дает основание сделать вывод, что в его творчестве ярко проявляется философский тип художественного мышления, что и определяет своеобразие его поэтического мастерства.
Ключевые слова: аварская поэзия, Р. Гамзатов, национальное сознание, Дагестан, лирический герой, родной язык.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность избранной темы обусловлена тем, что поэзия Р. Гамзатова сформировалась и развивалась в рамках лучших идейно-нравственных и художественно-эстетических традиций аварского устного народного творчества и литературы. В то же время творчество поэта 1950–1960-х годов выразило новый уровень обращенности к личности человека, определило расширение тематического диапазона, углубление психологизма, обновление поэтических форм.

Статья ставит целью дать представление об эволюции поэзии Р. Гамзатова в 1950–1960-х годах и об утверждении новой концепции личности в аварской поэзии. В исследуемый период творчество поэта сформировалось как яркое проявление национального художественного сознания, отображающее богатую, многообразную жизнь цельной личности в разветвленных связях с реальностью человеческих дел, исторических событий, социально-политических процессов: «Расул Гамзатов вступил в пору зрелости, когда неизмеримо расширились горизонты познания, на смену догматическому подходу в решении ряда проблем пришел творческий, научный метод изучения действительности и прошлого. Плодотворность этого подхода не могла не сказаться и на творчестве поэта» [9, с. 93].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Как яркая творческая индивидуальность и создатель неповторимого идейно-художественного комплекса, Р. Гамзатов оказал огромное воздействие на развитие всей аварской литературы. Его поэзия представляла собой новый источник для разработки актуальнейших вопросов искусства – соотношения общего и индивидуального, традиции и новаторства, национального и интернационального. Она раздвинула жанровые границы аварской литературы, обогатив ее разнообразием видов произведений, новыми художественными формами, такими как восьмистишия, надписи, прозаические эссе, сонеты, лирические циклы и пр. Указав основные направления, по которым в дальнейшем развивались и шли к новым рубежам поколения аварских мастеров слова, поэзия Р. Гамзатова в исследуемый период вышла на мировую арену, став явлением общечеловеческого порядка.

Довольно рано пришел Р. Гамзатов в литературу. Еще в середине 1930-х годов появились его, четырнадцатилетнего подростка, поэтические сочинения на страницах аварской печати. Литературные поиски первых его сборников стихов, изданных в первой половине 40-х годов, были определены политическими и государственными задачами сурового времени («Пламенная любовь и жгучая ненависть», «Отголоски войны» и др.). Поэт широко разрабатывал тему героики войны, массового героизма, проявившегося как в подвигах отдельных личностей, так и всего советского народа. Большинство из этих стихотворений эпично по-своему содержанию, по воссозданным образам реальных героев. Однако лиризм пронизывает все описания, все элементы и детали повествования, ибо все происходящее имело непосредственное отношение и к самому поэту. Лирический герой Гамзатова этих лет – человек активной воли, ясных и четких позиций, для него характерен в полной мере выявленный волевой акт – протеста или приятия, ненависти или любви, презрения или восторга. Это человек, исполненный чувства гордости за свою землю и ненависти к ее врагам.

Поэзия Р. Гамзатова конца 40-х – начала 50-х годов, представленная поэмами «Родина горца», «Год моего рождения», сборником стихов «Дети дома одного», отличается большим кругом философско-исторических идей, глубоким проникновением в исторические судьбы своего народа, широким чувством интернациональной солидарности.

Вторая половина 1950-х и 1960-е годы – время высокой активности Р. Гамзатова, время больших свершений. Именно в эти годы к поэту приходит слава большого мастера художественного слова: в 1963 г. за сборник «Высокие звезды» он удостаивается Ленинской премии – высшей правительственной награды. «Символично название книги: вовсе не космосу она посвящена, а земным делам и переживаниям, и адресована людям – высоким звездам, до которых "долететь бы мне только"… "Высокие звезды" – это исповедь сына перед матерью-родиной» [12, с. 275].

В какой-то степени Гамзатов продолжает разрабатывать тематику прошлых лет. Так, обширная поэтическая тема женской судьбы завершается поэмой «Горянка», дальнейшее развитие получает тема дружбы народов страны, углубляется военная тематика и т.д. Однако известные темы в новых условиях изменялись и углублялись

в содержании, акценте и ракурсах воплощения, что неизбежно вело к обновлению образно-эмоционального строя стихов, а нередко и к созданию новых художественных конструкций.

В 1950-х годах в творчестве Р. Гамзатова ярко выраженный акцент сделан на теме дружбы народов, что способствовало расширению ее рубежей. Бесконечно варьируясь, обретая новые смысловые и эмоциональные ракурсы и акценты, тема дружбы претворяется в особые лирические циклы, где каждое стихотворение раскрывает до конца свое идейно-эстетическое содержание лишь в контексте этого целого. Так складываются циклы стихов о Грузии, Армении, Азербайджане. Объединенные одной темой, но разнообразные по мотивам – философским, историческим, гражданским, публицистическим стихи приобретают эстетическую значимость и ценность более всего в выражении авторского отношения к изображаемой стране, ее культуре, истории, природе, народу, в причастности поэта к инонациональной жизни. «В цикле стихов, посвященных братским закавказским республикам, вновь появляется тема интернационализма. Тема эта возникает совершенно естественно, так как Грузия, Армения и Азербайджан – добрые соседи, к которым поэт ездит в гости, с которыми дружит. Личные встречи с писателями и поэтами, знакомство с их творчеством и непосредственные впечатления от пребывания в этих республиках, раздумья о новых отношениях, сложившихся между народами, – все это и послужило поводом к созданию прекрасного цикла стихов» [1, с. 64].

В стихотворении «Леки» наблюдается ярко выраженная авторская влюбленность в культуру Грузии, позволившая Гамзатову с тонким юмором и в шутливой манере вспомнить о непростых, порою драматичных отношениях в прошлом между грузинами и аварцами. Наглядным свидетельством любви аварского поэта к Грузии является и поэтическая метафора, превращающая грозного леки, не раз похищавшего грузинских девушек, в их пленника («Грузинские девушки»):

Эбелалъ кинидахъ бицинчIищ дуе
Дир хъачагълъиялъул, дир чабхъеналъул?
Инсуца кучIдузулъ ахIичIищ дуе
Кин ЦIоралде гьужум гьабураб дица? [7, с. 256]

Мать не рассказывала тебе у колыбели
О моем разбое, о моих набегах?
Отец не пел тебе в песнях,
Как совершал я набеги в Закавказье?[1]

В стихотворении «Над Алазанью» влюбленность в прекрасную природу Грузии позволяет поэту не только воссоздать облик страны в пластических образах, но и передать свое состояние, полноту мироощущения, идущую от сознания близости к земле братского народа:

[1] Здесь и далее подстрочный перевод принадлежит авторам статьи.

РорчIана гохIазда гъаларал рохьал,
ГъутIбуца гIурулъе къулана бутIрул.
Дица, дангъурги цIун, лъаралъ кенчIолеб
Канлъиялъ чурана дирго гьумер, бер [7, с. 266–267].

Проснулись на склонах гор леса,
Деревья склонили головы к реке.
Я, пригоршню наполнив, в реке блестевшим
Светом помыл свое лицо и глаза.

Р. Гамзатов абсолютно точно обнаруживает общее между народами, единые связующие нити в отношениях людей, параллели в их судьбах. Так, стихи об Армении «Я никогда не слышал песен», «Я смотрю на Арарат», «Пойдем к Севану» и др. свидетельствуют об умении автора показать своеобразие национального мира, неповторимую включенность человека в природу, свойственную культуре армянского народа.

Эрмениялъ гIадал пашманал кучIдул
Кидаго рагIичIо дида гIумруялъ, –
Дуца, Севанги тун, унеб мехалда,
Дий гьел ахIарал куц кида кIоченеб [6, с. 189–190].

Как в Армении печальных песен
Нигде я не слышал в жизни, –
Разве забудешь, как их мне спела
Ты, когда проезжали Севан?

Чувством духовного родства исполнены стихи поэта об Азербайджане («Как рано ты умер, поэт», «Баку» и др.).

Дица мун баркула, Баку, кидаго
Ва кверал росула гьал дур васазул.
Биччай Каспиялъул карачалабаз
Кидаго бицине нилъер вацлъидал [6, с. 194].

Я всегда приветствую тебя, Баку,
И здороваюсь с твоими сыновьями.
Пусть волны Каспия
Рассказывают всегда о нашем братстве.

В исследуемый период в поэзии Гамзатова объектом глубокого анализа становится тема России, ее роль в судьбе родного народа, во взаимоотношениях между аварским и русским народами. Вместе с утверждением неразрывности исторических судеб Дагестана и России, словами благодарности передовой русской интеллигенции Гамзатов вводит в национальную поэзию и национальное сознание

новые философско-исторические, нравственно-этические идеи. В определенной степени с русской темой связано стремление создать и образ положительного героя своего времени.

К концу 1950-х годов в творчестве аварского поэта значительно расширяются границы интернациональной темы. Поэт, побывавший во многих странах разных континентов, размышляет над темой судеб людей, говорящих на разных языках, живущих в разных государствах, но единых в своем стремлении утвердить на земле мир, счастье, торжество труда и справедливости («О моей родине», «Прощай, Стамбул», «Хиросима», стихи о Франции, Кубе, Болгарии и т.д.).

В стихах Гамзатова впервые в аварской литературе предстает не абстрактное человечество, а красочный мир планеты людей. «Поэзия Расула Гамзатова полна философских раздумий. В них тревога за судьбы всего человечества и боль за обиды человека. В них гордость за человека, творца всего прекрасного на земле, и изумление перед грандиозными свершениями эпохи» [8, с. 54]. В каждой миниатюре, зарисовке раскрывается характер народа, живут его нравы, обычаи, культура. Перед поэтом встают картины резких контрастов бедности и богатства: парижанка с куклой-собачкой в руках и лики голодных детей на улицах Стамбула, «картежники забубенные», ищущие счастья за зеленым сукном, и «грустные журавли» в небе Хиросимы как напоминание о страшной трагедии. Все это входит в сердце и сознание поэта, становится его болью. И в этом ощущении своей принадлежности к сообществу людей всего мира, своей причастности к судьбе человечества состоит истинный смысл интернациональной поэзии Гамзатова.

Многие стихи поэта о зарубежных странах публицистичны по своему характеру, служа образцом органичного единства поэзии и политики. Стремление к предельно четкому выражению своей мировоззренческой позиции ведет поэта в стихотворении «О моей родине» к своеобразной, обусловленной самой современностью форме. Он мысленно как бы заполняет строгие формулы официальной анкеты, отвечает на ее вопросы: «Родственники есть ли в иных державах у тебя?», «Ответь, ты не был ли в плену?» В Стамбуле поэт видел турка, похожего на его отца, на Кипре встречал женщину, которая напоминала ему мать, во Франции парижанка, воевавшая в маки, показалась ему сестрой, а на Кубе под впечатлением песен на испанском языке он чувствует себя мулатом – эти и многие другие люди близки поэту по духу, он один из них:

Дун нужер вац вуго, дун поэт-мулат,
Эбел дир чIегерай, эмен дир хъахIав.
Гъез дун иргаялда цоцахъе кьуна,
Цадахъ, кверал гги ккун, кивго вачана [7, с. 418].

Я ваш брат, я поэт-мулат,
Мать моя черная, отец мой белый.
Они меня по очереди друг другу передавали,
Вместе, взяв за руку, брали повсюду.

По мысли аварского поэта, новое ощущение братства человечества родилось в войну. В этом отношении показательно стихотворение «Цадинское кладбище», в котором трагедия войны выражена в поэтическом образе сельского кладбища, ибо память о павших, образы их, взывающие к современникам, – тоже часть этого мира.

Ровная, тихая, грустная речь поэта переносит читателя на аульское кладбище, где могилы его родственников, друзей, односельчан. Надписи на камнях вызывают в памяти знакомые, порой родные лица: вот племянница, маленькая Патимат, а рядом дорогой друг Мухумил Мухамад и сверстники Биясланил Исхак, Мусал Мухамад. Но напрасно поэт ищет тут могилы своих братьев, многих своих сверстников, односельчан...

ГIодилеб бугин ракI, кин ратуларел
КигIан тираниги, вацазул занал.
Мун Балашовалда щай хвезе чIарав,
Хоб гьечIин дур росулъ, унго, МухIамад [4, с. 415].

Плачет сердце, никак не найду,
Сколько бы ни ходил, могил моих братьев.
Почему ты умер в Балашове,
Нет твоей могилы в ауле, Мухамад.

Их унесла война. По ее вине разбросаны родные могилы по чужим землям, по иноземным кладбищам. Элегизм раздумий драматизируется авторским живым ощущением современности. Лирическая мысль наполняется мотивом смерти – бессмертия: жертвы войны, герои-мученики священны для всех народов:

Дир гьитIинаб росдал васазул ватIан
ГьитIинаб гьечIолъи лъай дунялалда:
Украинаялда, Белоруссиялъ
Би тIинкIана нижер мугIрул хIанчIазул [4, с. 415].

Моего маленького аула сыновей родина,
Что не маленькая, знает мир:
В Украине, Белоруссии
Пролилась кровь наших горских птиц.

В произведениях Гамзатова заметна сильно выраженная предопределенность и тематики, и художественных концепций, определенная облегченность решений сложных проблем, их идиллическая описательность. Здесь аварский поэт отдал дань своему времени, пропаганде дружбы народов, нередко носившей рекламный, искусственный характер.

Однако нельзя полностью опровергать и то многое неоспоримо положительное и ценное, что было в межнациональных отношениях в СССР. Бывшее многонациональное советское общество, несомненно, дало определенный импульс росту этнического сознания, развитию национальной культуры, образования и науки. «В "пользу" стихов на тему дружбы народов говорит также и то, что многие тексты

идут по традиции от правды факта, бытовой реальности, в них не так уж много надуманного, неискреннего, исторического. В лучших же стихах воссоздавался правдивый эмоциональный мир художников, подлинные лирические переживания» [13, с. 31]. Дружеские связи между писателями, их встречи и общение, участие и совместное проведение национальных праздников, юбилейных дат, как правило организованных властями, бесспорно, создавали теплый психологический климат, располагали к чувствам добрым и гуманным.

В творчестве Р. Гамзатова особое место занимает тема родного языка. «Родной для Гамзатова аварский язык… Дан от колыбели он до могильной плиты. Любовь к нему неизменна. Она может быть высказана сдержанно и целомудренно. Но может прихлынуть с такой силой и неудержимостью, что скупыми словами этого не передать. Не передать прозой. И тогда звучат стихи» [2, с. 287]. Тема эта впервые была озвучена в стихотворении «Родной язык», созданный в 1951 г. А через восемь лет, в 1959 г., в ответ на разгоревшуюся среди интеллигенции республики полемику о национальных языках и их судьбах он выступил с программным произведением «Аварский язык». В противовес тем, кто ратовал за форсированное сближение наций и народов, готов был забыть, что путь к нему лежит через расцвет каждой национальной культуры, Гамзатов страстно и эмоционально выразил свою любовь к народной культуре, живым символом и олицетворением которой выступает родной язык. Мысль свою поэт выразил тогда в предельно страстных, патетических строках, исполненных такого огромного эмоционального заряда, что для широкой читающей публики они стали своего рода заповедью:

Лъаларо, МухIамад, цогиязул иш,
Амма дица дирго рахъалъ абила:
Метер магIарул мацI хвезе батани,
Хваги дун жакъаго, жаниб ракI кьвагьун [5, с. 11].

Не знаю, Мухамад, как другие,
Но я от себя скажу:
Если завтра аварский язык умрет,
Пусть я умру сегодня от разрыва сердца.

Как поэт и гражданин, Гамзатов, чутко осознав общественную необходимость дать отпор «левацким» теориям, выполнил тогда «заказ» времени, заказ своего народа и продемонстрировал одновременно характер истинного бойца, готового в любую минуту ринуться в бой за идеалы, утверждаемые им.

Через несколько лет после стихотворения «Аварский язык» поэт вновь почувствовал потребность обратиться к теме родины и народа, к теме родного слова. В поэме «Весточка из аула», созданной в 1961 г., автор размышляет о великой животворной силе родной речи, утверждает бессмертие языка и национальной культуры, пока жив и бессмертен народ. Родной язык становится для него своего рода аккумулятором понятия родины, родной земли, хранителем гуманных традиций и духовных богатств народа. В «Весточке из аула» девочка-соседка пишет в столицу письмо:

Кагътида буго салам,
Сахлъи гьарараб мурад:
Цогияб хабар гьечIин,
Унта-щокъав чи гьечIин.

Эбел-эмен лъикI ругин,
Жийги цIалулей йигин,
ТIоцере цIадал ранин,
ЦIадай хинлъи щун бугин [5, с. 377].

В письме привет,
Пожелание здоровья:
Других новостей нет,
Больных тоже нет.

Родители здоровы,
Сама учится,
Пошли первые дожди,
В Цада наступило тепло.

Казалось бы, маленькая героиня пишет о простом, о том, что она наблюдает ежедневно в окружающем ее мире. Однако в ее словах выражены основы онтологии, ее извечные понятия: письмо, здоровье, новости, родители, учеба, Цада и пр., из которых состоит сама жизнь, ее родина, любовью к ней.

К периоду 1950–1960-х годов в творчестве Гамзатова доминирует высокая народность – она и в тематике, и в основных мотивах произведений, и в его способности проникаться национальным мироощущением, интересами народных масс, она и в поэтической образности и стиле произведений. «Шестидесятые годы в поэзии Гамзатова отмечены пристальностью к духовной жизни своего народа, миру души человека. Поэзия Гамзатова становится глубже, философичнее» [11, с. 134].

Неиссякаемым источником патриотизма и национальной гордости лирического героя Гамзатова является и природа Аварии. Так, завершается гимном любви к родному краю, родным горам лирико-философское осмысление аварской природы и поэтическое созерцание ее пейзажей в стихотворениях «В ауле», «Горные орлы», «Ковер», «У Моксобского моста», «Мой Дагестан», «Другой любовью…» и др.:

Европаги сверун, гIураб росулъе
Дун вуссанщинахъе, дихъги балагьун,
Дида, дир Дагъистан, дуца гьикъула,
Гьаб ракьалда бищун щиб бокьарабин?

Дун борхатаб мугIрул тIогьив вахуна,
Тамахаб гьороде керен чучула.
Дица жаваб кьола дуе, Дагъистан,
Гьаб ракьалда бищун мун бокьанилан [7, с. 285].

Объехав Европу, в родной аул
Когда возвращаюсь, посмотрев на меня,
Меня, мой Дагестан, ты спрашиваешь,
Что больше всего полюбил на этой земле.

Я поднимаюсь на вершину горы,
Открываю грудь мягкому ветру.
Я отвечаю тебе, Дагестан,
Что на этой земле больше всего тебя люблю.

Чувством глубокой и нежной привязанности к отчему краю, к родной земле в 1950–1960-е годы проникнута любовная поэзия Р. Гамзатова, в которой нерасторжимо смыкаются Дагестан, родная земля, любимая:

Хирияй, гьанжеги Дагъистаналде,
Гьале, их бач1ана, дуе бокьулеб.
Дуца кьегIералъе кьела гIурччин хер,
ГIисинал буртIазе тIела иццул лъим [7, с. 239].

Любимая, и вновь в Дагестан,
Весна пришла, любимая тобой.
Ты ягненку дашь зеленую траву,
Козлят напоишь родниковой водой.

ВЫВОДЫ

Аварская поэзия 1950–1960-х годов через призму творчества Р. Гамзатова характеризуется направленностью к выявлению важнейших противоречий эпохи, художественному осмыслению и постижению социально-исторической действительности. В центре поэтических конструкций Р. Гамзатова стоит человек во всей его противоречивости, сложности, во всем богатстве и многообразии его взаимодействия с окружающим миром. «Проблема человеческого бытия и его взаимоотношения с миром стала "вечной проблемой" мировой философии и литературы. На различных этапах развития человечества данный вопрос получал различные решеное решение, научные, религиозные, философские и художественные трактовки. Создавались новые концепции. Отменялись старые – неизменными оставались актуальность проблемы и общечеловеческий интерес к ней» [10, с. 3].

В исследуемые годы поэзия Р. Гамзатова отличается особой философской, этико-нравственной направленностью, в ней отражается природа мировоззрения, мировосприятия поэта, характер его индивидуального творческого метода. Она воплотила в себя основные особенности и направленность осмысления проблемы взаимодействия мира и личности человека в аварской поэзии 1950–1960-х годов.

Список литературы

1. *Алиева З. З.* Интернациональный пафос поэзии Р. Гамзатова // Мастерство Расула Гамзатова. Сборник статей. – Махачкала, 1986. С. 59–69.
2. *Антопольский Л. Б.* У очага поэзии. Очерк творчества Расула Гамзатова. – М.: Советский писатель, 1972. – 312 с.
3. *Баккуева Ж.Т.* Художественная концепция личности женщины в творчестве К. Кулиева: автореф… дис. кан. филол. наук. – Нальчик, 2006. – 21 с.
4. *Гамзатов Р.* Избранные произведения. Т. 1. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. – 466 с. На авар. яз.
5. *Гамзатов Р.* Высокие звезды. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1962. – 419 с. На авар. яз.
6. *Гамзатов Р.* Горы не забудут. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1974. – 272 с. На авар. яз.
7. *Гамзатов Р.* Избранное: В 6-ти т-х. Т. 1. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1991. – 448 с. На авар. яз.
8. *Гольцев Вал.* Талисман таланта // Расул Гамзатов – поэт и гражданин. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1976. – С. 52–58.
9. *Деменьтев В. В.* Расул Гамзатов: Жизнь и творчество. М.: Сов. Россия, 1984. – 160 с.
10. *Калабекова Н. А.* Художественная концепция мир и человека в кабардинской и балкарской поэзии 1960–80-х годов (К. Кулиев, А. Кешоков): автореф… дис. кан. филол. н. – Нальчик, 2009. – 23 с.
11. *Огнев В.Ф.* Расул Гамзатов. – М.: Художественная литература, 1964. – 134 с.
12. *Султанов К.* Избранное: воспоминания, статьи, неизданное, письма. – Махачкала: ГУ «Дагестанское книжное издательство», 2011. – 592 с.
13. *Юсупова Ч. С.* Три десятилетия аварской поэзии. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1998. – 248 с.

References

1. Alieva Z. Z. *Internacional'nyj pafos poezii R. Gamzatova* [International pathos of R. Gamzatov's poetry]. *Masterstvo Rasula Gamzatova. Sbornik statej*. Mahachkala, 1986, pp. 59–69.
2. Antopol'skij L. B. *U ochaga poezii. Ocherk tvorchestva Rasula Gamzatova* [At the hearth of poetry. Essay on the work of Rasul Gamzatov]. M.: Sovetskij pisatel', 1972. 312 p.
3. Bakkueva Zh.T. *Hudozhestvennaya koncepciya lichnosti zhenshchiny v tvorchestve K. Kulieva*: avtoref… dis. kan. filol. nauk. Nal'chik, 2006. 21 p.
4. Gamzatov R. *Izbrannye proizvedeniya*. T. 1 [Selected works]. Mahachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. 466 p.
5. Gamzatov R. *Vysokie zvezdy* [High stars]. Mahachkala, 1962. – 419 p.
6. Gamzatov R. *Gory ne zabudut* [The mountains won't forget]. Mahachkala: Daguchpedgiz, 1974. 272 p.
7. Gamzatov R. *Izbrannoe*: V 6-ti t-h. T. 1. Mahachkala: Dag. kn. izd-vo, 1991. 448 p.
8. Gol'cev Val. *Talisman talanta* [Talisman of Talent]. *Rasul Gamzatov – poet i grazhdanin*. Mahachkala, 1976, pp. 52–58.
9. Demen'tev V. V. *Rasul Gamzatov: Zhizn' i tvorchestvo* [Rasul Gamzatov: Life and work]. M.: Sov. Rossiya, 1984. 160 p.
10. Kalabekova N. A. *Hudozhestvennaya koncepciya mir i cheloveka v kabardinskoj i balkarskoj poezii 1960–80-h godov (K. Kuliev, A. Keshokov): avtoref... dis. kan. filol. n.* Nal'chik, 2009. 23 p.
11. Ognev V.F. *Rasul Gamzatov* [Rasul Gamzatov]. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1964. 134 p.
12. Sultanov K. *Izbrannoe: vospominaniya, stat'i, neizdannoe, pis'ma* [Selected: memoirs, articles, unpublished, letters]. Mahachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2011. 592 p.
13. Yusupova Ch. S. *Tri desyatiletiya avarskoj poezii* [Three decades of Avar poetry]. Mahachkala: DNC RAN, 1998. 248 p.

THE EVOLUTION OF AVAR POETRY OF THE 1950s – 1960s (BASED ON THE MATERIAL OF RASUL GAMZATOV'S CREATIVITY)

Murtazaliev A. M., Nabigulaeva M. N.

The article is devoted to the evolution of Avar poetry of the 1950s and 1960s based on the material of Rasul Gamzatov's creativity. During the designated period, Avar poetry developed under the direct influence of its more complex and contradictory time than ever. It is characterized by the search for the most acute problems of the time, the intensity and drama of the search for moral and moral truths, the assertion of personal self-worth and involvement with everything that is happening, responsibility for it and, of course, the presence of a peculiar view of the concept of personality, which has received talented development in the poetry of Rasul Gamzatov. The poetic searches of R. Gamzatov were especially clearly manifested in the 1950s and 1960s. During this period, the poet forms a new artistic concept of a whole, morally fulfilled personality. At the same time, R. Gamzatov solves important problems of national ethics and aesthetics. Therefore, it is of great interest to study the originality of the aesthetic in the system of value relations and the creative credo of the Dagestan poet; the laws of his aesthetic ideas; the ideal, heroic, beautiful and ugly, sublime and base, tragic and comic, etc. Comprehension of the originality of R. Gamzatov's aesthetic attitude to the world gives reason to conclude that the philosophical type of artistic thinking is clearly manifested in his work, which determines the originality of his poetic skill.

Keywords: Avar poetry, R. Gamzatov, national consciousness, Dagestan, lyrical hero, native language.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 2. С. 33–56.

УДК 82.091

«РУССКИЙ МИФ» И «КОМПЛЕКС МАРКИЗА ДЕ КЮСТИНА». ЧАСТЬ II: «СЕВЕРНЫЙ КОЛОСС» В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Орехов В. В.

Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru

«Комплексом маркиза де Кюситина» в статье назван феномен конкурентного сосуществования в западном мифе о России двух полярных мифологем «сила России» vs «слабость России». Эта амбивалентность западного мифа наиболее рельефно выражена в книге А. де Кюстина «Россия в 1839 году». Анализ бытования «русского мифа» в хронологическом пространстве с конца XVIII в. до наших дней (до момента проведения Специальной военной операции на Украине) позволяет заключить, что в зависимости от ряда факторов соотношение указанных мифологем постоянно менялось. Преобладание мифологемы «сила России» вело к осознанию опасности агрессивных действий в отношении России, тогда как преобладание мифологемы «слабость России» рождало в коллективном мышлении Запада идею о необходимости нейтрализации России как потенциальной угрозы. В том и другом случаях Россия воспринималась в качестве противника, разнился лишь выбираемый принцип отношений с этим противником: вынужденное сотрудничество либо силовое подавление. Современные возможности манипуляции общественным мнением позволяют произвольно разрушать паритет между мифологемами «сила России» и «слабость России», превращая западный миф о России в мощное оружие информационной войны.
Ключевые слова: А. де Кюстин, амбивалентность мифа, миф о России, империя фасадов, имагология.

ВВЕДЕНИЕ

В предыдущей статье [38] мы выяснили, что в эпоху Екатерины II в Европе сформировалось «расщепленное» представление о России: с одной стороны, геополитические успехи заставляли видеть в ней серьезную силу миропорядка, с другой – муссировать тему «иллюзорности» российского потенциала. Это стечение конкурирующих идей ярко проявилось в настроениях европейских дипломатов, сопровождавших Екатерину II во время путешествия в Крым в 1787 г. Мысль о показном характере российского величия закрепилась фразеологическими сочетаниями «потемкинские деревни» и «колосс на глиняных ногах».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Представления и о «силе», и о «слабости» России одновременно присутствовали в европейском коллективном сознании (этот эффект мы называем «комплексом маркиза де Кюстина»), однако – боролись между собой, и результаты этой борьбы имели прямые политические последствия. Известно, скажем, что Франция после присоединения Крыма к России помогала Турции готовиться к вооруженному реваншу, однако участие французского посланника Л.-Ф. де Сегюра в крымском

путешествии Екатерины II заставило по-новому оценить военный потенциал России. Судя по мемуарам дипломата, он колебался между двумя крайностями: то преувеличивал возможности России, то причислял ее достижения исключительно к сфере «визуальных эффектов». Вид севастопольской эскадры произвел на него сильное впечатление [5, с. 45], и в конечном итоге Сегюр транслировал своему правительству мысль о готовности Екатерины II нанести Турции, как сегодня бы сказали, «неприемлемый ущерб». В результате политика Франции нацелилась на удерживание Турции от конфликта с Россией.

История подтвердила верность выводов, сделанных Сегюром. Турции действительно не стоило идти на конфронтацию. Вскоре политический пасьянс сложился таким образом, что война между Турцией и Россией становилась выгодна Англии: вооруженное столкновение обещало подорвать французское влияние в Турции, затормозить продвижение России на Восток и позволяло торпедировать русско-французские коммерческие планы. Англии удалось побудить Турцию к развязыванию конфликта [16, с. 291]. В 1787 г. началась очередная русско-турецкая война, которая привела к поражению Порты и к признанию ее дипломатами прав России на «совершенное и беспрепятственное владение» Крымом и Северным Причерноморьем от Буга и Днестра [45, с. 176].

Амбивалентность русского мифа проявлялась и в более позднем политическом дискурсе Франции. События Великой Французской революции на какое-то время сделали Россию не самым актуальным предметом интересов. Информация о России в прессе ограничивалась, как правило, набором шаблонных представлений [48, с. 347], но постепенно Россия начинала восприниматься как серьезный враг Республики (хотя Екатерина II долгое время и не вступала в антифранцузскую коалицию). Исследователи указывают, что миф «русской угрозы» заметно усилился сначала после победы России над Турцией в войне 1787–1791 гг., а потом – после разрыва дипломатических отношений между Россией и Францией в 1792 г. [48, с. 350–352]. В этом контексте весьма показательно выступление в Национальном Конвенте в 1794 г. графа Ф.-А. де Буасси д'Англа. Пафос речи – призыв к народам Европы объединиться перед лицом «русской угрозы», и важна аргументация политика – это два контртезиса. С одной стороны, Буасси д'Англа соглашается с тем мнением, что «Российская империя – это колосс на глиняных ногах, что порочность разъедает ее, что рабство лишает ее всякой энергии и движущих сил, что она огромна <…> и при таких размерах ею очень трудно управлять» [48, с. 357]. Но тут же напоминает: «<…> Этот гигант, прежде чем самому погибнуть, раздавит и вас! И падет на ваши останки, он не будет расчленен прежде, чем вы будете разорены, рассеяны и раздавлены. Датчане, шведы, немцы, пруссаки, османы, подумайте: время летит, и удар будет ужасен, собирается бурный московитский поток!» [48, с. 357].

Объективность требует отметить, что на роль «слабого колосса» находились и другие претенденты. Когда в результате Итальянской кампании Наполеону удалось склонить Австрию к мирному договору, то основной военной целью Франции стала Англия. Талейран тогда разослал всем французским дипломатам за рубежом манифест, в котором называл Англию «колоссом на глиняных ногах, который должен быть низвергнут» ("colosse aux pieds d'argile qu'il fallait renverser") [77, p. 324].

Но обратим внимание вот на что. Еще в 1787 г. соотношение полярных представлений в мифе о России могло влиять на политические решения: тогда возобладала мифологема русской мощи, и это определило позицию уступок со стороны Франции в турецком вопросе. Но процитированный манифест Талейрана намечает иную тенденцию: политическая воля стремится диктовать «соотношение сил» в мифе и таким образом использовать миф в собственных интересах. Ведь очевидно, что Талейран в угоду собственной политической программе стремится актуализировать стереотипные представления о слабостях Англии. Эти слабости французам виделись в том, что английская государственность зиждется «на кредитах, банковских счетах, эгоизме и грубых материальных расчетах» [12, с. 164]. И в то же самое время, Талейран «забывает» о полярных стереотипах английского мифа (Англия – повелительница морей, самая большая империя и проч.). Чтобы «подогреть» военные настроения, политик нарушал баланс мифологем.

В скором будущем этим приемом в совершенстве овладеет Наполеон. Уже во время Итальянской кампании – в период «утверждения на итальянской земле “свободы, равенства и братства” по-французски» [63, с. 26] – он активно использовал печать как инструмент пропаганды [58, с. 65]. Возглавив Францию, Наполеон полностью подчинил себе французскую и в значительной степени – европейскую печать [57, с. 125]. В его распоряжении оказался ресурс, который позволял организовывать небывалые до той поры «информационные войны», готовившие идеологическую почву для вооруженных кампаний.

К войне против России Наполеон начал готовить общественное мнение в 1811 г. Тактика «информационных атак» сводилась к тому, чтобы реанимировать в коллективном сознании старинные стереотипы. Сделать это было несложно. Во французской памяти еще были живы «тревоги» по поводу участия России в антифранцузских коалициях. Всего десятилетием ранее итальянские победы Суворова делали вполне вероятным вступление русских войск в пределы Франции. По воспоминаниям Стендаля, монархисты тогда готовы были приветствовать подобный исход событий; среди них в ходу была цитата из Горация «O Rus, quando ego te aspiciam!» (О деревня, когда увижу тебя!) [76, p. 187]. Поскольку «rus» (деревня) произносится так же, как «russe» (русский), это восклицание звучало в качестве каламбура. Однако даже в монархической среде реальный приход русских должен был восприниматься с немалой долей опасений. Когда аристократ Ж. де Местр увидел в Италии солдат суворовской армии, то впечатления его были такими: «Вот они, скифы и татары, пришедшие сюда с Северного полюса, чтобы перерезать с французами друг другу горло» [27, с. 9]. Легко понять, что в сознании сторонников Республики образ русских «скифов и татар» был еще более пугающим, тем более что пресса в связи с успехами Суворова нагнетала страхи по поводу готовности России «выплеснуть свои орды на плодородные земли Европы» [31, с. 135].

Теперь, накануне нападения на Россию, наполеоновская пропаганда методично тиражировала ту же мысль, нагнетая настроение неизбежности «азиатского нашествия». Наполеон придавал большое значение такой «идеологической подготовке». В 1812 г. он сам редактировал для печати [26, с. 172–176] поддельное «Завещание Петра I», текст которого убеждал французов, что российский император

завещал потомкам постоянно вести войны [21, с. 78–80] и захватить европейский континент [31, с. 134]. Целью наполеоновской пропаганды было создать настроение страха перед внешней угрозой, а кроме того – консолидировать французских союзников перед лицом «московитского варварства» [1, с. 25] и «орды, которой нужно противостоять всем европейцам» [14, с. 184].

Однако мифологема неизбежной «русской угрозы» – лишь один полюс «русского мифа». Она рождала в большей степени страх, нежели готовность к войне. И потому французская пропаганда одновременно «раскручивала» иную полярную мифологему – о культурной, промышленной, государственной отсталости России. Н. В. Промыслов, например, отмечает, что французская пресса той поры умалчивала о российских успехах в войне против Турцию, но зато преувеличивала всякую их неудачу [47, с. 42].

Словом, пропагандистский аппарат Наполеона искусно создавал из России образ «колосса на глиняных ногах». Причем соотношение мифологем «русской угрозы» и «русской слабости» преподносилось в четко взвешенной пропорции: Россия изображалась достаточно сильной, чтобы захватить Европу, но – недостаточно сильной, чтобы противостоять Наполеону, который рисовался вождем эпохальной схватки [60, с. 77–78]. Европейскому мнению была навязана мысль, что «русское нашествие» неизбежно, а потому воевать против России «лучше сейчас, пока она не набрала всей своей силы и пока французской армией руководят блестящие полководцы во главе с самим императором» [46]. Находясь во власти «скоординированного» Наполеоном «русского мифа», Великая армия и вторглась в пределы России.

Дальнейшие события разрушили заданные пропагандой «пропорции» мифа. Разговоры о «слабости России» все чаще уступали место предчувствию французского поражения. Если верить мемуарам Талейрана, то в 1813 г. «колоссом на глиняных ногах» [52, с. 248] воспринималась уже не Россия, а сам Наполеон, терявший поддержку союзников и собственных подданных. Когда российские войска вступали в Париж, то в сознании парижан мифологема «русской слабости» оказалась почти полностью вытеснена мифологемой «русского могущества». Сила «северного колосса» все еще рождала чувство страха, но оно уравновешивалось любопытством к экзотическому воинству, низвергшему Наполеона [9, с. 17].

На какое-то время в русско-французских отношениях наступило затишье, однако уже с 1830 г. антироссийские настроения, а вместе с ними и старые мифы о России, получили новую энергию. Можно выделить основные события, повлекшие за собой особенно бурные волны антироссийской пропаганды: Июльская революция 1830 г., подавление Польского восстания в 1831 г. Однако все это – лишь внешние импульсы, причины же скрывались в логике европейского устройства.

Реставрация Бурбонов заблокировала либерально-буржуазные преобразования во Франции. «Венская система» узаконила второстепенное положение страны на международной арене. Попытки Франции расширить внешнеполитические возможности не давали результата [59, с. 202–204], и было очевидным, что существование Священного союза консервирует такую ситуацию на неопределенные сроки. Нельзя недооценивать и моральную составляющую; французские поражения

наполеоновской поры изначально воспринимались как национальное унижение, и наставшая затем закрепощенность возможностей внутри Франции и в сферах внешней политики – лишь усиливала чувство национальной ущемленности. Это в свою очередь, распаляло жажду реванша, а Россия виделась наиболее мощным препятствием к его осуществлению. Все перечисленное и привело к упомянутым обстоятельствам: во Франции произошел социальный взрыв 1830 г., а Россия снова превратилась в «образ врага», против которого началась затяжная «информационная война».

Следует учитывать коренное отличие этой «информационной войны» от той, что велась в 1811–1812 гг. Тогда Наполеон полностью контролировал сферу печати и пропаганды, что позволяло ему указывать цели и регулировать интенсивность информационных атак. В новых же условиях не существовало политической силы, способной подчинить себе информационное поле [36, с. 134–135]. «Война перьев» имела вид стихийного процесса, который разные политические игроки использовали в собственных интересах. Антироссийская риторика оказывалась выгодной для всех партий, кроме легитимистов. Происходила регенерация русских мифов: чем интенсивнее пресса запугивала публику рассказами о «московитском варварстве» и «русском нашествии», тем больше рос читательский спрос на подобную информацию, а это, в свою очередь, определяло рост предложения со стороны газет и журналов. Критика России превратилась в поле безопасного и доходного состязания между французскими литераторами. Очень точно это подмечает Н. П. Таньшина: «Играя на антирусских настроениях, можно было заработать политические очки, сделать имя, завоевать популярность и голоса избирателей, а также финансово преуспеть» [53, с. 96].

Именно в такой ситуации в Россию отправился маркиз де Кюстин. Поездка состоялась в 1839 г., а в 1843 г. по ее впечатлениям писатель выпустил книгу «Россия в 1839 г.», ставшую одним из самых известных европейских сочинений о России [28, с. 248]. Прежде чем объяснить феномен этой популярности, следует разобраться, что руководило автором и насколько точно он соотнес литературный портрет России с действительностью.

Книга оформлена в виде путевых писем. В. А. Мильчина убедительно демонстрирует, что во время пребывания в России Кюстин действительно вел путевые записи и корреспонденцию, однако тексты эти для книги «подверг радикальной переработке» [29, с. 733]. Факт этой «радикальной переработки», занявшей около трех лет, вынуждает ставить вопрос о степени документальности «писем» Кюстина. Думается, мы не можем их воспринимать в качестве путевого дневника и должны видеть в них аналог «литературных путешествий» конца XVIII – первой половины XIX в. Для сочинений этого жанра было свойственно «монтирование сюжета», создание «условного повествователя, который и соотносим с авторской личностью, и отличен от нее» [39, с. 7]. Лирический герой «писем» Кюстина не более похож на реального Кюстина, чем лирический герой, скажем, «Писем русского путешественника» похож на реального Н. М. Карамзина.

В «литературном путешествии» событийный сюжет подчинен развитию идеи. Если говорить о сочинении Карамзина, то здесь авторская цель – утвердить мысль о

благе освоения русской «юной цивилизацией» достижений европейского просвещения. Маршрут «русского путешественника» по Европе, все встречи с европейцами «выстроены» в повествовании так, чтобы перед читателем поступательно и многоаспектно раскрылась авторская идея. Именно поэтому текст Карамзина – «не сумма бесхитростных дорожных записей» [24, с. 541], а результат отбора реальных фактов с целью превращения их «в факты художественного творчества» [24, с. 534]. Даже если отследить в описаниях Карамзина «тенденцию к точности» [20], то все же придется признать «литературность» основных задач и «судить» «Письма русского путешественника» «по законам художественного текста» [3, с. 159].

Точно то же можно сказать и о сочинении Кюстина. Литературность его «путешествия» подтверждается даже не стилем повествования, не отзвуками литературных традиций [42, с. 150], а прежде всего последовательностью, неуклонностью развития главной идеи. Этой идее подчинена и «биография» лирического героя. В предисловии сказано, что он направился в Россию, «дабы отыскать там доводы против представительного правления» [23, с. 17], однако русские заставили его «по-новому взглянуть на монархическую идею и предпочесть деспотизму представительное правление» [23, с. 18]. Этот идеологический «переворот» и становится главной интригой книги.

Преображение монархиста в поборника демократии – вполне реалистичный сценарий для Франции той поры. Не противоречит историческому правдоподобию и то, что француз-монархист воспринимал в качестве наиболее яркого примера абсолютизма именно Россию. Сомнение лишь в том, насколько все это соответствует мировоззренческой эволюции самого автора – маркиза де Кюстина. Известно, что его аристократическая семья сильно пострадала во время террора Великой Французской революции. В эпоху ослабления Наполеона Кюстин был на стороне Бурбонов, однако Реставрация виделась ему неким анахронизмом [29, с. 714]. Июльская монархия отталкивала его тем, что ставила во главу угла меркантильные интересы буржуазии [29, с. 714]. Судя по всему, у Кюстина не было четкой системы политических взглядов. Он смотрел на действительность как эстет, философ, литератор, аристократ, но только не как убежденный приверженец определенной социальной доктрины. Думается, его политические взгляды точно отражает письмо к Рахели Варнгаген (1831): «Политика мне либо скучна, либо страшна <…>. Правительства кажутся мне неизбежным злом, неотвратимым следствием общественного состояния. <...> Я ненавижу те лживые правительства, какие именуются представительными. Я желал бы жить в большом государстве с чистой монархией, ограниченной мягкостью европейских нравов, или в стране маленькой и чисто демократической» [Цит. по: 29, с. 714]. То есть уже в 1831 г. Кюстин принимал демократию, а монархию ценил лишь в том случае, если она «смягчена» европейскими нравами. Можно допустить, что в 1814–1815 гг. французы могли в качестве подобной полуевропейской монархии воспринимать Россию «либерального» Александра I. Но во Франции 1830-х гг. было совершенно очевидным, что николаевская Россия – последнее место, где можно искать «смягченный» абсолютизм. Так что из ряда причин, которые могли привести маркиза де Кюстина в Россию [62, с. 75], та, что указана в предисловии к его книге,

выглядит наименее правдоподобной для реального маркиза, но зато – наиболее подходящей для литературного героя, которому предписано испытать либерально-демократический катарсис.

Итак, мировоззренческий «переворот», пережитый лирическим героем, был интересен автору с литературной точки зрения: это позволяло развернуть идеологический сюжет и уйти с уровня банальной фактографии в сферу литературно-философского анализа.

Но важно, что этот «переворот» оказывался чрезвычайно выгодным и с точки зрения актуальной политической конъюнктуры. Как известно, Николай I с большим разочарованием воспринял Июльскую революцию и отказывался признавать за «королем-буржуа» Луи-Филиппом тот же статус, что за другими монархами Европы. Между государствами возникла напряженность, которая подталкивала рост антироссийских настроений во Франции. В этой ситуации Луи-Филипп, избегая полного разрыва с Россией [11, с. 65], искал сближения с Англией, которая, во-первых, сразу признала его право на власть, а во-вторых, оказывалась естественным союзником в противостоянии со Священным союзом. Любая критика России была выгодна Луи-Филиппу, поскольку позволяла оправдать в глазах общества политический дрейф в сторону Англии. Так что сочинение разоблачающее, российский деспотизм, почти гарантированно должно было снискать одобрение Орлеанского двора, а заодно – и большинства политических партий, и широкого читателя, уже давно настроенного видеть в России врага. Верно и обратное: сочинение, в котором герой вернулся бы из России убежденным легитимистом и поклонником Николая I, было бы обречено на провал, а его автор – на травлю.

Между тем биография Кюстина подсказывает, что он искал литературного успеха. Общеизвестно, что нетривиальность гендерных предпочтений закрыла перед ним двери высшего общества. Кюстин компенсировал вынужденное отшельничество общением в кругу литераторов и литературными опытами. Ему принадлежит несколько романов, которые успеха не принесли, но сделали автору репутацию писателя средней руки. Более высокие оценки критиков вызвали путевые заметки «Испания при Фердинанде VII», опубликованные в 1838 г. [29, с. 709]. Думается, стоит согласиться с биографом Кюстина Дж. Ф. Кеннаном, что литературная репутация стала для маркиза жизненной целью: «Больше всего ему хотелось стать признанным мэтром современной литературы» [19, с. 16].

Все перечисленные обстоятельства должны были подсказать Кюстину жанр и идеологию будущего сочинения о России. Однако этого было недостаточно, чтобы обеспечить успех. Трудно сказать нечто новое об «азиатском варварстве» и «мрачном деспотизме» русских, когда эти предметы превращены в общее место французской публицистики и литературы. Позиция очевидца также не давала абсолютных преимуществ: Россию уже неоднократно описали литераторы-путешественники, но их произведения не принесли авторам той славы, к какой стремился Кюстин.

И все же Кюстину удалось нащупать ход, который сделал его сочинение бестселлером. В. А. Мильчина очень точно указывает, что главная черта, отличающая книгу Кюстина от сочинений предшественников, – афористичность:

«Иллюзорность “парадной” стороны российской жизни замечали многие, но “царством фасадов” нарек Россию один Кюстин» [29, с. 718].

Судя по прежним литературным экспериментам, талант Кюстина был несколько вторичен. Он чутко улавливал литературные тенденции, легко приноравливался к ним, но не был совершенно оригинален. Теперь же именно это умение – ухватить мысли, витающие в воздухе, – он превращал в сильную сторону своего сочинения, поскольку умел придать им новую афористичную форму.

У Кюстина не было времени близко познакомиться со страной, где он провел всего 3 месяца. Но близкое знакомство и не требовалось, поскольку книга строилась на тех «знаниях» о России, которые у Кюстина сформировались заранее, то есть – на общефранцузских стереотипах. И в этом отношении трудно не согласиться с Б. М. Парамоновым: «Чтобы написать такую книгу, кажется, не надо было ездить в Россию» [43, с. 156]. «Все мотивы будущей книги Кюстина, – отмечает В. А. Мильчина, – вплоть до посещения Макарьевской ярмарки, общения с “золотой молодежью” и страха преследований со стороны полиции, здесь запрограммированы – именно потому, что матрица европейского восприятия уже полностью сложилась» [29, с. 716]. Метафорично и убедительно в этом контексте звучит и наблюдение В. А. Серковой: «Кюстин скован завезенными контрабандой матричными представлениями» [50, с. 23]. Эта «скованность» выполняла функцию оптического фильтра: автор «видел» в России лишь то, что «было в сознании и подсознании французов» [55].

В результате Кюстину удается создать своего рода «энциклопедию» французских стереотипов: о русских пустынных и бескрайних пространствах, о смертоносных холодах, об азиатчине и варварстве, об экономической и культурной отсталости и т. д., и т. п. Правильнее сказать, Кюстин реконструирует французский миф о России в его целостности. Как уже отмечено, стержневым сюжетом этого мифа он сделал мировоззренческое преображение лирического героя, который последовательно идет к разочарованию в абсолютизме. И автору удается найти прием, интригующий читателя: герой не просто видит в России не то, что ожидал увидеть; он, подобно мифологическим персонажам, преодолевает череду испытаний: на каждом шагу он вынужден отыскивать «истину», которую от него скрывают. Таким образом, путешествие героя по России – это увлекательный квест, ряд «открытий», результат которых всегда один и тот же: за парадной завесой внешнего величия обнаруживается неприглядная, жалкая, а порою и ужасная реальность. Таким образом, в книге доминирует мотив иллюзорности любого позитивного начала в России – тот самый мотив, который уже давно был выражен европейцами легендой о «потемкинских деревнях» и метафорой «колосс на глиняных ногах».

Кюстин не упускает возможность «подтвердить» легендой «открытия» своего героя и «напоминает», что во время путешествия Екатерины II в Крым вдоль пути были возведены деревни, «состоящие из одних раскрашенных фасадов» [23, с. 171]. Кюстин использовал также образ «колосса». «Колоссом на глиняных ногах» он, например, называет Петербург [23, с. 173], но далее начинает модернизировать метафору и говорит: «Россия – это безжизненное тело, колосс, который существует за счет головы, но все члены которого изнемогают, равно лишенные силы!..» [23,

с. 221]. Потом Кюстин называет Россию «великаном», обладающим «хилыми средствами» и «едва покинувшим свою древнюю азиатскую колыбель» [23, с. 494], и наконец, сравнивает империю с «колоссом, изваянным обезьяной» [23, с. 516]. Все это – и постепенная шлифовка афоризма, но еще и прием внушения, основанный на беспрестанном повторе одной и той же информации, поданной в разной словесной оболочке.

Примечательно, что в частной переписке с европейцами, характеризуя стремление русских приукрашать действительность и преувеличивать собственные достижения, Кюстин был лаконичнее и использовал слово «гасконады» (gasconnades) [70, p. 461]. Но это определение не годилось для книги, поскольку напоминало бы читателю об интернациональной природе психологического явления, которое автор нацелился приписать исключительно жителям «колоссальной империи». Кюстин искал определение, ассоциативно «привязанное» к России, и делал ставку сразу на два варианта: развитие метафоры «колосс на глиняных ногах» (о чем уже сказано) и афористичное выражение легенды о потемкинских деревнях.

Упомянув о «раскрашенных фасадах» [23, с. 171] легендарных деревень, Кюстин ухватывается за этот образ. Далее, рассказывая о *свежевыкрашенных* петербургских домах, он подсказывает читателю ассоциацию с легендарными деревнями времен Екатерины: «Дома здесь <…> белого цвета и выглядят чистыми, но эта их внешность обманчива. Я знаю доподлинно, каковы они изнутри, и потому прохожу мимо блистающих *фасадов* (выделено мной. – *В. О.*) с почтительным отвращением» [23, с. 214]. Автор дает понять, что со времен Екатерины II мало что изменилось, поскольку «в провинции *красят* (выделено мной. – *В. О.*) города, через которые должен проезжать император» [23, с. 214]. Чуть далее образ фасадов предстает в еще более обобщенной проекции: «Путешественник, <…> мог бы проехать всю русскую империю из конца в конец и вернуться домой, не увидав ничего, кроме череды фасадов, – а именно это и требуется, как я погляжу, чтобы понравиться моим хозяевам» [23, с. 226]. И наконец кульминация: очередной раз «напомнив», что русские «еще недавно <…> были ордой, <…> повиновались приказам дикарей», а теперь «вознамерились отстаивать цивилизацию от народов сверхцивилизованных» [23, с. 495], Кюстин записывает ставшее знаменитым выражение «царство фасадов» (royaume des façades) [23, с. 497; 69, p. 71], которым он называет Россию, обобщив в афоризме и «потемкинские деревни», и все варианты слабых «колоссов», и все, что может быть представлено русскими в позитивном свете, – будь то по их злому умыслу или по простоте душевной.

«Царство фасадов» стало, пожалуй, наиболее известным афоризмом Кюстина. Фразу вскоре подхватил А. Дюма и использовал А. И. Герцен [13, с. 99–100]. Герцен, впрочем, переиначил в своем дневнике (1843) «царство фасадов» в «империю фасадов». К. В. Душенко обоснованно объясняет это превращение «неточным цитированием» [13, с. 99], и думается, ошибка симптоматична. Что для Кюстина было «врожденным пороком России», то для Герцена было приобретением нового времени и принадлежностью определенной части общества. Это станет очевидным, когда Герцен использует выражение «империя фасадов» в своих известных зарубежных работах: «О развитии революционных идей в России» (впервые в 1851 г.

на нем. и франц. яз.) и «Русский народ и социализм» (впервые в 1851 г. на франц. яз.). Оба текста были обращены, прежде всего, к европейскому читателю, и Герцен не просто писал их на европейских языках, он использовал понятные европейцам, привычные для них словесные формулы, отражающие стереотипные представления о России. Но при этом Герцен настойчиво стремился эти формулы переосмыслить, предлагая их новое «прочтение» [37, с. 72–73]. Именно это и происходит с метафорой «империя фасадов». В работе «О развитии революционных идей в России» Герцен называет «империей фасадов» (l'empire des façades) конкретно «официальную Россию» (la Russie officielle) [8, с. 79]. В работе «Русский народ и социализм» «империя фасадов» – это снова же «официальная Россия» и ее «византийско-немецкое правительство» (gouvernement byzantino-allemand) [8, с. 272]. Впрочем, в авторизованном переводе последней работы выражение «l'empire des façades» передано как «царство-фасад» [8, с. 307], то есть приближено к кюстиновскому звучанию, но все же не к кюстиновскому значению. Вообще, следует заметить, что во всей зарубежной публицистике Герцена четко прослеживается стержневая цель – отделить в коллективном сознании Запада представления о русском народе от представлений о российской государственной системе. Если в отношении официальной России рассуждения Герцена во многом согласовались с зарубежными критическими отзывами, то русский народ в герценовском изображении представал носителем стихийного социализма и самобытной культуры, призванным историей обновить одряхлевшие устои «старого мира». Все это не согласовывалось с европейскими стереотипами о «свирепых азиатских ордах».

Однако вернемся к Кюстину. Его книга ярко выражает амбивалентность русского мифа. Уже сам образ «колосса на глиняных ногах» несет в себе двойственность: в нем мощь и слабость одновременно. Но автор еще и усиливает контраст. Он рассуждает, например, о плохом состоянии русской армии и говорит, что недавние турецкие кампании выявили «слабость колосса» [23, с. 305]. Но тотчас замечает: «Я вижу этого *колосса* (выделено мной. – *В. О.*) вблизи, и мне <…> представляется, что главное его предназначение – покарать дурную европейскую цивилизацию посредством нового *нашествия* (выделено мной. – *В. О.*)» [23, с. 306]. Это противоречие прослеживается по всему тексту, и неслучайно оно бросилось в глаза первому же печатному оппоненту Кюстина, старшему советнику МИД К. К. Лабенскому [30], который не преминул отметить: «Как ни странно, утверждая на одной странице, что мы обречены на гибель, г-н де Кюстин пишет на другой странице, что мы достаточно сильны, чтобы еще раз явить миру зрелище великого нашествия...» [Цит. по: 29, с. 771].

Это сквозное противоречие книги не говорит о дефиците логического мышления у автора, оно лишь отражает расщепленность французского мифа, которую Кюстин отразил с ощутимым энтузиазмом и более полно, чем предшественники. Стилизовав сочинение под хронику путешествия [43, с. 156], Кюстин упорядочил, свел в единую систему разрозненные «русские мифологемы»; это не перегружало читателя новыми знаниями, а лишь убеждало, что он, читатель, даже не видав России, все же совершенно справедливо судил и о ее морозах, варварстве и стремлении захватить Европу.

В актуальных политических условиях особенно востребованной становилась мифологема иллюзорности русской мощи. Французское общество морально готовилось к противостоянию с Россией. Это подпитывало энергией мифологему «русской угрозы», призванной мобилизовать коллективное сознание перед лицом «внешнего врага». Но на случай реальной борьбы против России мифологема «русской угрозы» нуждалась в противовесе, который не позволил бы страху перед Россией подавить коллективную браваду. Таким противовесом и была мифологема об иллюзорности российского могущества. Кюстин изобразил Россию такой, какой ее желали видеть [44, с. 56; 7, с. 4], и мифологемы «силы» и «слабости» России поданы им в тех пропорциях, которые были характерны для конкретной исторической ситуации.

Чтобы продемонстрировать, насколько точно Кюстин «улавливал» эти пропорции, обратимся к тексту, который незаслуженно редко фигурирует при анализе французских представлений о России той поры. Речь идет о трехтомнике супругов Омер де Гелль «Степи Каспийского моря, Кавказ, Крым и южная Россия» [73].

Ксавье Омер (Оммер) де Гелль – французский инженер, которому удалось получить финансовую поддержку М. С. Воронцова для осуществления экспедиции на Каспий [67, p. 186; 75, p. 32]. Целью исследований была разница между уровнями Каспийского и Черного морей. В 1839 г. путешественник действительно совершил длительную поездку в Прикаспийские степи, однако, вопреки отчетам, осуществить научные замыслы в полной мере ему не удалось ни в 1839, ни в последующие годы [6, с. 246; 17, с. 456; 34, с. 3]. Зато Омер де Геллю удалось неоднократно посетить военную линию на Кавказе и внимательно осмотреть Севастополь.

В 1843–1845 гг. Ксавье совместно с супругой издал трехтомное описание своих путешествий по России, скомпоновав материалы таким образом, чтобы ряд разнонаправленных поездок по южным областям страны выстроился в маршрут единой экспедиции. При этом первые два тома «Степей Каспийского моря…» превращались более в литературное «путешествие», нежели в научное, и содержали множество материалов, интересных в большей степени с точки зрения политической, нежели исследовательской.

Объясним интерес французского инженера к главной базе Черноморского флота Севастополю. После присоединения Крыма к России полуостров не переставал интересовать французское правительство (это подтверждается сбором агентурных сведений [22; 61; 64]) и французских читателей. Омер де Гелль, увидевший город в 1841 г., описывает и Севастопольскую эскадру, и береговые укрепления [35, с. 431–438]. Однако вряд ли стоит видеть в авторе агента-разведчика. Судя по всему, на основные объекты иностранца не допустили, а потому его сведения изобилуют фактическими ошибками [35, с. 253–305]. Любопытно иное – как строится описание. Путешественник изображает «грандиозный док» [35, с. 434], но сразу же находит в нем множество фатальных недостатков; говорит о «грозном флоте, всегда готовом взять курс на Константинопольский Босфор» [35, с. 436], но тут же уверяет, что большинство кораблей лишь кажутся боеспособными; описывает батареи, но оговаривается, что грозные они лишь «на первый взгляд» и «нескольким тысячам

человек <…> не составило бы никакого труда прорваться внутрь крепости, сжечь флот и портовые арсеналы» [35, с. 434]. За невозможностью получить точные сведения, Омер де Гелль идет по тому же пути, что и Кюстин: он описывает Севастополь так, как того желают читатели – с соблюдением востребованной пропорции мифологем силы и слабости России.

Этот рассказ Омер де Гелля о Севастополе был опубликован в 1845 г., и закономерно предположить, что образцом послужило нашумевшее сочинение Кюстина. Французский инженер не ошибся с выбором повествовательной тактики – за свой труд он был удостоен ордена Почетного легиона [72, p. 349].

Исследователи полагают [32, с. 74; 65, с. 91], что книга Кюстина стала важным этапом информационно-психологической подготовки к Крымской войне. Стоит с этим согласиться и заметить, что соотношение представлений о силе и слабости России, которое отразилось в сочинении Кюстина, может восприниматься как маркер определенного состояния общественного мнения: общество еще не готово вступить в вооруженный конфликт, но уже готово всерьез обдумывать его возможность.

Постепенно начинала превалировать мысль о слабости России. В 1853 г., через 10 лет после выхода книги Кюстина и в канун начала Крымской кампании, вышло, скажем, сочинение Ж. де Ланьи «Кнут и русские. Нравы и устройство России». Анализируя это издание, Н. П. Таньшина замечает, что Ланьи изобразил Россию страной парадоксов: «Вроде бы, все плохо, но, в то же время, для русских – очень даже нет» [54, с. 363]. Это очередное отражение парадоксальности французского мифа, где в образе России «плохое» накладывается на «хорошее», «слабость» – на «силу». Разница с Кюстином лишь в том, что теперь мифологема «русской слабости» стала преобладающей, и потому Ланьи «уверяет читателя, что европейцам нечего опасаться России, ведь она – колосс на глиняных ногах» [54, с. 363]. За немалый период времени французское общество оказалось психологически подготовлено к войне, и потому, констатирует Е. В. Тарле, начало Крымской кампании французы восприняли с искренним энтузиазмом [56, с. 15]. Кюстин увидел в этой войне «крестовый поход» «стран Запада против “варварской России”» [33]. В 1855 г. он переиздал свою книгу, напомнив в специальном предисловии, что был первым, кто решился высказать «смелые наблюдения» о России и предсказал поединок между католической и православной церквями [68, p. 1–2]. Это восторженное предисловие датировано 15 июня 1854 г. [68, p. 1–2] – когда наиболее острая фаза боевых действий – вторжение в Крым – еще не началась.

П. А. Вяземский, оказавшись в Европе во время Крымской кампании, ввязался в «войну перьев» [41, с. 42–43] и опубликовал на французском языке «Письма русского ветерана 1812 г.». Он напоминал, что во время Московского похода триумфальные настроения сменились унынием, когда французам пришлось «сойтись в рукопашную с колоссом на глиняных ногах» [74, p. 364]. Во многом это звучало как предзнаменование. Осада Севастополя затягивалась, французы несли значительные потери, воинственный азарт общества угасал [40, с. 48–49], упорство и жертвенность защитников Севастополя делали образ «колосса на глиняных ногах» мало актуальным.

Мы не ставим целью описать полную историю «баланса» мифологем «силы» и «слабости» в русском мифе. Продемонстрированных фактов достаточно, чтобы констатировать: этот баланс постоянно менялся в зависимости от исторических условий, и чем мощнее развивалась мифологема «иллюзорности русской силы», тем очевиднее ситуация скатывалась к состоянию войны. В качестве дополнительного подтверждения последней мысли достаточно вспомнить тактику гитлеровской пропаганды. С одной стороны, она развивала тезис о непобедимости германской армии [2, с. 34], с другой – настаивала на слабости противника. В январе 1941 г. Гитлер сообщал своим командующим: «Русские вооруженные силы представляют собой глиняный колосс без головы. У них нет хороших полководцев, они плохо оснащены» [15, с. 118]. Такого рода утверждения заглушали присутствовавший в сознании немецких солдат «страх перед русскими» [2, с. 37].

Однако, напомним, что в исполнении Кюстина мифологемы «силы» и «слабости» России сохраняли приблизительный паритет, что соответствует состоянию общества, готового к политической конфронтации, но еще не решившегося на военную агрессию. Как раз такая ситуация возникла в период холодной войны.

К концу Второй мировой войны монопольное обладание ядерным арсеналом позволило США рассматривать возможность упреждающего удара по СССР. Известно, что с 1945 по 1948 г. «различными американскими ведомствами было подготовлено свыше десяти развернутых планов превентивного военного нападения на СССР с использованием ядерного оружия» [51, с. 287]. Это поначалу плохо согласовывалось с общественным мнением, которое привыкло воспринимать Советский Союз в качестве союзника. Однако американской пропаганде, которая «не сильно отличалась от реальных планов атомной войны» [49, с. 147], довольно быстро удалось развить миф «советской угрозы».

В тот период рождалась концепция «сдерживания», которую развивал Дж. Ф. Кеннан, занимавший в 1945–1946 г. должность советника американского посольства в СССР. Именно его анализ ситуации послужил теоретической основой для стратегии США в «холодной войне». Одной из ключевых в этом отношении работ Кеннана была статья «Истоки советского поведения» в журнале «Foreign Affairs», посвященном международным отношениям.

По убеждению автора, сама коммунистическая идея предполагает агрессию коммунистических стран против капиталистических, а следовательно, наступление Советского Союза на западные демократии неизбежно. Диктатура партии позволяет Советскому Союзу мобилизовать весьма значительные моральные и материальные ресурсы, что превращает СССР в опасного врага для США. Но при этом, как полагает Кеннан: «Россия останется экономически уязвимой и в некотором роде немощной страной, которая может экспортировать свой энтузиазм или распространять необъяснимые чары своей примитивной политической живучести, но не в состоянии подкрепить эти предметы экспорта реальными свидетельствами материальной мощи и процветания» [18]. Все это чрезвычайно напоминает соотношение мифологем в книге Кюстина. И вполне закономерно, что Кеннан в скором времени выпустил биографический труд о маркизе де Кюстине. В этом исследовании он отмечал, что

произведение француза является лучшей книгой, показывающей Россию Иосифа Сталина, и далеко не худшей о России Брежнева и Косыгина» [19, с. 122]. Кеннан, таким образом, подводил читателя к мысли о необходимости экстраполировать наблюдения француза на советскую современность, которая, по мысли Кеннана, в своей основе являлась слепком с николаевской России. Вполне допускаем, что в сознании западных читателей Кеннана Николай I, И. В. Сталин и Л. И. Брежнев действительно представали историческими фигурами одного порядка, однако очевидно, что причина подобного отождествления скрывалась не в «окостенелости» самой России, а в стабильности ее образа, бытовавшего на Западе.

Очень показательно в этом отношении признание К. Юнга: «Говоря о России, сейчас же вспоминаешь “батюшку” царя или другого “батюшку” – Сталина» [66, с. 181]. То есть образ «российского правителя» мифологизировался, занял стабильное место в мифе о России. И США за основу внешнеполитической доктрины восприняли этот миф в том виде, в каком его сформулировал некогда маркиз де Кюстин: мифологемы российской «силы» и «слабости» здесь сочетались в пропорциях, характерных для 1830-х – 1840-х гг. Соответствующим был и «отклик» в коллективном сознании американцев: общество не готово было вступить в вооруженный конфликт, но было готово всерьез обдумывать его возможность. И эту картину мы наблюдаем на протяжении всей холодной войны, когда гонка вооружений постоянно стремилась дестабилизировать «пропорции» мифа о России (об СССР), а «ядерный паритет» удерживал их стабильность.

Последовавшее затем крушение Советского Союза настолько радикально перекроило картину мира, что привычный «русский миф» с присущими ему идеологемами «угрозы» и «военной мощи» даже не реформировался, он попросту выпал из нее. Дж. Голдгейр и М. Макфол свидетельствуют, что в США «потребовалось некоторое время, чтобы приспособиться к новому миру, где Россия играла второстепенную роль в международных отношениях» [10, с. 430]. Метафорически выражаясь, теперь Россия выглядела не «слабым», а поверженным, безвозвратно разрушившимся колоссом, и это делало неактуальным ее образ для коллективного сознания Запада.

Впрочем, уже в 2000-х гг., как только Россия проявила сколько-нибудь уверенную готовность отстаивать свои интересы, на Западе привычный миф о России был быстро извлечен из запасников памяти. Как справедливо отмечает А. П. Мащенко, в пропагандистский оборот снова вернулись старые претензии: деспотизм, экспансионизм, нарушения прав человека [25, с. 61], началась «демонизация Путина как главного русского злодея, пришедшего на смену Ивану Грозному, Петру Первому, Николаю Первому и Иосифу Сталину» [25, с. 99].

2014 год стал этапом окончательной реанимации русского мифа в его «редакции» Кюстина и эпохи холодной войны. С одной стороны, западная пресса начала активно разгонять истерию по поводу «русской угрозы» [4], с другой – указывать на отсталость России. Комплекс «маркиза де Кюстина» наиболее ярко выразился в январе 2015 г. в ежегодном послании президента США к Конгрессу. В отношении России это выступление развивало два основных тезиса: 1) Россия является одной из главных угроз западному миру и 2) экономика России «разорвана

в клочья». То есть мифологемы «силы» и «слабости» России уравновесили одна другую. И это стало основным трендом интерпретации российской политики западной медиасферой последующих лет.

Такая иллюстрация. 19 декабря 2021 г. на французском сетевом ресурсе «Les Yeux du Monde» появилась публикация с характерным заглавием «Кремль – киберколосс на глиняных ногах?» [71] Автор – Mathilde Fayet – аттестуется изданием как специалист в области геополитики постсоветского пространства. Немалая по объему статья рассказывает о кибератаках России в международном пространстве. По утверждению M. Fayet, Россия стала инициатором «первой в истории кибервойны», атаковав в 2007 г. Таллин, и с тех пор регулярно наносит киберудары по разным странам. Автор запросто называет читателю российские специальные структуры, занятые кибервойной, в том числе – и особое подразделение ФСБ в Крыму. Источники этой секретной информации, разумеется, не указаны. Но интересно вот что. Автору удается «примирить» в одном тексте две взаимоисключающие мысли: Россия изображается и отсталой в области информационных технологий страной, и в то же время – противником, который угрожает и Франции, всей Европе именно своим продвинутым кибероружием. То есть «колосс» снова изображается и слабым, и грозным одновременно.

Нет сомнений, что к концу 2021 г. западное общественное мнение в отношении России характеризовалось теми же признаками, что в эпоху Кюстина или холодной войны. Антироссийская истерия оказалась доведена до такого градуса накала и таких масштабов, что уже стала представлять собой стихийный процесс, который не может контролироваться отдельными политическими силами. После событий, начавшихся в феврале 2022 г., мифологема «русской слабости» явно получила значительную подпитку со стороны политической элиты Запада, распространяющей идею о катастрофической уязвимости России перед лицом экономических санкций. Коллективное сознание Запада оказалось вполне подготовленным к экономической войне против России. Готовность к войне реальной ограничена лишь наличием у России ядерного потенциала – западная пропаганда имеет возможность изобразить «северного колосса» каким угодно, но только не беззащитным.

ВЫВОДЫ

«Комплекс маркиза де Кюстина» – важнейший атрибут западного мифа о России, предполагающий объединение взаимоисключающих представлений о стране. Речь идет о постоянном конкурентном сосуществовании мифологем «сила России» vs «слабость России». Преобладание мифологемы «сила России» ведет к осознанию опасности агрессивных действий в отношении России, тогда как преобладание мифологемы «слабость России» рождает в коллективном мышлении Запада идею о необходимости нейтрализации России как потенциальной угрозы. В том и другом случаях Россия воспринимается в качестве противника, разнится лишь выбираемый принцип отношений с этим противником: вынужденное сотрудничество либо силовое подавление.

Эта амбивалентность западного мифа уходит корнями в эпоху первобытного мифомышления и имеет способность к стихийному самоподдержанию в наше время.

Однако современность открыла возможности для искусственного вмешательства в соотношение конкурирующих мифологем. Средства манипуляции общественным мнением позволяют сегодня произвольно разрушать паритет между мифологемами «сила России» и «слабость России», подавляя – одну и поддерживая активность – другой. Это, в свою очередь, позволяет обмануть коллективную интуицию и консолидировать общество вокруг целей, диктуемых не логическим ходом вещей, а интересами манипулятора сознанием. Таким образом, западный миф о России в наши дни оказался превращен в мощное оружие информационной войны.

Список литературы

1. *Ададуров В. В.* Война цивилизаций: Социокультурная история русского похода Наполеона. Т. 1: Религия – Язык. – Киев: Лаурус, 2017. – 400 с.
2. *Айрапетов А. Г., Молотков С. Н.* Вермахт в войне против СССР (историко-психологический аспект) // Новая и новейшая история. – 2010. – № 4. – С. 32–46.
3. *Алпатова Т.* Карамзин-филолог на страницах «Писем русского путешественника». О механизме взаимодействия «своего» и «чужого» // Вопросы литературы. – 2006 – № 4. – С. 159–175.
4. *Боева-Омелечко Н. Б., Постерняк К. П.* Лингвистические средства создания негативного образа России в британском медиадискурсе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2015. – № 3. – С. 124–131.
5. *Брикнер А. Г.* Путешествие Екатерины II в полуденный край России в 1787 г. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1872. – Т. CLXII. – № 6. – С. 1–51.
6. *Бэр К. М.* Отчет о путешествии на Маныч» // Вестник императорского географического общества. – 1856. – Ч. 18. – С. 232–254.
7. *Габричидзе Т. Г., Болтовский А. В., Рябков А. Л.* Русофобия как одна из составляющих информационной войны с Россией // Материалы XVI Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики». В 2-х т. Т. 1. – Тольятти: Волжский университет имени В. Н. Татищева, 2019. – С. 3–7.
8. *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 7: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1861 г. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 498 с.
9. *Гладышев А. В.* Казаки во Франции в 1814 году: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 4 (45). – С. 15–24.
10. *Голдгейр Дж., Макфол М.* Цель и средства: Политика США в отношении России после «холодной войны». – М.: Междунар. отношения, 2009. – 519 с.
11. *Гончарова Т. Н.* Русская политика кабинетов Реставрации и Июльской монархии // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. – СПб.: СПбГУ, 2017. – № 17 (2). – С. 48–79.
12. *Гордеев А. А.* История Казаков [В 3-х ч.]. Ч. 3. Со времени царствования Петра Великого до начала Великой воины 1914 года. – Париж, 1970. – 287 с.
13. *Душенко К. В.* «Потемкинские деревни» и «фасадная империя» // Культурология. – 2018. – № 2 (58). – С. 97–101.
14. *Земцов В. Н.* Россия глазами Наполеона // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 181–186.
15. *Ильинский И. М.* Великая Отечественная: Правда против мифов. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. – 320 с.
16. История дипломатии. В 3-х т. Т. 1. – М.: ОГИЗ Соцэкгиз, 1941. – 566 с.

17. Каспийская экспедиция К. М. Бэра 1853–1857 гг. Дневники и материалы. – Л.: Наука, 1984. – 557 с.
18. *Кеннан Дж. Ф.* Истоки советского поведения // Библиотека учебной и научной литературы. – Режим доступа: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/kenan_ist/. – (Дата обращения: 21.03.2022).
19. *Кеннан Дж. Ф.* Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году» = The Marquis de Custine and His "Russia in 1839". – М.: РОССПЭН, 2006. – 240 с.
20. *Клейн И.* «Письма русского путешественника» как документальный источник // Новое литературное обозрение. – М., 2010. – № 5. – С. 334–337. – Режим доступа: https://magazines.gorky.media/nlo/2010/5/pisma-russkogo-puteshestvennika-kak-dokumentalnyj-istochnik.html. – (Дата обращения: 21.03.2022).
21. *Козлов В. П.* Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 272 с.
22. *Конкин Д. В.* Крым в наполеоновскую эпоху: «французский след» в региональной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2019. – Т. 18. – № 3. – С. 540–559.
23. *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. – СПб.: Крига, 2008. – 704 с.
24. *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. – Л.: Наука, 1987. – С. 525–606.
25. *Мащенко А. П.* «Американский Крым»: обман зрения. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2021. – 140 с.
26. *Мезин С. А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – 232 с.
27. *Местр Ж. де.* Петербургские письма (1803–1817). – СПб.: ИНАпресс, 1995. – 334 с.
28. *Мильчина В. А.* «В наши дни большинство уток ввозится из Российской империи»: об одной газетной новости 1844 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2021. – № 1. – С. 225–255. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-225-255.
29. *Мильчина В. А., Осповат А. Л.* Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». – СПб.: Крига, 2008. – 368 с.
30. *Мильчина В. А., Осповат А. Л.* Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 13. – С. 272–284. – Режим доступа: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/CUSTINE_2.HTM. – (Дата обращения: 21.03.2022).
31. *Митрофанов А. А.* Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды (1800–1801 гг.) // Французский ежегодник 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А. З. Манфреда (1906–1976). – М., 2006. – С. 130–145.
32. *Моисеенко В. А.* «Правдивость» Астольфа де Кюстина и «Развесистая клюква» Александра Дюма: градостроительный аспект двух градостроительных мифов // Интеграция образования. – 2010. – N 3. – С. 72–78.
33. Мяло К. Г. Хождение к варварам, или Вечное путешествие маркиза де Кюстина // Москва, 1996. – № 12. – Режим доступа: http://elenapyyhtia.blogspot.com/2018/02/blog-post_729.html. – (Дата обращения: 21.03.2022).
34. Общее собрание Императорского русского географического общества 27 октября 1856 года // Вестник Императорского географического общества. – СПб., 1856. – Ч. 18. – С. 1–4.
35. *Орехов В. В.* В лабиринте крымского мифа. – Симферополь; Нижний Новгород: «Растр», 2017. – 579 с.

36. *Орехов В. В.* «Партизанская тактика» информационной войны. Часть II: Информационная безопасность в эпоху Николая I // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – Симферополь, 2021. – Т. 7 (73). – № 3. – С. 131–167.
37. *Орехов В. В.* Русские «скифы»: эволюция образа // Вестник славянских культур. – 2009. – №1 (XI). – С. 68–74.
38. *Орехов В. В.* «Русский миф» и «комплекс маркиза де Кюстина». Часть I: Крым и «потемкинские деревни» // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2022. – Т. 8 (74). – № 1. – С. 42–57.
39. *Орехова Л. А.* Образ автора и поэтика жанра: Русская лирическая проза XX века. – Киев: УМК ВО, 1992. – 96 с.
40. *Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В.* Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – 2-е изд., перераб. и доп. – Симферополь: ОАО «СТГ», 2010. – 480 с.
41. *Орехова Л. А., Сущинина С. С.* Крымская война в жизни и творчестве П. А. Вяземского // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2005. – № 10. – С. 42–50.
42. *Ощепков А. Р.* «Феномен Кюстина»: книга «Россия в 1839 году» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Выпуск 21 (707) Филологическое науки. – 2014. – С. 142–151.
43. *Парамонов Б. М.* Непрошенная любовь: маркиз де Кюстин в России // Время и мы. – Тель-Авив, 1993. – № 119. – С. 155–176.
44. *Партаненко Т. В.* Формулировка А. де Кюстином западноевропейского образа врага // Клио. – 2006. – № 2. – С. 52–57.
45. *Первых Д. К.* Крымская тема в редакционной политике журнала «Отечественные записки»: 1824–1825 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Том 7 (73). – № 3. – С. 168–182.
46. *Промыслов Н. В.* Французская пропаганда о России накануне и во время войны 1812 года [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2013. – Т. 4. – Выпуск 1 (17). – Режим доступа: https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000003-2-5/ – (Дата обращения: 15.03.2022).
47. *Промыслов Н. В.* Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 254 с.
48. *Промыслов Н. В., Прусская Е. А., Митрофанов А. А.* «Русская угроза» во французской прессе конца XVIII – начала XIX вв. // Французский ежегодник 2015: К 225-летию Французской революции. – М.: ИВИ РАН, 2015. – С. 343–391.
49. *Путилин Б. Г., Золотарев В. А.* Холодная война: В 2 т. – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. – Т. 1: Противостояние двух сверхдержав. – 984 с.
50. *Серкова В. А.* Матрица «культурного неблагополучия» // Logos et Praxis. – 2020. – Т. 19. – № 3. – С. 17–26. https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.3.2
51. Современная внешняя политика США. В 2-х тт. / Отв. ред. Г. А. Трофименко. – М.: Наука, 1984. – Т. 1. – 458 с.
52. *Талейран Ш.-М.* Мемуары. – М.: Издательство института международных отношений, 1959. – 440 с.
53. *Таньшина Н. П.* Антироссийские настроения во Франции в годы Июльской монархии (1830–1848) // Новая и новейшая история. – 2017. – № 4. – С. 91–108.
54. *Таньшина Н. П.* Кнут как образ власти Российской империи (по материалам книги Жермена де Ланьи) // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века. Материалы II Международной научно-образовательной конференции: в 2 т. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2020. – Т. 1. – С. 357–361.

55. Таньшина Н. П. «Какой писатель нынче в моде?». Образы России в исторической памяти французов // Наука. Общество. Оборона. – 2021. – Т. 9. – № 3(28). – С. 21–21. https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-21-21. – Режим доступа: https://www.noo-journal.ru/nauka-obsestvo-oborona/2021-3-28/article-0291/. – (Дата обращения: 15.03.2022).
56. *Тарле Е. В.* Самодержавие Николая I и французское общественное мнение // Былое. – Петербург, 1906. – № 9. – С. 12–42.
57. *Тарле Е. В.* Сочинения: В 12-ти т. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 7. – 864 с.
58. *Ундалов А. М.* О некоторых методах влияния наполеоновской пропаганды на общественное мнение // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2012. – № 4. – С. 64–69.
59. *Федосова Е. И.* Первое «сердечное согласие» (К вопросу о франко-английских отношениях в 30–40-е гг. XIX в.) // Французский ежегодник 2008: Англия и Франция – соседи и конкуренты. XIV–XIX вв. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – С. 201–219.
60. *Храпунов Н. И.* Крым в контексте франко-русских отношений эпохи Наполеона // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 21. – № 2. – С. 69–86.
61. *Храпунов Н. И.* Крымская миссия Жана Рёйи // Французский ежегодник. – М.: ИВИ РАН, 2017. – С. 113–140.
62. *Черкасов П. П.* Кто Вы, Астольф де Кюстин? // Родина. – 2009. – № 3. – С. 73–77.
63. *Чудинов А. В.* «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798–1799 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18. – № 2 (151). – С. 25–41.
64. *Чудинов А. В.* Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: материалы и исследования: сборник памяти Г. С. Кучеренко. М.: РГГУ, 2001. – С. 202–243.
65. *Шевченко П. А.* Такая разная Россия: взгляд из Франции XIX в. и современное информационное противостояние // Устойчивое развитие науки и образования. – 2020. – № 8. – С. 89–93.
66. Юнг К.Г. О современных мифах. – М.: Практика, 1994. – 252 с.
67. *Cortambert R.* M-me Hommaire de Hell // Cortambert R. Les illustres voyageuses. – Paris: E. Maillet, 1866. – P. 181–214.
68. *Custine, A. de.* La Russie. – Paris, Amyot, 1855. – 196 p.
69. *Custine, A. de.* La Russie en 1839. Vol. 4. – Paris, Amyot, 1843. – 544 p.
70. *Custine A. de.* Lettres du marquis A. de Custine à Varnhagen d'Ense et Rahel Varnhagen d'Ense. – Bruxelles, H. Merzbach, 1870. – 511 p.
71. *Fayet M.* Le Kremlin: colosse cyber aux pieds d'argile? 2/2 // Les Yeux du Monde. 19.12.2021. – Режим доступа: https://les-yeux-du-monde.fr/actualites-analysees/europe/russie/49407-le-kremlin-colosse-cyber-aux-pieds-dargile-2-2/. – (Дата обращения: 15.03.2022).
72. *Goutzwiller Ch.* X. Hommaire de Helle. Étude biographique // Revue d'Alsace. – Colmar, 1860. – Pp. 337–355.
73. *Hommaire de Hell X., <Hommaire de Hell A.>* Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. Vol. 1–3. Paris: Bertrand, 1843–1845.
74. *Ostafievo de P.* [Вяземский П. А.] Trente lettres d'un vétéran Russe de l'année 1812 sur la question d'Orient. Lausanne: D. Martignier, 1855. – 446 p.
75. *Roquette de la.* Notice nécrologique sur M. Hommaire de Helle, membre de la Société de géographie, voyageur français, mort en Perse // Bulletin de la Société de géographie. – T. 14. – № 79–84. – 1850. – pp. 29–58.
76. *Stendhal*. Souvenirs d'égotisme. – Paris, Le Divan, 1927. – 210 p.
77. *Thibaudeau A. C.* Histoire générale de Napoléon Bonaparte. – Paris, 1827–1828, vol. 3. – 524 p.

References

1. Adadurov V. V. *Vojna civilizacij: Sociokul'turnaja istorija russkogo pohoda Napoleona. Vol. 1: Religija – Jazyk* [War of Civilizations: Sociocultural History of Napoleon's Russian Campaign. T. 1: Religion - Language]. Kiev, Laurus Publ., 2017. 400 p.
2. Ajrapetov A. G., Molotkov S. N. *Vermaht v vojne protiv SSSR (istoriko-psihologicheskij aspekt)* [Wehrmacht in the war against the USSR (historical and psychological aspect)]. *Novaja i novejshaja istorija*, 2010, no. 4, pp. 32–46.
3. Alpatova T. *Karamzin-filolog na stranicah «Pisem russkogo puteshestvennika». O mehanizme vzaimodejstvija «svoego» i «chuzhogo»* [Karamzin-philologist on the pages of the Letters of a Russian Traveler. On the mechanism of interaction between "one's own" and "alien"]. *Voprosy literatury*, 2006, no 4, pp. 159–175.
4. Boeva-Omelechko N. B., Posternjak K. P. *Lingvisticheskie sredstva sozdanija negativnogo obraza Rossii v britanskom mediadiskurse* [Linguistic means of creating a negative image of Russia in the British media discourse]. *Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2015, no. № 3, pp. 124–131.
5. Brikner A. G. *Puteshestvie Ekateriny II v poludennyj kraj Rossii v 1787 g.* [Journey of Catherine II to the midday region of Russia in 1787]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija*, 1872, vol. SLXII, no. 6, pp. 1–51.
6. Bjer K. M. *Otchet o puteshestvii na Manych»* [Report on the trip to Manych]. *Vestnik imperatorskogo geograficheskogo obshhestva*, 1856, no. 18, pp. 232–254.
7. Gabrichidze T. G., Boltovskij A. V., Rjabkov A. L. *Rusofobija kak odna iz sostavljajushhih informacionnoj vojny s Rossiej* [Russophobia as one of the components of the information war with Russia]. *Materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Tatishhevskie chtenija: aktual'nye problemy nauki i praktiki». V 2-h t. T. 1.* Tol'jatti, Volzhskij universitet imeni V. N. Tatishheva Publ., 2019, pp. 3–7.
8. Gercen A. I. *Sobr. soch.: V 30-ti t. T. 7: Stat'i iz «Kolokola» i drugie proizvedenija 1861 g.* [Collected works: In 30 volumes. T. 7: Articles from the "Kolokol" and other works of 1861]. Moscow, AN SSSR Publ., 1958. 498 p.
9. Gladyshev A. V. *Kazaki vo Francii v 1814 godu: obraz i kollektivnaja pamjat'* [Cossacks in France in 1814: image and collective memory]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2014, no. 4 (45), pp. 15–24.
10. Goldgejr Dzh., Makfol M. Cel' i sredstva: Politika SShA v otnoshenii Rossii posle «holodnoj vojny» [Purpose and Means: US Policy towards Russia after the Cold War]. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija Publ., 2009. 519 p.
11. Goncharova T. N. Russkaja politika kabinetov Restavracii i Ijul'skoj monarhii [Russian policy of the Restoration cabinets and the July Monarchy]. *Trudy kafedry istorii novogo i novejshego vremeni*, 2017, no. 17 (2), pp. 48–79.
12. Gordeev A. A. *Istorija Kazakov. V 3-h ch.. Ch. 3. So vremeni carstvovanija Petra Velikogo do nachala Velikoj voiny 1914 goda* [History of the Cossacks. In 3 volumes. Part 3. From the reign of Peter the Great to the beginning of the Great War of 1914]. Paris, 1970. 287 p.
13. Dushenko K. V. *«Potemkinskie derevni» i «fasadnaja imperija»* ["Potemkin villages" and "facade empire"]. *Kul'turologija*, 2018, no. 2 (58), pp. 97–101.
14. Zemcov V. N. *Rossija glazami Napoleona* [Russia through the eyes of Napoleon]. *Politicheskaja lingvistika*, 2016, no. 4 (58), pp. 181–186.
15. Il'inskij I. M. *Velikaja Otechestvennaja: Pravda protiv mifov* [Great Patriotic War: Truth against myths]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta Publ., 2015. 320 p.
16. *Istorija diplomatii. V 3-h t.* [History of diplomacy. In 3 vols]. Moscow, OGIZ Socjekgiz Publ., 1941–1945, vol. 1. 566 p.

17. *Kaspijskaja jekspedicija K. M. Bjera 1853–1857 gg. Dnevniki i materialy* [Caspian expedition of K. M. Baer 1853–1857. Diaries and materials]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 557 p.
18. Kennan Dzh. F. *Istoki sovetskogo povedenija* [Origins of Soviet behavior]. *Biblioteka uchebnoj i nauchnoj literatury*. Available from: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/kenan_ist/ (accessed: 21.03.2022).
19. Kennan Dzh. F. Markiz de Kjustin i ego «Rossija v 1839 godu» [The Marquis de Custine and His "Russia in 1839"]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2006. 240 pp.
20. Klejn I. *«Pis'ma russkogo puteshestvennika» kak dokumental'nyj istochnik* ["Letters of a Russian traveler" as a documentary source]. *Novoe lit. obozrenie*, 2010, no. 5, pp. 334–337. Available from: https://magazines.gorky.media/nlo/2010/5/pisma-russkogo-puteshestvennika-kak-dokumentalnyj-istochnik.html (accessed: 21.03.2022).
21. Kozlov V. P. *Tajny fal'sifikacii. Analiz poddelok istoricheskih istochnikov XVIII–XIX vekov* [Secrets of falsification. Analysis of forgeries of historical sources of the 18th–19th centuries]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 272 p.
22. Konkin D. V. *Krym v napoleonovskuju jepohu: «francuzskij sled» v regional'noj politike* [Crimea in the Napoleonic era: "French trace" in regional politics]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Istorija Rossii*, 2019, vol. 18, no. 3. pp. 540–559.
23. Kjustin A. de. Rossija v 1839 godu [Russia in 1839]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2008. 704 p.
24. Lotman Ju. M., Uspenskij B. A. *«Pis'ma russkogo puteshestvennika» Karamzina i ih mesto v razvitii russkoj kul'tury* ["Letters from a Russian Traveler" by Karamzin and Their Place in the Development of Russian Culture]. *Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika*. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 525–606.
25. Mashhenko A. P. *«Amerikanskij Krym»: obman zrenija* ["American Crimea": an optical illusion]. Simferopol', Arial Publ., 2021. 140 p.
26. Mezin S. A. *Vzgljad iz Evropy: francuzskie avtory XVIII veka o Petre I* [View from Europe: French authors of the 18th century about Peter I]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta Publ., 2003. 232 p.
27. Mestr Zh. de. Peterburgskie pis'ma (1803–1817) [Petersburg Letters (1803–1817)]. St. Petersburg, 1995. 334 p.
28. Mil'china V. A. *«V nashi dni bol'shinstvo utok vvozitsja iz Rossijskoj imperii»: ob odnoj gazetnoj novosti 1844 g.* ["Today, most ducks are imported from the Russian Empire": about one newspaper news in 1844]. *Vestnik RGGU. Serija «Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija»*, 2021, no. 1, pp. 225–255. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-225-255.
29. Mil'china V. A., Ospovat A. L. *Kommentarij k knige Astol'fa de Kjustina «Rossija v 1839 godu»* [Commentary on the book by Astolf de Custine "Russia in 1839"]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2008. 368 p.
30. Mil'china V. A., Ospovat A. L. *Peterburgskij kabinet protiv markiza de Kjustina* [Petersburg cabinet against the Marquis de Custine]. Novoe literaturnoe obozrenie, 1995, no. 13, pp. 272–284. Available from: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/CUSTINE_2.HTM (accessed: 21.03.2022).
31. Mitrofanov A. A. *Russko-francuzskie otnoshenija v zerkale bonapartistskoj propagandy (1800–1801 gg.)* [Russian-French relations in the mirror of Bonapartist propaganda (1800–1801)]. *Francuzskij ezhegodnik 2006: Napoleon i ego vremja. K 100-letiju A. Z. Manfreda (1906–1976)*. Moscow, 2006, pp. 130–145.
32. Moiseenko V. A. *«Pravdivost'» Astol'fa de Kjustina i «Razvesistaja kljukva» Aleksandra Djuma: gradostroitel'nyj aspekt dvuh gradostroitel'nyh mifov* ["Truthfulness" of Astolfe de Custine and "Spreading Cranberry" by Alexandre Dumas: urban planning aspect of two urban planning myths]. *Integracija obrazovanija*, 2010, no. 3, pp. 72–78.

33. Mjalo K. G. *Hozhdenie k varvaram, ili Vechnoe puteshestvie markiza de Kjustina* [Journey to the Barbarians, or the Eternal Journey of the Marquis de Custine]. *Moskva*, 1996, no. 12. Available from: http://elenapyyhtia.blogspot.com/2018/02/blog-post_729.html (accessed: 21.03.2022).
34. *Obshhee sobranie Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva 27 oktjabrja 1856 goda* [General meeting of the Imperial Russian Geographical Society October 27, 1856]. *Vestnik Imperatorskogo geograficheskogo obshhestva*, 1856, vol. 18, pp. 1–4.
35. Orehov V. V. V labirinte Krymskogo mifa [In the labyrinth of the Crimean myth]. Simferopol, N. Novgorod, Rastr Publ., 2017. 579 p.
36. Orehov V. V. *«Partizanskaja taktika» informacionnoj vojny. Chast' II: Informacionnaja bezopasnost' v jepohu Nikolaja I* ["Partisan tactics" of information warfare. Part II: Information security in the era of Nicholas I]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 3, pp. 131–167.
37. Orehov V. V. *Russkie «skify»: jevoljucija obraza* [Russian "Scythians": the evolution of the image]. *Vestnik slavjanskih kul'tur*, 2009. no. 1 (XI), pp. 68–74.
38. Orehov V. V. *«Russkij mif» i «kompleks markiza de Kjustina». Chast' I: Krym i «potemkinskie derevni»* ["Russian myth" and "complex of the Marquis de Custine". Part I: Crimea and "Potemkin villages"]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2022, vol. 8 (74), no. 1, pp. 42–57.
39. Orehova L. A. *Obraz avtora i pojetika zhanra: Russkaja liricheskaja proza XX veka* [The image of the author and the poetics of the genre: Russian lyrical prose of the twentieth century]. Kyiv, UMK VO Publ., 1992. 96 p.
40. Orehova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy, pressa* [Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol, SGT Publ., 2010. 480 p.
41. Orehova L. A., Sushhinina S. S. *Krymskaja vojna v zhizni i tvorchestve P. A. Vjazemskogo* [The Crimean War in the life and work of P. A. Vyazemsky]. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, 2005, no. 10, pp. 42–50.
42. Oshhepkov A. R. *«Fenomen Kjustina»: kniga «Rossija v 1839 godu»* ["The phenomenon of Kustin": the book "Russia in 1839"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Vypusk 21 (707) Filologicheskoe nauki*, 2014, pp. 142–151.
43. Paramonov B. M. *Neproshennaja ljubov': markiz de Kjustin v Rossii* [Unbidden love: Marquis de Custine in Russia]. *Vremja i my*, 1993, no. 119, pp. 155–176.
44. Partanenko T. V. *Formulirovka A. de Kjustinom zapadnoevropejskogo obraza vraga* [Formulation by A. de Custine of the Western European image of the enemy]. *Klio*, 2006, no. 2, pp. 52–57.
45. Pervyh D. K. *Krymskaja tema v redakcionnoj politike zhurnala «Otechestvennye zapiski»: 1824–1825 gg.* [The Crimean theme in the editorial policy of the journal "Notes of the Fatherland": 1824–1825]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 3, pp. 168–182.
46. Promyslov N. V. *Francuzskaja propaganda o Rossii nakanune i vo vremja vojny 1812 goda* [French propaganda about Russia on the eve and during the war of 1812]. *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija»*, 2013, vol. 4, no. 1 (17). Available from: https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000003-2-5/ (accessed: 15.03.2022).
47. Promyslov N. V. *Francuzskoe obshhestvennoe mnenie o Rossii nakanune i vo vremja vojny 1812 goda* [French public opinion about Russia on the eve and during the war of 1812]. Moscow, Politicheskaja jenciklopedija Publ., 2016. 254 p.
48. Promyslov N. V., Prusskaja E. A., Mitrofanov A. A. «Russkaja ugroza» vo francuzskoj presse konca XVIII – nachala XIX vv. ["Russian threat" in the French press of the late 18th – early 19th

centuries]. *Francuzskij ezhegodnik 2015: K 225-letiju Francuzskoj revoljucii*. Moscow, IVI RAN Publ., 2015, pp. 343–391.
49. Putilin B. G., Zolotarev V. A. *Holodnaja vojna: V 2 t.* [Cold War: In 2 vols.]. Moscow, INJeS, RUBIN Publ., 2014, vol. 1: Protivostojanie dvuh sverhderzhav. 984 p.
50. Serkova V. A. *Matrica «kul'turnogo neblagopoluchija»* [The matrix of "cultural disadvantage"]. *Logos et Rraxis*, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 17–26. doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.3.2.
51. *Sovremennaja vneshnjaja politika SShA. V 2-h tt.* [Modern US foreign policy. In 2 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1984, vol. 1. 458 p.
52. Talejran Sh.-M. *Memuary* [Memoirs]. Moscow, Izdatel'stvo instituta mezhdunarodnyh otnoshenij Publ., 1959. 440 p.
53. Tan'shina N. P. *Antirossijskie nastroenija vo Francii v gody Ijul'skoj monarhii (1830–1848)* [Anti-Russian sentiments in France during the years of the July Monarchy (1830–1848)]. *Novaja i novejshaja istorija*, 2017, no. 4, pp. 91–108.
54. Tan'shina N. P. *Knut kak obraz vlasti Rossijskoj imperii (po materialam knigi Zhermena de Lan'i)* [Knut as an image of the power of the Russian Empire (based on the book of Germain de Lagny)]. *Vseobshhaja istorija i istoricheskaja nauka v XX – nachale XXI veka. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-obrazovatel'noj konferencii: v 2 t.* Kazan, 2020, vol. 1, pp. 357–361.
55. Tan'shina N. P. *«Kakoj pisatel' nynche v mode?». Obrazy Rossii v istoricheskoj pamjati francuzov* ["Which writer is in fashion today?". Images of Russia in the historical memory of the French]. *Nauka. Obshhestvo. Oborona*, 2021, vol. 9, no. 3(28), pp. 21–21. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-21-21. Available from: https://www.noo-journal.ru/nauka-obsestvo-oborona/2021-3-28/article-0291/ (accessed: 15.03.2022).
56. Tarle E. V. *Samoderzhavie Nikolaja I i Francuzskoe Obshhestvennoe Mnenie* [Autocracy of Nicholas I and French Public Opinion]. *Byloe*, 1906, no. 9, pp. 12–42.
57. Tarle E. V. Sochinenija: V 12-ti t. [Works: In 12 volumes]. Moscow, AN SSSR Publ., 1959, vol. 7. 864 p.
58. Undalov A. M. *O nekotoryh metodah vlijanija napoleonovskoj propagandy na obshhestvennoe mnenie* [On some methods of influence of Napoleonic propaganda on public opinion]. *Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva. Serija: Upravlenie v social'nyh sistemah. Kommunikativnye tehnologii*, 2012, no. 4, pp. 64–69.
59. Fedosova E. I. Pervoe «Serdechnoe Soglasie» (K Voprosu o Franko-Anglijskih Otnoshenijah v 30–40-e gg. XIX v.) [The First "Cordial Agreement" (On the Question of French-English Relations in the 30–40s of the 19th)]. Francuzskij Ezhegodnik 2008: Anglija i Francija – Sosedi i Konkurenty. XIV–XIX vv. Moscow, LKI Publ., 2008, pp. 201–219.
60. Hrapunov N. I. *Krym v kontekste franko-russkih otnoshenij jepohi Napoleona* [Crimea in the context of Franco-Russian relations of the Napoleonic era]. *Izvestija UrFU. Serija 2. Gumanitarnye nauki*, 2019, vol. 21, no. 2, pp. 69–86.
61. Hrapunov N. I. *Krymskaja missija Zhana Rjoji* [The Crimean mission of Jean Reuilly] // *Francuzskij ezhegodnik*. Moscow, IVI RAN Publ., 2017, pp. 113–140.
62. Cherkasov P. P. *Kto Vy, Astol'f de Kjustin?* [Who are you, Astolf de Custine?]. *Rodina*, 2009, no. 3, pp. 73–77.
63. Chudinov A. V. *«Soldaty svobody» ili smertel'nyj vrag? Francuzy v Juzhnoj Italii 1798–1799 gg.* ["Soldiers of Freedom" or a mortal enemy? The French in Southern Italy 1798–1799]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2016, vol. 18, no. 2 (151), pp. 25–41.
64. Chudinov A. V. *Francuzskie agenty o polozhenii v Krymu nakanune russko-tureckoj vojny 1787–1791 godov* [French agents on the situation in the Crimea on the eve of the Russian-Turkish war of 1787–1791]. *Russko-francuzskie kul'turnye svjazi v jepohu Prosveshhenija: materialy i issledovanija: sbornik pamjati G. S. Kucherenko*. Moscow, RGGU Publ., 2001, pp. 202–243.

65. Shevchenko P. A. *Takaja raznaja Rossija: vzgljad iz Francii XIX v. i sovremennoe informacionnoe protivostojanie* [Such a different Russia: a view from France in the 19th and modern information confrontation]. *Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovanija*, 2020, no. 8, pp. 89–93.
66. Jung K. G. *O sovremennyh mifah* [About modern myths]. Moscow, Praktika Publ., 1994. 252 p.
67. Cortambert R. *M-me Hommaire de Hell* // Cortambert R. *Les illustres voyageuses*. Paris, E. Maillet, 1866, pp. 181–214.
68. Custine, A. de. *La Russie*. Paris, Amyot, 1855. 196 p.
69. Custine, A. de. *La Russie en 1839. Vol. 4.* Paris, Amyot, 1843. 544 p.
70. Custine A. de. *Lettres du marquis A. de Custine à Varnhagen d'Ense et Rahel Varnhagen d'Ense*. Bruxelles, H. Merzbach, 1870. 511 p.
71. Fayet M. *Le Kremlin: colosse cyber aux pieds d'argile? 2/2* // Les Yeux du Monde. 19.12.2021. Available from: https://les-yeux-du-monde.fr/actualites-analysees/europe/russie/49407-le-kremlin-colosse-cyber-aux-pieds-dargile-2-2/. (accessed: 15.03.2022).
72. Goutzwiller Ch. X. *Hommaire de Helle. Étude biographique* // Revue d'Alsace. Colmar, 1860, pp. 337–355.
73. Hommaire de Hell X., <Hommaire de Hell A.> *Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. Vol. 1–3*. Paris: Bertrand, 1843–1845.
74. Ostafievo de P. [Вяземский П. А.] *Trente lettres d'un vétéran Russe de l'année 1812 sur la question d'Orient*. Lausanne: D. Martignier, 1855. 446 p.
75. Roquette de la. *Notice nécrologique sur M. Hommaire de Helle, membre de la Société de géographie, voyageur français, mort en Perse* // Bulletin de la Société de géographie, 1850, vol. 14, no. 79–84, pp. 29–58.
76. Stendhal. *Souvenirs d'égotisme*. Paris, Le Divan, 1927. 210 p.
77. Thibaudeau A. C. *Histoire générale de Napoléon Bonaparte*. Paris, 1827–1828, vol. 3. 524 p.

"RUSSIAN MYTH" AND "COMPLEX OF THE MARQUISE DE CUSTINE". PART II: "NORTHERN COLOSS" IN THE CONTEXT OF INFORMATION WAR

Orekhov V. V.

The phenomenon of competitive coexistence in the Western myth about Russia of two polar mythologemes "strength of Russia" vs "weakness of Russia" is called "the complex of the Marquis de Cusitine" in the article. This ambivalence of Western myth is most vividly expressed in A. de Custine's book "Russia in 1839". Analysis of the existence of the "Russian myth" in chronological space since the end of the 18th century up to the present day (until the Special Military Operation in Ukraine) allows us to conclude that, depending on a number of factors, the ratio of these mythologemes has been constantly changing. The predominance of the "strength of Russia" mythologem led to an awareness of the danger of aggressive actions against Russia, while the predominance of the "weakness of Russia" mythologem gave rise to the idea of the need to neutralize Russia as a potential threat in the collective thinking of the West. In both cases, Russia was perceived as an adversary, only the chosen principle of relations with this adversary differed: forced cooperation or forceful suppression. Modern opportunities for manipulating public opinion make it possible to arbitrarily destroy the parity between the mythologemes "Russia's strength" and "Russia's weakness", turning the Western myth about Russia into a powerful weapon of information warfare.
Keywords: A. de Custine, ambivalence of myth, myth about Russia, facade empire, imagology.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 2. С. 57–66.

УДК 398.21 – 811.512.19

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЖАНРОВ ФОЛЬКЛОРНОГО ЭПОСА

Сеферова Э. Э.

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: seferova.esma@bk.ru

В статье исследуется проблема взаимовлияния эпических жанров крымскотатарского фольклора. Установлено, что значительная часть крымскотатарских дестанов содержит сказочные мотивы, а некоторые почти совпадают по содержанию со сказками. Среди таких мотивов можно назвать мотив о превращении центрального героя в животное, столкновение с покровителями горы, леса, воды, языческими богами, мифическими персонажами; мотив о коне-покровителе, мотив о мачехе и падчерице (пасынке). Также установлено, что сказочные мотивы в любовно-романтических дестанах зачастую становятся основным стержнем сюжетно-композиционного построения. Аналитическое чтение романтического и героического дестанов позволяет увидеть в них творческую трансформацию – насыщение реалистическими деталями, средствами поэтической выразительности, вольным пересказом и т.д. Сказочные сюжеты и образы в дестанах функционируют в аппликативном виде. Они выступают как самостоятельные рассказы. Отдельные дестаны повторяют сказку не только своим содержанием, но и традиционными формулами, сказочными зачинами. Не все перечисленные нами дестаны и сказки равноценны по своим текстологическим и другим качествам. В одних – насыщение сказочного текста эпическими мотивами. В других – нетипичные для композиционных повествовательных схем переосмысления образов, расширения, сокращения эпических мотивов сюжета.
Ключевые слова: сказочный мотив, фольклорный эпос, контаминация, взаимовлияние, композиция, мифологема.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья является первым обзорным исследованием, в котором ставится цель дать общее представление о генетических взаимосвязях жанров фольклорного эпоса, оценить потенциал соответствующего наследия и очертить перспективы дальнейших исследований в данной области.

Проблема генетических взаимосвязей жанров фольклорного эпоса издавна привлекала внимание исследователей. Существование в дестанах художественного вымысла, идеализации центральных героев, отчетливой дидактической окраски героических деяний свидетельствует о наличии сказочных мотивов самых древних времен. Сказочные мотивы в дестанах претерпевают разнообразную творческую трансформацию от вольного рассказа до насыщения средствами поэтической выразительности и реалистическими деталями.

Предметом исследования является взаимовлияние эпических жанров крымскотатарского фольклора. **Обьектом** изучения является сочетание в любовно-романтических и героических дестанах сказочных мотивов с элементами фантастики. **Цель** данной статьи – определить влияние сказочных элементов на сюжетно-композиционную структуру дестанов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Исследователями не раз отмечался контаминативный характер сюжетов в фольклорном эпосе. Среди книг, посвященных истории тюркской народной литературы, следует отметить фундаментальный труд российского тюрколога-академика В. В. Радлова «Образцы народной литературы северных тюркских племен», который, по выражению А. Н. Самойловича, «является первой серией капитальных трудов Радлова по возведению фундамента тюркологии» [13, с. 79–80]. Особого внимания заслуживает концепция ученого о ведущих, общих, традиционных мотивах народных сказаний «Козы Корпес и Баян Сулу («Къозукюрпеч ве Баян Сулу»). Так, опубликованный В. В. Радловым вариант «Козы Корпес и Баян Сулу» при его сопоставлении с вариантами других соседних тюркских народов позволяет выдвинуть ряд предложений об их ***исходной сказочной основе*** [11, с. 16–19].

Детальное исследование взаимоотношений эпических жанров представлено и в работах фольклориста К. Джаманаклы. Изучая особенности поэтики крымскотатарских сказок и дестанов, ученый размышляет о сказочных, отражающих конфликты морального характера мотивах, построенных на противопоставлении чистоты и подлости, а также о богатстве художественных приемов в дестанах, о выразительности сказочного стиля [3, с. 15]. Комментируя статьи К. Джаманаклы, исследователь Н. К. Эмирсуинова отмечает, что размышления К. Джаманаклы о роли мифологических образов, сказочных мотивов в развитии сюжета дестанов имеют непреходящее значение для крымскотатарской фольклористики и нуждаются в дальнейшем развитии и углублении с точки зрения данных современного сказковедения [16, с. 194].

Определенный вклад в изучение проблемы взаимовлияний эпических жанров, заимствования, а также странствующих сюжетов сделан фольклористом А. Н. Веселовским. Так, в книге «Поэтика сюжетов» исследователь увидел и доказал двусторонний процесс: «Заимствование предполагает встречную среду с мотивами или сюжетами, сходными с теми, которые приносились со стороны», – пишет он [2, с. 139].

Перечисляя наиболее значительные достижения, назовем работы Н. Бакирджи, В. М. Жирмунского, А. С. Мирбадлаевой, Г. А. Левинтона, С. Ю. Неклюдова, А. Омар, Ж. И. Сурковой [1; 4; 5; 9; 8; 10; 15]. Изучая мифопоэтические модели, концепции центральных героев в эпических жанрах, исследователь С. Ю. Неклюдов размышляет о «фольклорно-мифологических схождениях, не объяснимых ни языковым родством, ни культурной диффузией, но порой удивительно точных» [9].

В. М. Жирмунский, исследуя тюркский эпос, отмечает, что «присущие сказкам мотивы появились в сюжетах героических дестанов позднее, когда основная фабула их уже сформировалась» [4, с. 120]. Это подтверждается тем, что в героических дестанах сказочная фантастика служит лишь вспомогательным целям – более полному раскрытию героического характера центрального персонажа дестана, а сказочная сюжетика в композиции дестана находится на втором плане. Так, героическим дестанам «Чорабатыр», «Копланды батыр», «Эдиге» (вариант «Эдиге бий») присущ гиперболический показ героического подвига идеального героя. Множество таких сказочных моментов, как мотивы интеллектуального и

физического испытания и признания центрального героя, борьбы с мифологическими персонажами, со смертью, позволяет сближать их со сказкой. Если героический эпос – это широкое художественное обобщение исторической жизни народа, то в любовно-романтических дестанах, сформировавшихся несколько позже героических, мы наблюдаем совершенно иное воздействие сказок. В изображении героев и их подвигов важное значение имеет не столько гиперболизация, сколько красочный вымысел, что присуще именно сказочной поэтике. Особенно отчетливо выступают сказочные мотивы в дестанах «Нар къамыш» («Нар камыш»), «Таирнен Зоре» («Таир и Зоре»), «Ашыкъ гъарип» («Бедный влюбленный»). Известный исследователь М. С. Саидов в работе «Реалистическая основа народного эпоса» пишет: «По специфическим особенностям романтические дастаны в корне отличаются от старинных героических дастанов, созданных на реалистической почве. Основу романтических составляет фантастика, органически сочетающаяся со сказочными мотивами» [12, с. 234]. Важно отметить, что в любовно-романтических дестанах бытовой фон, жизнь показаны реальнее и многостороннее, чем в героических дестанах, и при этом также нельзя не увидеть влияния сказочного жанра, и в частности сатирико-бытовой сказки.

Большинство ученых, с чьим мнением мы солидаризуемся: Н. Бакирджи, А. Омар, Э. А. Сеферов, Н. К. Эмирсуинова и др. – утверждают, что сочетание реального и фантастического присуще именно любовно-романтическим дестанам, а это заметно отличает их от героического эпоса. Несомненный интерес в этом аспекте представляет впервые привлекаемый к исследованию дестан «Нар къамыш». Первое упоминание о дестане «Нар къамыш» имеется в исследованиях К. Джаманаклы и А. Усеина – сотрудников Научно-исследовательского института языка и литературы им. А. С. Пушкина. В книгу «Масаллар» (1941), составленную К. Джаманаклы и А. Усеином, вошли пятьдесят пять сказок и четыре дестана, жанровая форма которых, по-видимому, не была четко обозначена, и поэтому они были названы лирическими поэмами. О сомнениях фольклористов в четкости разграничения сказок и легенд, сказок и дестанов свидетельствует тот факт, что в школьные довоенные хрестоматии дестан «Нар къамыш», например, помещался как сказка. В дальнейшем при знакомстве с личным архивом составителей сборника сказок «Татар халкъ масаллары» (1959) выяснилось, что эти колебания сохранялись и после войны: к сказкам был отнесен сюжет о Козукюрпеч» [16, с. 194]. Показательно, что важным компонентом развития сюжета дестана «Нар къамыш» являются такие сказочные мотивы, как мотив испытания, мотив сватовства, мотив добывания невесты, мотив смерти, а также мотив наделения человеческими свойствами предметов и явлений природы (например, животных, растений), мифических существ (например, «джады», «Таз давке», «арам балыкъ») и др., мотив превращения (например, младшего брата девушки в козленка), поглощения центрального персонажа дестана огромной рыбой – «арам балыкъ» [7, с. 356]. Сказочные мотивы, сюжеты и образы настолько органично входят в эпический контекст, что их невозможно выделить из семантического единства. К примеру, такие сказочные мотивы, как «раскалывающийся и прячущий в себе девушку камыш», «превращение младшего брата в козленка», «спасение жены падишаха» и многие другие, органично вошедшие

в повествовательную ткань, и составляют целостность эпического контекста. Некоторые же сказочные образы, сюжеты функционируют в аппликативном виде. Они составляют самостоятельные рассказы, сцены, эпизоды. Так, в дестане весьма часто аппликатируется формула Таз давке, обрамляются такие сюжеты и мотивы, как «околдование жены падишаха», «превращение героя в животное или птицу», «подкуп приближенных падишаха» и др. Особые функции в развитии сюжета принадлежат Таз давке, мифологическому образу, который встречается и в других жанрах крымскотатарского фольклора.

Важно отметить, что в ряде дестанов нередко противоречиво сочетаются разнообразные обороты, сказочные сюжеты, эпизоды. Примером может служить дестан «Эдиге». В древнюю основу его сюжета (женитьба центрального персонажа на девушке из потустороннего мира) были привнесены позднейшие видоизменения, которые нарушили его целостность и логическую завершенность. Так, после похищения яйца *тогъан анача* – ловчей птицы Куртлукая изгоняется на гору Карадаг и там встречает девушку невиданной красоты, на которой потом женится: *«Куньлернинъ биринде Къуртлукъая авдан кельгенде, эви сипирильген, ашы пишкен ве эвнинъ ичинде бир къыз отура, амма бу къыз ай десенъ авызы, кунь десенъ козю, къаранлыкъ еге чыракъ оладжакъ, дюльберликте – догъгъан айнынъ он дёрти. Бир пускюргенде мелевше япрагъы киби майыша экен»* (Однажды, возвратившись домой после охоты, Куртлукая увидел, что дом убран, двор подметен и еда в казане приготовлена, а во дворе сидит девушка невиданной красоты. Если сравнить ее с луной, то у нее есть рот, если сравнить с солнцем, то у нее есть глаза, а ночью, словно свеча, красотой освещает все вокруг. Нет ей равных на всем свете, она словно луна на четырнадцатый день. А когда она передвигается, то ее стан изгибается, словно лист фиалки) [6, с. 5]. В дестане «Эдиге» сказочные мотивы, образы и сюжеты (как и в дестане «Нар къамыш») функционируют в аппликативном виде. Они составляют самостоятельные повествовательные кадры (как «метасказка» – рассказ в рассказе). Так, аппликатируется формула Албасты (злой лесной дух, оборотень, ворожея), обрамляются такие сюжеты и мотивы, как «воздействие нечистой силы на хана Токтамыша», «поиск давнего врага», «мотив мести». Эпизод превращения супруги Куртлукая – Албасты в оборотня фиксирует общенародное представление о мифологических персонажах. Албасты устраивает несколько испытаний героя, которые перекликаются с известными сказочными сюжетами. Однажды, вернувшись с охоты раньше времени, без предупреждения, Куртлукая был испуган увиденным: *Апайынынъ бурнуна къарай – кенсиреги ёкъ, аягъына кърай – тобугъы ёкъ, къолтугъына къарай – опькеси ёкъ»* (Смотрит на лицо жены, а у нее нет носа, смотрит на ее ноги, а у нее нет пяток, смотрит на грудь, а у нее нет легких) [6, с. 6]. Рассказчик, подчиняясь древней традиции, повторяет устойчивые словосочетания – эпические формулы (*къарай … ёкъ – смотрит… нет*), в которых выражается страх перед злым лесным духом, оборотнем, обитающим на горе Карадаг. Албасты появляется в связи с одним из самых древних мотивов в мировом фольклоре, а именно с мотивом наказания и смерти. Изгнанный за воровство на гору Карадаг, Куртлукая оказывается поглощенным злым лесным духом. В данном случае этот сюжет имеет экспозиционные функции и служит завязкой всего. То же самое можно

сказать и о других мотивах («спасение стариком-пастухом Эсеваем брошенного ребенка Албасты», мотив «предопределения судьбы», мотив «бочки в море, в которой заточена прекрасная девушка», мотив «троекратного поединка с семиголовой змеёй» и т.д), органически вошедших в повествовательную ткань и составляющих художественную целостность дестанного контекста. Критерием сказочности текста служит наличие в нем типичного для сказок общего места – пробы силы противника путем запугивания его, путем забрасывания его в небо, изгнания в дремучий лес, в болотистые пространства. Наиболее мотивированно и детально развиты встречающиеся в сказках так называемые международные мотивы: мотив о клевете и оскорблениях жены падишаха, о Мировом древе. Соотношение перечисленных нами сказочных и эпических элементов свидетельствует о преимуществе первых над вторыми.

Основная сюжетная линия дестана «Таирнен Зоре» («Таир и Зоре») строится на основе группировки известных сказочных мотивов. Как и в сказках, в дестане «Таир и Зоре» падишах и визирь были бездетны, но после благословения саиля (мудреца) и съедения яблок, подаренных мудрецом, судьба подарила им детей. Супруга падишаха родила девочку – Зоре, супруга же визиря мальчика – Таира. Это древний мотив – просьба о наследнике – использован как вступление к дестану. Далее следует традиционный сюжет: Куртка (мифологический образ) порочит имя одного из центральных персонажей (Таира), он подвергается изгнанию в город Мердим, следуют разлука с Зоре, помощь мудрых старцев – «бабалыкъ» и «аналыкъ» (приемные мать и отец). Несмотря на то что в дестане события даются широко, обстоятельно, даже довольно реалистично, все же сказочный элемент явственно присутствует в ткани повествования как в сюжетно-композиционной структуре, так и в стилистике. Как в сюжете, так и в характеристике главных героев и ряда действующих лиц обнаруживается близкое сходство с «Легендой о золотой колыбели». Особенно перекликаются события, повествующие о предполагаемом замужестве Зоре. Как и Зехра, Зоре остается до конца верной клятве, данной Таиру. Как «Легенда о золотой колыбели», так и дестан «Таир и Зоре» завершается трагической смертью центральных героев. Важно отметить, что в дестане «Таир и Зоре» тема богатырства, романтические и героические, волшебные мотивы тесно переплетены, и потому изучение эпического сказания в сопоставлении со сказочным эпосом имеет большое значение для выявления жанровых взаимоотношений устного народного поэтического творчества. Так, богатырскими чертами наделен чобан – пастух, обвинитель социальной несправедливости и зла. Как и полагается эпическому богатырю, он выносит суровый приговор Куртке. Далее повествуется о соперничестве между дочерьми падишаха города Мердим из-за любви к Таиру – такая интрига широко распространена не только в крымскотатарских сказках, но и в сказках народов Востока. Отмечая «уникальность этой народной поэмы, полной архаики, сказочных мотивов, этнографии и других картин миропонимания древности», исследователь Э. А. Сеферов подчеркивает важную роль «стихотворных вкраплений в сказочной форме повествования» [14, с. 41]. Предметом детального осмысления исследователя во вступительной статье к книге «Таирнен Зоре» («Таир и Зоре») стали мифопоэтические модели, философские мотивы, художественные

стратегии и приемы живописной техники слова в дестане. К древнейшим сказочным мотивам относятся мотивы испытания и признания, «благопожелания» (алгъыш) и «проклятия» (къаргъыш). Например, в стихотворной вставке крымскотатарского варианта дестана «Таир ве Зоре» («Таирнен Зоре») Таир, отправляясь в город Мердим, желает своим спутникам блага и добра, а затем, клянясь в верности возлюбленной Зоре, проклинает самого себя: «*Гидер исем огърум олсун, Дерья денъиз ёлум олсун, Сенден гъайры яр севсем Эки де козюм кёр олсун»* (Уезжаю я, пусть сопутствует удача, Пусть дорога моя будет без препятствий, гладкой как морская гладь, но, если я полюблю другую девушку, Пусть ослепнут мои глаза) [6, с. 367]. Важно отметить, что мотивы проклятия и благопожелания отражали нравы и законы первобытного общества. Так, в сказке «Агълагъан нар ве кульген айва» («Плачущий гранат и смеющаяся айва») проклятие мифологического персонажа Ифрита превращает девушку Ибраим-кыз в мужчину-батыра. Данный сказочный мотив – символ и в то же время реликт мифологического ритуала инициации. Эти мотивы подвергались трансформации в соответствии с задачами времени. Так, международный сказочный мотив о бездетности правителя, падишаха и чудесного рождения главного героя, в крымскотатарских дестанах каждый раз как бы обновлялся и нес определенные смысловые нагрузки, отличающиеся своеобразием в раскрытии основной идеи того или иного фольклорного произведения. В частности, в устном народном творчестве издревле существуют мотивы, отражающие конфликт морального характера, например, между скромной и умной девушкой и развращенным падишахом. Мотивы, построенные на противопоставлении героизма и трусости, подлости и благородства, прослеживаются в общетюркских фольклорных памятниках. Этот факт также подтверждает наличие указанных мотивов в фольклорных жанрах самых древних времен. Независимо от первоначальной формы пересказа эти мотивы перешли, видимо, в дестаны из сказок. На это указывает существование в дестанах мифологических образов и ритуалов, художественного вымысла (женитьба Куртлукая на Албасты (мифологический образ) в дестане «Эдиге»), идеализации героев («чудесное» рождение в виде огня в дестане «Чорабатыр»), отчетливой дидактической окраски героических деяний. Так, в традиционных героико-богатырских сказках на передний план выдвигается героический образ богатыря, совершающего подвиги. Такой герой сражается с чудовищным змеем-драконом – Аждерха, великаном Дэвом и т.д. Соответствующие сюжетные условия эпической героики: мотивы, детали, сюжеты и т.д. – раскрывают героические черты и характер сказочного образа. Таковы «Сказка о Чамаширджи оглане», «Сказка о трех сыновьях падишаха и мудром ашуге», «Сказка о трех талисманах» и др. Так, в сказке «Памукъ къыз ве матюв огълан» с самого начала повествование развивается в эпическом направлении, однако в дальнейшем заметно влияние сказки. Превалирующими становятся не эпические, а такие сказочные мотивы и сюжеты, как «освобождение источника от чудовищного дракона», «узнавание настоящего героя» и др. Сказочные композиционные схемы при этом как бы существуют самостоятельно, они не нарушают традиционной эпической характеристики героя. Как и во всех дестанах, герой на крылатом коне долетает до «молочного источника», а затем до «медового источника», сражается с владыкой

подземного мира, владычицей подводного царства. Вместе с тем в этой сказке присутствует мотив «добывания невесты», мотив «испытания силы противника», мотив смерти. Обратимся к материалу сказки «Буюк-Ламбат масалы» («Буюк-Ламбатская сказка»), в которой значительное число повествовательных эпических элементов. Обратим внимание на центральные персонажи: Кучюк оглан (Младший сын) и его жена дочь падишаха – традиционные эпические герои. Кучюк оглан, преодолев голодные скитания, магические запреты, стену в «семь рядов из человеческих черепов», в которую встроены весы – символическое обозначение границы двух миров, мира настоящего и мира потустороннего, становится обладателем мудрости, недюжинной физической силы. Его супруга (дочь падишаха), выполняя магические обряды, вызволяет из водного плена Кокче обур (мифологический образ; ведьма, водяная чертовка) своего супруга. В сказке присутствуют мотивы добывания невесты, мотивы выкупа и спасения мужа, мотив смерти. Как и полагается эпическому богатырю, Кучюк оглан (он же младший сын падишаха) становится поборником справедливости, защитником обездоленных. Эпическая сущность героя выражается и в его поступках, когда он защищает народ от вторжения вражеских воинов и вступает в поединок с сорокаголовым драконом Аждерха, в сердце которого скрыта тайна бессмертия Кокче обур. Так эпическая характеристика героя свидетельствует об эпических элементах в содержании сказки. Однако их присутствие не обеспечивает смысловую композиционную и стилистическую целостность эпического жанра. К числу сказочных атрибутов относятся мотивы превращения героя в птицу, Железного Льва, мотив поверженного великане Аждерха, наличие присказки: *«Къаплы-къуплу бакъалар Къанатланды учмагъа, Денъиздеки балыкълар Кира тутты кочьмеге… Акъмеджитнинъ минареси Эгильди, Салгъырдан сув ичмеге, Туттым пиренинъ бирини. Аман басып сойдым. Алтмыш окъкъа эти чекти, етмиш окъкъа майы чекти. Алдым чызмаларымны майладым. Бирине етти, бирине етмеди…» («Черепахи полетели, крылья заимели! Рыбы морские взаймы их попросили. Принялись тоже летать! В Акъмесджите минарет наклонился, Чтоб в Салгире вод напиться… Вот поймал и я блоху, как овцу ее зарезал. Мяса в ней – 60 окка, жира в ней 70 окка! Смазал жиром я сапог, на другой-то не хватило!..*» (Перевод Н. К. Эмирсуиновой) [7, с. 16].

ВЫВОДЫ

Исследование взаимовлияния эпических жанров крымскотатарского фольклора имеет большое значение для выявления жанровых взаимоотношений устного народного поэтического творчества. Возникновение близких мотивов в сказках и дестанах уходит корнями далеко в глубь веков. Большинство из них существовало в мифах и древних легендах, созданных на основе первобытных представлений; впоследствии некоторые из этих мифов и легенд трансформировались в сказки и дестаны. Установлено, что не только любовно-романтические, но и героические дестаны формировались и развивались под влиянием сказочных мотивов. Некоторые дестаны повторяют сказку не только своим содержанием, но и традиционными формулами, специфическими приемами повествования. Несомненно, эти мотивы подвергались изменениям в соответствии с задачами времени. В числе ключевых

факторов, позволяющих говорить о разнообразных творческих трансформациях сказочных мотивов в дестанах, следует указать особенности проявления вольного пересказа, сокращения, насыщения реалистическими деталями, средствами поэтической выразительности. Анализ показывает, что не все перечисленные нами дестаны и сказки равноценны по своим текстологическим и другим качествам. В одних мы наблюдали насыщение сказочного текста эпическими мотивами, сказочно-эпическую двухмерность. В других же – нетипичные для композиционных повествовательных схем переосмысления образов, расширения, сокращения эпических мотивов сюжета. Тема требует монографических исследований как обобщающего характера, так и по каждому жанру отдельно. Тому залог – все увеличивающееся количество публикаций фольклорного материала, а также совершенствование методов анализа соответствующих проблем в отечественной фольклористике.

Список литературы

1. *Bakirci, N.* Qırımtatar Masalınıñn motif yapisi [Текст] / N. Bakirci // Qırımtatar Masallari. Konya. 2010. – P. 61–99.
2. *Веселовский, А. Н.* Поэтика. Поэтика сюжетов [Текст] / А. Н. Веселовский // Собр.соч. в 3-х томах. Т.2. Вып.1.– СПб, 1913. – С. 301.
3. *Джаманакълы, К.* Къырымтатар халкъ масаллары хакъкъында [Текст] / К. Джаманакълы // Совет эдебияты. – 1941. – №2. – С. 21-30.
4. *Жирмунский, В. М.* Тюркский героический эпос [Текст] / В. М. Жирмунский. // Ленинград: Наука. – 1974.– С. 728.
5. *Мирбадалева, А. С.* О некоторых принципах отбора и публикации текстов эмпических произведений в серии "Эпос народов СССР" (на примере эпоса тюркоязычных народов) // Фольклор: издание эпоса. – Москва: Наука, 1977. – 287 с.
6. Крымтатар халкъ агъыз яратыджылыгъы [Текст] / Хрестоматия: Пед.ин-тынынъ филология фак. Къырымтатар тили ве едебияты болюгининъ студ. ичюн (Тертип этиджи Д. Бекиров). – 1991. – 248 с.
7. *Къырымтатар халкъ масаллары [Текст]* / Тертип эткенлер К. Джаманакли, *А. Усеин*. - 2-нджи, ишленильген нешир. – *Симферополь*, Крымучпедгиз, *2008*. – 384 с.
8. *Левинтон, Г. А.* "Интертекст" в фольклоре: фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – 2000. – С. 21–28. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/levinton1.htm. – (Дата обращения: 20.02.2022).
9. *Неклюдов, С. Ю.* Авантекст в фольклорной традиции [Текст] / С. Ю. Неклюдов // Живая старина. – 2001.
10. *Омар, А.* Пространство и время в мифологии доисламских тюрков. – Режим доступа: http://www.runivers.ru /philosophy/ logosphere/143996/. – (Дата обращения: 25.02.2022).
11. *Радлов, В. В.* Образцы народной литературы северных тюркских племен. Часть VII. Народы крымского полуострова [Текст] / В. В. Радлов. – 1896. – С. 1–237.
12. *Саидов, М. С.* Реалистическая основа народного эпоса [Текст] / М. С. Саидов // Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции «Фольклор, Литература и История Востока». Сборник докладов и тезисов (Ташкент, 10 – 12сентября 1980 г.).
13. *Самойлович, А. Н.* Радлов как тюрколог [Текст] / А. Н. Самойлович // Революция и национальности. – 1937. – №2. – С.79-81.

14. *Сеферов, Э. А.* Картина мира и мир образов в феномене род [Текст] / Э. А. Сеферов // Qasevet. – 2012. – №39. – С. 41–52.
15. *Суркова, Ж. И.* Уровни и виды вариативности сказочного текста. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Surkova. – (Дата обращения: 22.12.2021).
16. *Эмирсуинова Н. К.* История становления крымскотатарского сказковедения [Текст] / Н. К. Эмирсуинова. Режим доступа: http://ilmiyqirim.blogspot. com/2014/10/blog-post_15.html.
17. *Эмирсуинова, Н. К.* Проблема вариативности и авантекста в крымскотатарской сказочной прозе [Текст] / Н. К. Эмирсуинова // Крымское историческое обозрение. Научный журнал. – 2016. – № 2. – С. 123–132.

References

1. Bakirci N. *Qırımtatar Masalınıñn motif yapisi* [Ancient Motifs in Crimean Tatar Fairy Tales] / N. Bakirci // Qırımtatar Masallari. Konya. 2010, pp. 61–99.
2. Veselovskij A. N. *Pojetika. Pojetika sjuzhetov* [Poetics. The Poetics of Plots] / A. N. Veselovskij // Sobr.soch. v 3-h tomah, 1913, Tom.2. no 1, p. 301.
3. Dzhamanakly K. *Kyrymtatar halk masallary hakkynda* [About Crimean Tatar Folk Tales] / K. Dzhamanakly // Sovet jedebijaty.1941, no 2, pp. 21-30.
4. Zhirmunskij V. M. *Tjurkskij geroicheskij jepos* [The Turkic Heroic Epic] / V. M. Zhirmunskij. // Leningrad: Nauka, 1974, p. 728.
5. Mirbadaleva A. S. *O nekotoryh principah otbora i publikacii tekstov empicheskih proizvedenij v serii "Epos narodov SSSR*" (na primere eposa tyurkoyazychnyh narodov) *[On some Principles of Selection and Publication of Texts of Epic Works in the Series "Epic of the Peoples of the USSR" (On the Example of the Epic of the Turkic-speaking Peoples)]*. *Fol'klor: izdanie jeposa*. Moskva: Nauka, 1977. – 287 c.
6. *Krymtatar halk agyz jaratydzhylygy* [Crimean Tatar Folk Art]. 1991, 248 p.
7. *Kyrymtatar halk masallary* [Crimean Tatar Folk Tales]. 2008, 384 p.
8. Levinton G. A. "*Intertekst" v fol'klore: fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologija, semiotika*. ["Intertext" in Folklore: Folklore and Post-Folklore: Structure, Typology, Semiotics.]. 2000, pp. 21 28. Available from: http://www.ruthenia.ru/folklore/levinton1.htm (accessed 24 January 2022).
9. Nekljudov S. Ju. *Avantekst v fol'klornoj tradicii* [Avantext in the Folklore Tradition], 2001.
10. Omar A. *Prostranstvo i vremja v mifologii doislamskih tjurkov* [Space and Time in the Mythology of the pre-Islamic Turks] – Available from: http://www.runivers.ru /philosophy/ logosphere/143996/ (accessed 10 February 2022).
11. Radlov V. V. *Obrazcy narodnoj literatury severnyh tjurkskih plemen.* [Samples of Folk Literature of the Northern Turkic Tribes]. *Chast' VII. Narody krymskogo poluostrova*. 1896, pp. 1–237.
12. Saidov M. S. «*Realisticheskaja osnova narodnogo jeposa*» [The Realistic Basis of the Folk Epic]. Materialy III Vsesojuznoj tjurkologicheskoj konferencii «Fol'klor, Literatura i Istorija Vostoka». Sbornik dokladov i tezisov (Tashkent, 10 – 12 sentjabrja 1980 *goda*.).
13. Samojlovich A. N. *Radlov kak tjurkolog* [Radlov as a Turkologist]. *Revoljucija i nacional'nosti*, 1937, no. 2, pp. 79–81.
14. Seferov Je. A. *Kartina mira i mir obrazov v fenomene rod* [The Picture of the World and the World of Images in the Phenomenon of Gender]. *Qasevet*, 2012, no. 39, pp. 41–52.
15. Surkova Zh. I. *Urovni i vidy variativnosti skazochnogo teksta* [Levels and Types of Variation of Fairy-tale Text]. Available from: http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Surkova (accessed 6 December 2021).

16. Jemirsuinova N. K. *Istorija stanovlenija krymskotatarskogo skazkovedenija* [The History of the Formation of Crimean Tatar Fairy-tale Studies]. Available from: http://ilmiyqirim.blogspot.com/2014/10/blog-post_15.html.
17. Jemirsuinova, N. K. *Problema variativnosti i avanteksta v krymskotatarskoj skazochnoj proze* [The Problem of Variability and Avantext in Crimean Tatar Fairy-tale Prose]. Krymskoe istoricheskoe obozrenie. Nauchnyj zhurnal, 2016, no. 2, pp. 123–132.

ON THE ISSUE OF STUDYING THE GENETIC INTERRELATIONS OF GENRES OF FOLKLORE EPIC

Seferova E. E.

The article examines the problem of mutual influence of epic genres of Crimean Tatar folklore. It has been established that a significant part of the Crimean Tatar destans contains fairy-tale motifs, and some almost coincide in content with fairy tales. Among such motives are the motive of the transformation of the central character into an animal, a clash with the patrons of the mountain, forest, water, pagan gods, mythical characters; the motive of the patron horse, the motive of the stepmother and stepdaughter (stepson). It is also established that fairy-tale motifs in love-romantic destans often become the main core of plot-compositional construction. Analytical reading of romantic and heroic destans allows us to see in them a creative transformation - saturation with realistic details, means of poetic expressiveness, free retelling, etc. Observations show that fairy-tale plots and images in destans function in an applicative form. They act as independent stories. Individual destans repeat the fairy tale not only with their content, but also with traditional formulas, fairy-tale beginnings. A detailed understanding and analysis of the folklore epic has shown that not all the destans and fairy tales listed by us are equivalent in their textual and other qualities. In some cases, the saturation of the fairy-tale text with epic motifs. In others - atypical for compositional narrative schemes of rethinking images, expansion, reduction of epic motives of the plot. Many observations of researchers about the combination of fantastic elements with fairy-tale motifs in the devotional creativity of the Crimean Tatar people are waiting for further detail and in-depth study.
Keywords: fairy-tale motif, folklore epic, contamination, mutual influence, composition, mythologeme.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 2. С. 67–76.

2. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 821.512.19-4

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВЕДУЩИХ ЖАНРОВ ЖУРНАЛИСТИКИ В КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ПЕРИОДИКЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Джелилова Л. Ш.

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь, Российская Федерация
E-mail: trysto@mail.ru

В статье предпринят обзор зарождения и развития ведущих жанров журналистики (*фельетона, очерка* и *заметки)* в крымскотатарской прессе конца XIX–XXI вв. Жанры фельетона, очерка, заметки в крымскотатарской журналистике впервые появились в газете И. Гаспринского «Терджиман», а затем продолжили развитие в изданиях периода революций и гражданской войны, например, в газете А. С. Айвазова «Миллет». К 1930-м годам они окончательно сформировались в крымскотатарской прессе в соответствии с утвердившимися в советской журналистике канонами. В настоящее время жанры фельетона, очерка и заметки в крымскотатарской периодике переживают различные трансформации, в том числе на стыке литературы и журналистики. Например, жанр заметки, попадая в крымскотатарскую художественную литературу, превращается в ситуативный рассказ-молнию. Газетный фельетон перемещается в крымскотатарскую литературу как семейно-бытовой фельетон, социальный сатирический рассказ. Газетный крымскотатарский очерк, переходя в художественную литературу, становится более объемным и конкурирует с жанром эссе. Также в крымскотатарской литературе появляются серии очерков (например, серии путевых очерков по святыням исламского мира в журнале «Йылдыз» в начале 2000-х гг.). Таким образом, становление и развитие жанров фельетона, очерка и отчасти заметки в крымскотатарской журналистике проходило в тесном взаимодействии с жанрообразующими процессами в крымскотатарской литературе.
Ключевые слова: крымскотатарская литература, фельетон, очерк, заметка, жанры журналистики.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время крымскотатарская периодика представляет объект интереса для ряда отечественных и зарубежных ученых. Крымскотатарским СМИ посвящены работы В. Ю. Ганкевича. Среди его трудов – краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914) [2]. Известны исследования И. А. Керимова о крымскотатарской периодической печати довоенного времени (до 1941 г.). Указанная работа вмещает полный перечень крымскотатарских изданий [8]. Заслуживает отдельного внимания работа О. С. Хоменка о дореволюционной периодической печати Таврической губернии (1838–1916): очерк истории и библиографический указатель [14]. Г. З. Юксель опубликовала работу о крымскотатарской печатной прессе конца 1910–начала 1930-х гг., где особенно выделены организационно-функциональный и идейно-содержательный аспекты национальной печати [16]. Особое значение имеют исследования Н. В. Яблоновской. Ей принадлежит целый ряд работ об истории крымской журналистики, и в частности о прессе крымских

татар [17]. История этнической прессы Крыма и ее развитие в наши дни изучаются и другими исследователями.

Первые исследования использования жанра фельетона в крымскотатарских литературе и журналистике стали появляться в 2000-х годах. Внимания заслуживают работы С. Сеитмеметовой [12] и З. Шукурджиевой [15], рассматривающие обращение И. Гаспринского к ряду журналистских жанров. Исследователем жанров крымскотатарской прозы стала Ф. А. Сеферова, издавшая серию научных работ о современной крымскотатарской прозе [13].

Несмотря на обилие публикаций, посвященных крымскотатарской журналистике, вопрос о становлении ее жанровой системы остается малоисследованным.

Объектом нашей статьи является периодическая печать крымских татар. Предметом выступает зарождение и формирование в ней таких жанров журналистики, как фельетон, очерк и заметка.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Крымскотатарская национальная периодика с самого начального своего периода для формирования текстов интенсивно использует популярные малые жанры известных газет. Появление ряда жанров журналистики в ранней крымскотатарской печати берет начало с журналистской и литературной деятельности И. Гаспринского, который благодаря своим взвешенным взглядам и авторитету сумел добиться открытия в 1883 г. двуязычной газеты «Терджиман-Переводчик» [8, с. 127]. При этом еще 1881 г. И. Гаспринским были предприняты попытки издания периодических печатных изданий (газетных листков) «Тонгъуч» (рус. *Первенец*) [4] и «Шафакъ» (рус. *Сумерки*) [5, с. 6]. Долгое время «Терджиман-Переводчик» был единственной тюркоязычной газетой в границах Российской Империи. Несомненно, личность и авторитет И. Гаспринского сыграли в этом ключевую роль. При нем выросли и созрели как личности молодые литераторы, критики, переводчики, журналисты-публицисты, историки, драматурги и фольклористы.

Жанр фельетона

Фельетон – это один из художественно-публицистических жанров в крымскотатарской литературе и журналистике, сформировавшийся в современном виде на рубеже XIX–XX вв. Термин «фельетон» возник в начале XIX в. В 1800 г. во Франции издатель газеты «*Journal des Débats*» стал выпускать листы-приложения к газете. Сатирическую окраску фельетон приобрёл в новейшее время. Первые фельетоны появляются в крымскотатарской периодической печати в конце XIX в. Долгое время при жанровом обозначении данных текстов крымскотатарские литераторы обходились традиционными терминами: *левхá* (зарисовка; сценка-рассказ), *чыбыртмá* (ералаш, ситуативный сумбур).

Создатель фельетона подвергает фактический материал публицистической обработке. Образность и художественность фельетона – это непременное условие его действенности. При этом не каждый фельетон должен указывать на недостатки. Действенность жанра фельетона заключается в том, что этот текст обеспечивает аудиторию актуальной информацией, влияет на формирование социальной позиции

человека, на формирование общественного мнения. Писатель-фельетонист акцентирует внимание на образе конкретного носителя зла, а сквозь этот неблагоприятный образ вырисовывается общая картина нежелательного явления.

Первыми фельетонами рубежа веков стали тексты И. Гаспринского в газете «*Терджиман».* Один из таких фельетонов проходит как часть серии небольших «Рассказов из жизни русских мусульман», написанных И. Гаспринским под псевдонимом М. Искендеров в 1885 г. Это рассказ «Мидаль, или Иван Иванович» [11, с. 270–271]. Также обращает на себя внимание фельетон И. Гаспринского «Бесприютный. (Из приключений г-на Здравого Смысла)», опубликованный в 1905 г. в газете «*Терджиман»* [3, с. 378–379]. Этот фельетон обозначен как сатирический рассказ, он не подписан автором. По жанру и стилю это социальный фельетон о бродяжничестве здравого смысла. Здравый смысл тут одушевлен, очеловечен и предстает перед нами в образе отверженного.

Но впервые слово *фельетон* как определитель жанра литературного текста видим в 1917 г. в газете «Миллет» у Джемиля Керменчикли. Под заголовком рассказа «Акълы бир ред» (кртат. «*Справедливый отказ»*) автором в скобках по-русски подписано – *фельетон* [9]. Этот социальный фельетон по всем своим параметрам соответствует критериям жанра, написан в духе времени.

С 1957 г. фельетон – частый и излюбленный гость крымскотатарской газеты «Ленин байрагъы». Самый первый газетный послевоенный образец этого жанра – фельетон Ризы Халидова «В пути, в автобусе» (*Ёлда, автобусда (фельетон)*, 1957). Это социально-бытовой, сатирический текст. Затем будут опубликованы и другие произведения крымскотатарских фельетонистов.

В 60–70 годы XX в. во многих сатирических сборниках и юмористических изданиях крымскотатарский фельетон зачастую отмечен как «сатирик икяе» (*кртат.* сатирический рассказ/смешная история). Тут следует указать на невнимательность редакторов издания или их нежелание дать более точную жанровую характеристику литературному тексту. Сборники определяют подобные тексты, как *фельетон*, *лятифе́*, *сатири́к икяе́*. Семейно-бытовые фельетоны были очень актуальны в 1960–1970-х гг. В них изобличены и косность общества, и неумение вчерашних сельских обывателей стать настоящими горожанами (урбанистические картинки, на фоне которых контрастными пятнами выделяются неуклюжие *новые горожане*). Фельетон «Къайнана» (*кртат.* «Свекровь») Дж. Гъафара – образец удачного семейно-бытового фельетона, рисующего мир простого обывателя [6, с. 76–81].

В указанных фельетонах крымскотатарским прозаикам удалось создать удивительно многомерные картины жизни. И, как видим, первое их измерение, заметное сразу же – это острый гротеск и сатира на тему мещанского быта и повседневности, растворяющих в себе личность.

В начале 2000-х годов в Крыму в качестве ежемесячного приложения к литературно-художественному журналу «*Йылдыз»* редколлегия журнала возобновила выпуск сатирического издания И. Гаспринского «Ха-ха-ха». В нем на протяжении восьми лет публиковались сатирические рассказы, фельетоны, анекдоты, карикатуры и эпиграммы на крымскотатарском языке.

Следует отметить, что тема литературного контента в крымскотатарских газетах рубежа XIX–XX вв. до сих пор не получила должного рассмотрения, в том числе до настоящего времени не проведен жанрово-типологический анализ газетной фельетонистики этого периода.

Жанр очерка

Очерк XIX–XX вв. – эпический прозаический жанр, давно вошедший в художественную литературу и журналистику. Произведения этого жанра отмечены ярким присутствием авторского «я». Сам же *очерк* находится на грани между художественной литературой и публицистикой. Он сохраняет особенности образного отражения реальной жизни в литературе. Для создания очерка интенсивно используются инструменты художественного изображения. В мировой литературе жанр очерка близок к жанру рассказа.

Для очерка характерна свободная, независимая композиция, которую организует повествователь. Иногда эту композицию развивает какая-либо идейная цель. Очерк специфичен. Его условности и правила отчасти являются его слабыми сторонами. А конкретно это отрывочность очерка, узкие или тесные рамки/границы сюжета, неизбежная зажатость и вечное состояние локальности. Преимущества очерка состоит в том, что в одном и том же тексте одновременно могут уживаться и сюжетное повествование, и сценка-зарисовка, и статистические данные, и публицистический выпад, и поучение. Как в Европе, так и в России многие очерки становились основой сюжетов выдающихся литературных произведений.

Первыми очерками в восточной литературе вполне можно считать малые прозаические назидательные формы Джалаладдина Руми. Его «Месневи» (сборник прозаических сценок и поэзии) полон первыми образцами сюжетного «очерка». Необходимо вспомнить также известных очеркистов в русской периодической печати, которые своим творчеством, несомненно, повлияли на формирование очерка у народов России, в частности крымских татар.

Первые крымскотатарские очерки появляются в печатных изданиях конца XIX–начала XX вв. Очерки И. Гаспринского в «Терджимане» отличались тематическим и жанровым разнообразием. Следует отметить, что в самих текстах жанр не был обозначен. Однако это яркие первые образцы крымскотатарского *путевого, проблемного и портретного очерка*.

Так, очерк «Бекство» И. Гаспринского (очерк подписан псевдонимом автора – М. Искендеров) – классический путевой очерк об одном предместье Закавказья [11]. В следующем номере газеты опубликован еще один, но уже портретный очерк «Интересный дервиш» («Терджиман», 1885 г., № 2 от 20 сентября). В нем дан портрет одного из мусульманских аскетов [11, с. 380]. В последующие годы в газете «Терджиман» было напечатано множество очерков как И. Гаспринского, так и других авторов. Наиболее известными стали очерки «Народ» (*Миллет*, 1907 г.), «Наставления в месяц Рамадан» (*Рамазан насихаты*, 1898 г.), «Тюркская литература» (*Кыраат-ы тюрки*, 1894 г.), «Русское мусульманство» (*Рус муслюманлыгъы*, 1881 г.), «Торговые вести» (*Кесб ве тиджарет мухабиреси*, 1889 г.), «Великие престольные города» (*Мешхур пайтахтлар*, 1901 г.), «Зеркало

прогресса» (*Мират-ы джедид*, 1882 г.), «Алишер Навои» (*Неваи-й мир-Алишир*, 1902 г.) и другие.

В редакции «Терджимана» выросла целая плеяда талантливых публицистов-очеркистов. Это пишущая и деятельная интеллигенция первой половины XX в., ученики И. Гаспринского: Абдурешид Медиев, Осман Акчокраклы, Бекир Эмекдар, Абдурефи Боданинский, Асан Сабри Айвазов, Исмаиль Леманов. Позже появилось и следующее поколение писателей-журналистов, авторов очерков. Осман Заатов, Усеин Балич, Сеидабдулла Озенбашлы, Абиулла Одабаш, М. Рефатов, Мемет Нузэт, Усеин Ш. Токтаргази, Асан Чергеев, Ильяс Бораганский [7].

После 1917 г. жанр газетного и журнального очерка становится одним из ведущих жанров нового времени. Крымскотатарскому очерку дают новую жизнь и маститые, и начинающие писатели: Абдулла Лятиф-заде, Якуб Шакир-Али, Умер Ипчи, Осман Амит, Ыргат Кадыр, Мамут Недим, Ильяс Тархан и др. Очерки 1920–1930 гг. были посвящены рабочему классу, простому рабочему человеку, новым масштабным государственным стройкам, созданию коллективных хозяйств. Были и очерки, касающиеся новых литературных веяний: «Борьба за литературу пролетариата» (*Пролетар эдебияты ичюн куреш*, 1930 г.) А. Дерменджи; «Реислер» (*Председатели*, 1935 г.), «Мой воспрянувший народ» (*Джанлангъан халкъым*, 1936 г.), «Пушкин и крымскотатарская литература» (*Пушкин ве къырымтатар эдебияты*, 1937 г.) У. Ипчи; «Степи Красноперекопа» (*Ор чёллери*, 1938 г.) Р. Мурада; «О поэте Алтанлы» (*Шаир Алтанълы акъкъында*, 1940 г.) А. Фетислямова и др. [7, с. 10–14].

Ярким очеркистом этих лет был Умер Ипчи (1897–1955), автор множества очерков об исторических личностях и городах Крыма («Аппаз Усеинов» (1936 г.), «Бахчисарай» (1931 г.) и др.) [7, с. 15]

Крымскотатарский очерк послевоенного периода (1957-1980 гг.) отличается идейно-тематически. В эти же годы подрастает новое поколение молодых литераторов-очеркистов: Эрвин Умеров, Риза Фазыл, Айдер Осман, Эмиль Амит, Иса Абдураман, Закир Куртнезир, Шакир Селим, Аблязиз Велиев, Урие Эдемова и др. Их очерки сначала печатаются в «Ленин байрагъы» и журнале «Йылдыз», а затем выходят отдельными изданиями. Суть и идейное содержание очерков указанного периода связаны с восстановлением страны и строительством социалистического рая. Портретные очерки посвящаются людям рабочих профессий, знатным хлопкоробам, ткачихам, рабочим металлургической промышленности. Выдающемуся лётчику-асу, дважды герою Советского Союза Аметхану Султану посвящено несколько сборников очерков. Портретный очерк и социальный очерк – два самых популярных подвида этого жанра, которые наиболее часто встречаются в периодической печати крымских татар в 1960–1980 годы [7, с. 33].

Советский крымскотатарский очерк, впрочем, как и любой очерк той эпохи, был посвящен созданию образа честного труженика, гражданина и патриота.

В 1990-ые гг. уже в Крыму, во вновь основанных крымскотатарских газетах и журналах («Достлукъ», «Ватан», «Янъы дюнья», «Къырым», «Голос Крыма» и др.) очерки были в большей степени посвящены бывшим диссидентам, борцам за права

своего народа, известным поэтам, писателям и другим представителями творческой интеллигенции, имена и произведения которых были запрещены в советские годы.

Заметка в крымскотатарской прессе

Один из популярных информационных жанров журналистики – *заметка*. Структурно заметка схожа с небольшой статьей, она состоит из заголовка, подзаголовка, лида и основного текста.

Существует несколько разновидностей заметки. Одна из них – *новостная заметка*, в которой содержатся определенные сведения или данные о каком-либо событии. Чаще всего это описание происшествия.

Хроника – разновидность короткой заметки, в которой события изложены в хронологической последовательности. Такой вид заметки характерен для описания исторических событий любого времени.

Первые заметки в крымскотатарской прессе были напечатаны в газете «Терджиман» И. Гаспринского. Однако уже предтеча «Терджимана» – газетные листки «Тонгъуч» и «Шафакъ» – тоже содержали заметки. В информационной заметке И. Гаспринского «Как известно…» («Тонгъуч», 1881, 20 мая, С. 3) читателю сообщается о новом городовом Положении, в котором указаны условия избрания членов городского совета [4]. Следующая информационная заметка И. Гаспринского – «Исламские страны» – дает нам полное представление обо всех мусульманских державах того времени, численности их населения и социально-культурном состоянии [5].

В газете «Терджиман» первые образцы указанного жанра – это заметки «Оренбург» (1885 г., № 8 от 11 октября) и «Нормальная школа» (1885 г., № 12 от 28 октября) [11]. Это небольшие тексты, описывающие местность, людей и события. Заметки в заключительных своих частях ненавязчиво назидательны.

Газета «Миллет», выходившая в Крыму в 1917–1920 гг., также славилась своими заметками на социальные темы. Образец заметки этого периода – небольшой текст А. С. Айвазова в газете «Миллет» – «По поводу праздника» (*Байрам мюнасебетийле*, 1917 г., № 10, 7 июля) [22, с. 4]. Примечательная, яркая информационная заметка Джафера Сеидамета. «Наша национальная задача…» (*Миллий вазифемиз*, 1918 г., № 123, 15 октября) [22, с. 144].

Жанр заметки продолжает свое существование в довоенной (1917–1944 гг.) и в послевоенной (1957–1990 гг.) национальной периодике крымских татар. В газете «Ленин байрагъы» заметкам уделялось особое внимание. Это были заметки, информирующие о событиях (чаще всего – о достижениях) в различных сферах общественной жизни [13, с. 87].

В качестве образцов жанра послевоенного периода можно назвать заметки А. Дерменджи «Патриоты» (*Ватанперверлер*, 1957 г. – октябрь 20); Черкез-Али «Похвала от рабочих» (*Ишчилернинъ алгъышы*, 1957 г., – ноябрь 17.); Ильяса Бахшиша «О крымскотатарском ансамбле песни и пляски» (*Къырымтатар оюн ве йыр ансамбль акъкъында*, 1957 г., декабрь 1.); Я. Мемета «Культура (Выставка изобразительного искусства)» (*Медениет (Ресим сергиси)*, 1957 г., декабрь 5.) [7] и другие.

ВЫВОДЫ

Жанры фельетона, очерка, заметки в крымскотатарской журналистике впервые появились в газете И. Гаспринского «Терджиман», а затем продолжили развитие в изданиях периода революций и гражданской войны, например, в газете А. С. Айвазова «Миллет». К 1930-м годам они окончательно сформировались в соответствии с утвердившимися в советской журналистике канонами.

В настоящее время жанры фельетона, очерка и заметки в крымскотатарской периодике переживают различные трансформации, в том числе на стыке литературы и журналистики. Например, жанр заметки, попадая в крымскотатарскую художественную литературу, превращается в *ситуативный рассказ-молнию*.

Газетный фельетон крымских татар призван высмеивать пороки человека, игрой объемов и контрастов, методом сравнения изобличать жизненные перекосы. В крымскотатарскую литературу жанр фельетона перемещается как семейно-бытовой фельетон, социальный сатирический рассказ.

Газетный крымскотатарский очерк долгое время существует в периодической печати. Переходя в художественную литературу, он становится более объемным и конкурирует с жанром эссе. Также в крымскотатарской литературе появляются серии очерков (например, серии путевых очерков по святыням исламского мира в журнале «Йылдыз» в начале 2000-х гг.).

Таким образом, становление и развитие жанров фельетона, очерка и отчасти заметки в крымскотатарской журналистике проходило в тесном взаимодействии с жанрообразующими процессами в крымскотатарской литературе.

Список литературы

1. Велиев Къ. Тавшан юрекли. Юмор. [Текст] / Къ. Велиев // Йылдыз. – 1983. – №1. – С.142-143.
2. Ганкевич В. Ю. На службе правде и просвещению: краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). [Текст] / В. Ю. Ганкевич. – Симферополь, 2000.
3. Гаспринский И. Бесприютный (из приключений г-на Здравого Смысла). [Текст] / И. Гаспринский // Полное собрание сочинений И.Гаспринского. Том 1. Симферополь: Институт истории им. Марджани, 2016. – С. 378–379.
4. Гаспринский И. Известно, что… Малюмдюр ки… [Текст] / И. Гаспринский // Тонгъуч, 1881. – 20 мая.
5. Гаспринский И. Исламские страны. Ислям девлетлери [Текст] / И. Гаспринский // Шафакъ, 1881. – 9 августа.
6. Гъафар Дж. Къайнана. [Текст] / Дж. Гъафар // Омюр орьнеклери. Икяелер. Ташкент: Гъ. Гъулам нешрияты, 1971. – С. 76-81.
7. Джелилова Л.Ш. Къырымтатар эдебиятында очерк жанры. [Текст] / Л.Ш. Джелилова. - Симферополь: «ДИАЙПИ», 2015. – 100 с.
8. Керимов И. А. Крымскотатарская периодическая печать довоенного времени [Текст] / И. А. Керимов // Ученые записки КГИПУ. – 2004. – № 5. – С. 125–133.
9. Керменчикли Дж. Акълы бир ред. (Фельетон) [Текст] / Дж. Керменчикли // Миллет. – 1917. – 3 сентябрь.
10. Машарипова Т.Ж. Публицистика и литература: общие и отличительные особенности [Текст] / Т.Ж. Машарипова // Вестник Московского университета, 2013. – Серия 10. Журналистика. – С. 48–54.
11. Полное собрание сочинений И. Гаспринского. Симферополь: ООО Форма. – 2016. – Т. 1. – 384 с.

12. Сеитмеметова С. Жанры и типы публикаций в газете "Терджиман" [Текст] / С. Сеитмеметова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. История. – 2008. – Т. 21 (60). – № 1. – С. 43–51.
13. Сеферова Ф.А. Этические идеалы крымскотатарской прозы 60-80 гг. XX века. [Текст] / Ф.А. Сеферова. – Симферополь: «ДОЛЯ», 2009. – 206.
14. Хоменок О. С. Дореволюционная периодическая печать Таврической губернии (1838–1916): очерк истории и библиографический указатель. [Текст] / О. С. Хоменок. – Одесса: АО Бахва, 2003.
15. Шукурджиева З. Специфика художественно-публицистических жанров наследия И. Гаспринского [Текст] / З. Шукурджиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2018. – № 11 (89). – Ч. 1. – С. 61–64.
16. Юксель Г. З. Крымскотатарская пресса конца 1910–начала 1930-х гг.: организационно-функциональный и идейно-содержательный аспекты. [Текст] / Г.З. Юксель. – Симферополь, 2014. – 301 с.
17. Яблоновська Н.В. Етнічна преса Криму: історія та сучасність. [Текст] / Н.В. Яблоновська. – Сімферополь, 2006. – 312 с.
18. Яблоновская Н.В. Этническая пресса Крыма: проблема поддержки национального языка [Текст] / Н.В. Яблоновская // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 82. – С. 51–53.
19. Яблоновская Н.В. Этническая пресса Крымской АССР: национальное возрождение в условиях плана коренизации и формирующегося тоталитаризма. [Текст] / Н.В. Яблоновская // Культура народов Причерноморья. — 2007. – №116. – С. 33–36.
20. Яблоновской Н. В. Кримська журналістика: етнічні аспекти: Навчальний посібник. [Текст] / Н.В. Яблоновская. - Сімферополь, 2008. – 290 с.
21. Яблоновская Н. В. Современная этножурналистика Крыма: основные тенденции развития. [Текст] / Н.В. Яблоновская // Этническая журналистика: история и современность. Ежегодник Факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2017. — № 10. – С. 63–75.
22. Kirimov T.N. (Tertipçi). *Millet Cevherleri. Hrestomatiya.* Aqmescit: Qırımdevoquvpedneşit, 2012. – 704.
23. Odabaş H. *Oq (çıbırtma). Millet.* – 1918. – № 91. – Avgust 14. – S.4.

References

1. Veliev, K. (1983), *Tavshan jurekli. Jumor* [A coward hare, Humor]. *Jyldyz*, no. 1, pp.142–143.
2. Gankevich, V.Yu. (2000), *Na sluzhbe pravde i prosvesheniyu: kratkiy biograficheskiy ocherk Ismaila Gasprinskogo (1851–1914)* [At the Service of truth and enlightenment, The brief biographical sketch of Ismail Gasprinsky], Simferopol, Tavriya Publ., 327 p.
3. Gasprinsky, I. (2016), *Besprijutnyj (iz prikljuchenij g-na Zdravogo Smysla), Polnoe sobranie sochinenij I. Gasprinskogo* [Homeless (From the adventures of the Common Sense Master, The Full Collection of I. Gasprinsky's works] Simferopol, vol. 1, Institut istorii im. Mardzhani Publ., pp. 378 – 379.
4. Gasprinsky, I. (1881), *Izvestno, chto… Maljumdjur ki…* [It is known that…], *Tonguch*, 20 maja.
5. Gasprinsky, I. (1881), *Islamskie strany. Isljam devletleri* [Islamic Countries], *Shafak*, 9 avgusta.
6. Gafar, Dzh. (1971), *Kajnana, Omjur or'nekleri. Ikjaeler* [Mother-in-Law, Examples from Life. Stories], G. Gulam neshrijaty Publ., Tashkent, pp. 76–81.
7. Dzhelilova, L.Sh. (2015), *Kyrymtatar edebiyatynda ocherk zhanry* [The Short Story Genre in the Crimean Tatar Literature], DIAJP Publ, Simferopol'.
8. Kerimov, I.A. (2004), *Krymskotatarskaya periodicheskaya pechat dovojennogo vremeni* [The Crimean Tatar Periodics before the Second World War]. *Ucheniye zapiski KGIPU*, no. 5, pp. 125–133.

9. Kermenchikli, Dzh. (1917), *Akly bir red. (Fel'eton)* [The Fare Refusal, Feuilleton]. *Millet*, 3 sentjabr'.
10. Masharipova, T.Zh. (2013), *Publicistika i literatura: obshhie i otlichitel'nye osobennosti* [Publicism and literature: the general and distinctive features]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Serija 10. Zhurnalistika, pp. 48–54.
11. *Polnoe sobranie sochinenij I. Gasprinskogo* [The full collection of Ismail Gasprinsky's literary works] (2016), Forma Publ., Vol. 1, Simferopol'.
12. Seitmemetova, S. (2008), *Zhanry i tipy publikacij v gazete "Terdzhiman* [The genres and types of publications in "Terdzhiman" newspaper]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*, Serija «Istorija», vol. 21 (60), no. 1, pp. 43–51.
13. Seferova, F.A. (2009), *Eticheskie idealy krymskotatarskoj prozy 60–80 gg. XX veka* [The Ethic Ideals of the Crimean Tatar Prose in 60–80th of XXth century], Dolja Publ., Simferopol', Dolya Publ., 2009, 208 p.
14. Khomenok, O.S. (2003), *Dorevolutsionnaya periodicheskaya pechat Tavricheskoy gubernii (1838–1916): ocherk istorii i bibliograficheskiy ukazatel* [Pre-revolutionary periodical press of the Taurida province (1838–1916): an outline of history and bibliographic index], Bakhva Publ., Odessa, 180 p.
15. Shukurdzhieva, Z. (2018), Specifika hudozhestvenno-publicisticheskih zhanrov nasledija I. Gasprinskogo [The specificity of the artistic and journalistic genres of Ismail Gasprinsky's heritage]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 11 (89), p.1, pp. 61–64.
16. Yuksel, G. Z. (2014), *Krymskotatarskaja pressa kontsa 1910–nachala 1930-h gg.: organizatsionno–funktsionalnij I idejno-soderjatelniy aspekty* [The Crimean Tatar press during the end of 1910 – beginning of 1930s: organizational, functional and ideological content aspects], Simferopol, Krymuchpedgiz, 170 p.
17. Yablonovska, N. V. (2006), *Etnichna presa Krymu: istoriya ta suchasnist* [The ethnic Press of Crimea: the history and modernity], Simferopol, Krimnavchpedvidav Publ., 312 p.
18. Yablonovskaya, N. V. (2006), *Etnicheskaya pressa Kryma: problema podderzhki natsionalnogo yazika* [The Ethnic press of Crimea: The problem of national language support]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*, no. 82, pp. 51–53.
19. Yablonovskaya, N. V. (2007), *Etnicheskaja pressa Krymskoj ASSR: nacional'noe vozrozhdenie v uslovijah plana korenizacii i formirujushhegosja totalitarizma* [The Ethnic press of Crimean ASSR: the national resurrection in the face of indigenization and reforming totalitarism]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*, no. 116, pp. 33–36.
20. Yablonovskaya, N. V. (2008), *Krims'ka zhurnalistika: etnichni aspekti: Navchal'nij posibnik* [Crimean Journalism: Ethnic Aspects: A Textbook]. Simferopol, 290 p.
21. Yablonovskaya, N. V. (2017), Sovremennaja etnozhurnalistika Kryma: osnovnye tendencii razvitija [The modern ethnic journalism in Crimea: the main traits of development]. *Etnicheskaya zhurnalistika: istorija i sovremennost'. Jezhegodnik Fakul'teta zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova*, no. 10, pp. 63–75.
22. Kirimov, T. N. (2012). *Millet Cevherleri. Hrestomatiya* [The Nation's Treasure. Collection of works], Qırımdevoquvpedneşir Publ, Aqmescit, 704 p.
23. Odabaş, H. (1918), *Oq (çıbırtma)* [The Arrow (sketch)]. *Millet*, no. 91, Avgust 14, p. 4.

THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE LEADING JOURNALISM GENRES IN THE CRIMEAN TATAR PERIODICS, THE END OF XIX – BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

Dzhelilova L. Sh.

The article deals with the origin and development of the main genres of journalism (feuilleton, essay and notes) in the Crimean Tatar press at the end of the 19th-21st centuries. It shows that the feuilleton, essay and note genres firstly appeared in I. Gasprinsky's newspaper "Terdzhiman", used to be the symbol of the Crimean Tatar journalism. Later on, their development continued on the pages of A.S. Aivazov's newspaper “Millet” through the periods of revolutions and civil war. By the 1930s, they finally framed up in the Crimean Tatar press in accordance with the canons of Soviet Union journalism. The Short literary forms have always been popular among readers. It is need to know, that almost every Crimean Tatar poet of the 20th century was using at least or two times feuilleton, essay or note genres in his literary work. The second half of the twentieth century gave the start to the venerable Crimean Tatar essayists and feuilletonists.

This research shows that the present day Crimean Tatar periodical genres – feuilleton, essay and note are revising various transformations, including at the intersection of journalism and literature.

Keywords: Crimean Tatar Literature, feuilleton, essay, note, genres of journalism.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 2. С. 77–82.

УДК 821.161.1: 36.2

ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ НА СУБЪЕКТНОМ УРОВНЕ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ М. ГОРЬКОГО «О ЖЕНЕ, ПРОДАННОЙ ЗА 40 РУБЛЕЙ»

Кондратская В. Л., Бекиров М. И.

Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: kondratskaya@mail.ru

В статье анализируются способы раскрытия авторской позиции в ранней публицистике Максима Горького. Доказывается наличие индивидуально-авторских характеристик Горького-публициста, ценность и значимость ранней публицистики М. Горького для понимания дальнейшего развития его творчества. Выявляются ключевые проблемы, нашедшие отражение в публицистических текстах М. Горького. Анализируются ранние публицистические произведения М. Горького в аспекте авторской позиции, описываются закономерности использования широкого спектра языковых средств и приемов, проявляющихся в его раннем творчестве. В качестве ключевого произведения, представляющего ценность для установления специфики авторской позиции на субъектном уровне в публицистическом тексте М. Горького, выбран текст 1896 года «О жене, проданной за 40 рублей». В ходе исследования выявляются основные речевые и стилистические особенности произведения в аспекте изучения авторской позиции Горького на субъектном уровне. Утверждается, что использование персонифицированного повествования позволяет автору продемонстрировать собственную позицию по отношению к описываемым событиям и образам, а стиль сказа помогает Горькому-публицисту создать эффект присутствия, погрузить читателя в произведения и заставить задуматься о вечных проблемах социального благоустройства.
Ключевые слова: публицистика, публицистический прием, авторская позиция, субъект, Максим Горький.

ВВЕДЕНИЕ

Ранняя публицистика Максима Горького является концептуальной основой всего его творчества. Этот этап можно охарактеризовать следующим образом: автор видит множество проблем в окружающей действительности Российской империи конца XIX века (трудное положение крестьян, социальное неравенство, приводящее к отсутствию пониманию между представителями высших и низших классов, невежество людей, бесчеловечность, жадность царящие в российской действительности), но при этом Максим Горький не может указать реальные пути их решения. Сегодня данная тематика раскрыта литературоведами не в полном объеме: анализ общей системы публицистического творчества Максима Горького имеет множество лакун, заполнение которых позволит более ёмко говорить об авторской концепции писателя. **Целью** нашего исследования является анализ ранних публицистических произведений Максима Горького в аспекте авторской позиции и описание закономерностей использования публицистических приемов, проявляющихся в его раннем творчестве.

Авторская позиция определяется как выражение отношения автора к изображаемым героям и их поступкам, событиям, явлениям. Зачастую она

имплицитна и раскрывается на различных уровнях текста – является основной искомой величиной; позволяет взглянуть на мир глазами писателя или публициста. Максим Горький видит окружающую его действительность несправедливой, нечестной: крестьян обманывают и используют, рабочий класс вынужден за копейки трудиться в тяжелых условиях на жадных и хитрых предпринимателей, интеллигенция бездействует, а власть имущие бесчеловечно вершат судьбы людей. Именно это видит и описывает Максим Горький на раннем этапе творчества в своих публицистических произведениях.

Методологической основой исследования является работа И. Ю. Куксовой «Субъективная модальность в газетном тексте (на примере публикаций М. Горького середины 90-х годов XIX века)» [5] и труды других исследователей, акцентирующих внимание на творчестве М. Горького-публициста.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Изучение публицистического творчества М. Горького на протяжении многих десятилетий является объектом исследования представителей разных областей гуманитарного знания. Обратимся к наиболее ценным для нашего исследования рассуждениям. Так, В. Д. Пельт в книге «М. Горький – журналист» пишет: «Он неустанно боролся с врагами трудящихся, против мещанства всех мастей и рангов, против империализма, против войн» [7 с. 427]. Ученый подчеркивает, что в своих публицистических произведениях Максим Горький выступал за мир и демократию, за идеи социализма, за дружбу меду народами всех стран. По мнению исследователя, автор привлекал мнение массовой аудитории к важнейшим проблемам современности [7 с. 427]. Другой исследователь творчества Максима Горького В. Л. Львов-Рогачевский дает иную характеристику тематике публицистики автора: «Творчество М. Горького – это вечный бунт беспокойной, мятущейся души, это скитания по полям и дорогам родины, это искание “праведной земли”, истинной веры» [6]. Исследователь пишет, что публицистические работы М. Горького посвящены обширному спектру проблем. Подчеркнем, что, несмотря на различия во мнениях ученых, объединяющей является идея о том, что центральной проблемой публицистики М. Горького является обличение проблем и сложностей Российской империи, желание сделать страну лучше.

П. Е. Янина в статье «Публицистические стратегии Горького-фельетониста» пишет: «Лейтмотивом большинства статей и заметок является мысль о духовной скудости основной массы горожан, отсутствие культуры, доминировании власти денег в решении как общегородских, так и частных, семейных проблем…» [8, с. 156]. Исследователь отмечает, что широкий спектр проблем, поднимаемых в ранних публицистических текстах, можно свести к двум основным: отсутствие культуры, доминирование власти денег на всех уровнях конфликта. Рассматривая способы экспликации авторской позиции Максима Горького в ранних публицистических произведениях, стоит вспомнить мнение И. А. Груздева, первого биографа Максима Горького. Исследователь пишет, что основная цель, стратегия Горького-фельетониста – «разоблачать показное и вскрывать сущность…» [3, с. 512].

В статье «Когда фактически начат М. Горьким цикл “Очерки и наброски”?» К. А. Ковалевский пишет: «…В фельетоне так резко проявился творческий почерк молодого публициста, так много “горьковского”, что стилистический анализ не оставляет никаких сомнений в авторстве» [4]. Автор подчеркивает уникальный стиль публициста, который выделяет его среди других газетчиков. Исследователь отмечает основные факторы, характеризующие стиль ранних публицистических произведений Максима Горького: обращение к читателю, своеобразное использование факта, крайне сжатое изложение, наличие славянизмов.

Интересно то, как сам Максим Горький воспринимал свою работу в газетах: «Но – газета! Я ею доволен, она не даёт спокойных дней здешней публике. Она – колется, как ёж. Хорошо! Хотя нужно бы, чтоб она колотила по пустым башкам, как молот» [2].

В рамках предложенной проблематики рассмотрим одно из ранних публицистических произведений Максима Горького на субъектном уровне (образ повествователя и образ персонажа).

В публицистическом тексте «О жене, проданной за 40 рублей», опубликованном в 1896 году, субъектом речи является рассказчик, который повествует о событиях. Не являясь активным участником, он наблюдает процесс со стороны (прочитал в одной из газет: «рисует одна из одесских газет» [1]) и пытается дать характеристику затронутым проблемам.

Рассказчик сильно приближен к творческой ипостаси Максима Горького. Он обладает философскими взглядами: экспозиция произведения – это концептуальные рассуждения о вопросах морального облика современного человека. Нарратор характеризуется высокими нравственными принципами и установками, его глубоко волнует мысль о деградации личности в рамках современного социума: «Душа умерла, благородства в жизни нет, порядочность утрачивается…» [1]. Повествователь прямолинеен и открыто наделяет своих героев нелицеприятными эпитетами и номинациями «глупый раб невежества», «захудалый мужичонка», «неудачник» и др. [1].

Рассказчик предлагает вниманию читателя два совершенно противоположных образа: образ крестьянина и образ интеллигент. Но на поверку оказывается, что вся разница между ними устанавливается в рамках социальной иерархии, при этом духовное развитие обоих персонажей безвозвратно утрачено.

Ясно, что оба образа собирательны. Крестьянин – это безграмотный, невежественный, лишенный нравственных качеств из-за сложных жизненных перипетий человек. По мнению нарратора, он загнан в тиски обстоятельств, ввиду чего ему приходится поступаться своим человеческим естеством.

Образ интеллигента обрисован в произведении не менее ярко. При анализе текста следует отметить важное обстоятельство: автор напрямую указывает, что понятие «интеллигент» в современном обществе совершенно утратило историческую коннотацию: «Когда-то с этим словом <…> связывалось представление о чести, о бескорыстии, о благородных намерениях и святых мечтах, – мечтах о всеобщем счастье» [1]. Ныне, по мнению автора, представление об интеллигенте наполнилось другими качествами – жадностью, хитростью, а во главе угла стоит социальный

статус. Автор приходит к выводу о том, что крестьянин теряет человечность из-за жизненных обстоятельств, интеллигент – из-за звериных инстинктов, материального преуспеяния.

Важной особенностью повествования являются экспозиция и развязка, которые занимают достаточно большой объем произведения. В экспозиции автор размышляет о современных проблемах общества – утрате человечности в угоду материальному благополучию и личностному удовлетворению низменных потребностей человека. Деформацию личности автор связывает с «раздражительной и смутной жаждой жизни» [1]. В погоне за личным комфортом и выгодой человек забывает о своем жизненном предназначении и духовной гармонии, он лишается человеческого облика и похож на зверя. Однако автор не утрачивает веры в то, что именно эта жажда жизни поможет человеку преодолеть себя: «У него есть желание жизни, он ищет – значит, он ещё жив духовно, и, хотя он безнравственно и нелепо гибнет, – всё-таки можно надеяться, что он изменит направление» [1].

Но есть и другая сторона медали, она связана с переходом человеком дозволенной черты, когда нет оправданий поступкам и действиям: «Человек умер. Умер – но живёт и действует, и от его поступков пахнет ароматом разложения и смерти» [1]. Автор призывает задуматься над тем, что подобные случаи не единичны, процесс разложения совершается во всех социальных слоях и потому становится непреодолим: «И всё это творится так просто, тихо, незаметно... И ужасна эта тишина процесса разложения» [1].

Повествование персонифицировано: слово окрашено психологической и нравственной субъективностью автора. Завязка написана в стиле сказа: речь каждого персонажа (представителя определенного сословия) обладает своими стилистическими чертами. Так, например, речь крестьянина изобилует просторечиями (“ейный”, “чай”, “поди”), что позволяет автору дать более глубокую характеристику выводимого им персонажа.

Авторская позиция в тексте выражается с помощью набора лексических средств и стилистических фигур: сравнений («…продают его за 30 рублей, как вещь, как животное» [1]), метафор («…человек умер. Умер – но живёт» [1], «ужасна эта тишина процесса разложения» [1]), гипербол («…от его поступков пахнет ароматом разложения и смерти» [1]). Присутствует также использование аллегорий – смерть – конец чему-либо. В контексте данного произведения продажа человека – смерть человечности и порядочности. Данная аллегория используется для усиления эмоционального воздействия на читателя.

В публицистическом тексте «О жене, проданной за 40 рублей» авторская позиция имплицитна: продажа человека – самый ужасный поступок, в котором виновен как продавец – крестьянин, так и покупатель – интеллигент. Но мужик, исторически втиснутый в сложные жизненные обстоятельства, «захудалый неудачник» [1], не столь виновен, сколь интеллигент (который должен бы быть образцом в рамках социальной иерархии). По словам нарратора, интеллигентный помещик забыл совесть и порядочность ради удовлетворения своих животных инстинктов. Автор сравнивает продажу человека с продажей животного, считая данный поступок бесчеловечным: «почему-то умерло сердце у человека…» [1].

Использование персонифицированного повествования позволяет автору продемонстрировать собственную позицию по отношению к описываемым событиям и образам. Стиль сказа помогает автору создать эффект присутствия, погрузить читателя в произведения и заставить задуматься о вечных проблемах социального благоустройства.

ВЫВОДЫ

Исходя из всего перечисленного, можно прийти к следующим выводам. Рассказчик сильно приближен к творческой ипостаси Максима Горького: неравнодушный умный человек, понимающий изнутри все описанные им события, сознающий почему они происходят, из-за чего одни люди бесчеловечны, а другие невежественны. Герои произведений – собирательные образы представителей различных слоев общества Российской империи конца XIX века: глупый крестьянин, который попал в своей положение не по своей воле, и хитрый, бесчеловечный интеллигент, который пользуется своим статусом и хочет обмануть того, кто ниже по общественному статусу. Повествование можно охарактеризовать как персонифицированное, ведь слова и выражения окрашены психологической и нравственной субъективностью автора. Авторская позиция также выражается в подборе лексических средств и литературных приемов и построении экспрессивных синтаксических конструкций. Перспективой дальнейшего исследования является комплексное изучение особенностей раскрытия авторской позиции на субъектном уровне в творчестве М. Горького.

Список литературы

1. *Горький М.* О жене, проданной за 40 рублей / М. Горький. – 1896. – Режим доступа: http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-72.htm (дата обращения 7.12.2019)
2. *Горький М.* Письмо В. Г. Короленко / М. Горький – 1895. – Режим доступа: http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/pisma/pismo-6.htm (дата обращения 7.12.2019)
3. *Груздев И. А.* Горький и его время 1868-1896 / И. А. Груздев. – 3-е изд., доп., М.: Наука, 1962 – 512 с.
4. *Ковалевский К.А.* Когда фактически начат М. Горьким цикл «Очерки и наброски»? // О творчестве Горького: сборник статей под ред. Кузьмичева / К. А. Ковалевский, 1956. – Режим доступа: http://www.biografia.ru/arhiv/otvorgor13.html (дата обращения 7.12.2019)
5. *Кукса М. Ю.* Субъективная модальность в газетном тексте (на примере публикаций М. Горького середина 90-х годов XIX века) / М. Ю. Кукса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2010 – С. 26–30.
6. *Львов-Рогачевский В.Л.* Максим Горький // Русская литература XX века. 1890–1910 / В. Л. Львов-Рогачевский. – М, 2000. – С. 198.
7. *Пельт В.Д.* М. Горький – журналист / В. Д. Пельт. – М: Изд-во Моск. ун-та, 1968 – 427 с.
8. *Янина П. Е.* Публицистические стратегии Горького-фельетониста / П. Е. Янина // Новый филологический вестник. – 2019. – № 4 (51). – С. 154–164.

References

1. Gor'kij M. *O zhene, prodannoj za 40 rublej* [About the wife sold for 40 rubles]. 1896. – http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-72.htm (7.12.2019).
2. Gor'kij M. *Pis'mo V. G. Korolenko* [Letter from V. G. Korolenko]. – http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/pisma/pismo-6.htm (7.12.2019)
3. Gruzdev I. A. *Gor'kij i ego vremja 1868-1896* [Gorky and his time 1868-1896]. M.: Nauka, 1962. – 512 s.
4. Kovalevskij K.A. Kogda fakticheski nachat M. Gor'kim cikl «Ocherki i nabroski»? [When did M. Gorky actually start the cycle "Essays and Sketches"?]. *O tvorchestve Gor'kogo: sbornik statej*, 1956. – http://www.biografia.ru/arhiv/otvorgor13.html.
5. Kuksa M. Ju. *Sub#ektivnaja modal'nost' v gazetnom tekste (na primere publikacij M. Gor'kogo seredina 90-h godov XIX veka)* [Subjective modality in a newspaper text (by the example of publications.Gorky's mid-90s of the XIX century)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie*, 2010, pp. 26–30.
6. L'vov-Rogachevskij V.L. *Maksim Gor'kij* [Maxim Gorky]. *Russkaja literatura XX veka. 1890–1910*. – M, 2000, pp. 198.
7. Pel't V. D. *M. Gor'kij – zhurnalist* [Gorky is a journalist]. M: Izd-vo Mosk. un-ta, 1968. 427 p.
8. Janina P. E. *Publicisticheskie strategii Gor'kogo-fel'etonista* [Publicistic strategies of Gorky-feuilletonist]. *Novyj filologicheskij vestnik*, 2019, № 4 (51), pp. 154–164.

FEATURES OF THE DISCLOSURE OF THE AUTHOR'S POSITION AT THE SUBJECTIVE LEVEL IN M. GORKY'S JOURNALISTIC TEXT "ABOUT A WIFE SOLD FOR 40 RUBLES"

Kondratskaya V. L., Bekirov M. I.

The article analyzes the ways of revealing the author's position in Maxim Gorky's early journalism. The author proves the presence of individual author's characteristics of Gorky as a publicist, the value and significance of M. Gorky's early journalism for understanding the further development of his work. The key problems reflected in M. Gorky's journalistic texts are revealed. The authors analyze the early journalistic works of Maxim Gorky in the aspect of the author's position, describes the patterns of using a wide range of linguistic means and techniques manifested in his early work. As a key work of value for establishing the specifics of the author's position at the subjective level in M. Gorky's journalistic text, the text of 1896 "About a wife sold for 40 rubles" was chosen. In the course of the study, the authors identify the main speech and stylistic features of the work in the aspect of studying the author's position of Gorky at the subjective level. It is claimed that the use of personalized narration allows the author to demonstrate his own position in relation to the events and images described, and the style of the tale helps M. Gorky, the publicist, to create the effect of presence, immerse the reader in the works and make him think about the eternal problems of social improvement.

Keywords: journalism, journalistic technique, author's position, subject, Maxim Gorky.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 2. С. 83–89.

УДК 070.41

«ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ ЛЕКСИКОН» ПЛЮШАРА: СПЕЦИФИКА ЦЕНЗУРНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ. *ЧАСТЬ ПЕРВАЯ*

Лучинский Ю. В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
Краснодар, Российская Федерация
E-mail: lyv22@mail.ru

В первой части статьи рассмотрена история создания первого отечественного энциклопедического словаря в аспекте идейно-тематического направления и структурной организации текстовых материалов. Идея создания «Энциклопедического лексикона» Адольфа Александровича Плюшара основывалась на практике издания немецких, французских, английских и американских энциклопедий, а ее реализация показала собственную оригинальную модель построения энциклопедической серии подобного типа. Проанализирована редакционная политика первого редактора «Лексикона» Николая Ивановича Греча.
Ключевые слова: цензурные уставы, А. А. Плюшар, Н. И. Греч, А. В. Никитенко, «Энциклопедический лексикон», редакторы разделов, информационная политика, О. И. Сенковский, словарные статьи.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема изучения европейских и российских цензурных практик девятнадцатого столетия сохраняет свою актуальность в контексте рассмотрения закономерностей развития медийного пространства эпохи. Если исходить из определения цензуры как «родового понятия», включающего в себя «различные виды и формы контроля официальных властей за содержанием выпускаемой в свет и распространяемой массовой информации с целью недопущения или ограничения распространения идей и сведений, признаваемых этими властями нежелательными или вредными» [2, с. 3], то в него не попадает феномен редакционной цензуры.

В этом аспекте показательна история «Энциклопедического Лексикона» (1835–1841) – первого универсального отечественного энциклопедического словаря, издателем которого выступил Адольф Александрович Плюшар, один из лучших книгоиздателей своего времени.

«Крупнейшее предприятие его жизни – «Энциклопедический Лексикон» – был не просто “переводом немецких Conversations-лексиконов”, а продуктом эпохи, отражающим как уровень развития науки в России конца 1830-х гг., так и общественную борьбу в лагере т.н. «коммерческого» направления в литературе» [7, с. 9].

Для разработки данного проекта Плюшар опирался на опыт ряда немецких, французских и англо-американских энциклопедий.

Из немецких многотомных энциклопедий он выбрал «Conversation-Lexicon oder Allgemeine Deutsche Real-Encyclopädie für die gebildeten Stände» («Разговорный лексикон или Общая немецкая реальная энциклопедия для образованных классов») и

«Conversation-Lexicon, der neuesten Zeit und Literatur» («Беседа-лексикон новейшего времени и литературы»), выходившие в Лейпциге по инициативе Фридриха Брокгауза, «Universal-Lexikon der Vergangenheit und Gegenwart» («Универсальный лексикон прошлого и настоящего»), издававшийся в Альтенбурге Генрихом Пирером, и «Militar-Conversation lexicon» («Военный лексикон») Ганса фон дер Люэ, офицера и писателя, работавшего в Лейпциге.

Французскую серию составили парижские «Encyclopédie des gens du monde, Répertoire universel des Sciences, des lettres et des arts» («Энциклопедия народов мира, Универсальный справочник наук, литературы и искусств» Иоганна Шницлера и «Dictionnaire de la Conversation et de la Lecture» («Толковый словарь») Огюста-Жана Белин-Мандара, а англо-американскую – лондонская «The Penny-Cyclopaedia of the Society for the diffusion of useful knowledge» («Дешевая энциклопедия Общества по распространению полезных знаний») Чарльза Найта и филадельфийская «Encyclopaedia Americana» («Энциклопедия Американа») Фрэнсиса Либера.

В предисловии к первому тому «Энциклопедического Лексикона» была четко обозначена самостоятельная часть данного издания:

> *«Заимствованы только отдельные статьи о предметах географических, статистических, мифологических, и биографии знаменитых людей разных времен – и всегда из ближайшего источника, т.е., сведений о Германии и германцах были извлекаемы из книг немецких, о Франции и французах, из французских, и т.д. – Статьи по собственным наукам и художествам почти все обработаны самими редакторами и сотрудниками, и едва ли двадцатая доля осталась так, как найдена в других Лексиконах. Статьи же, относящиеся к русской истории, политической и военной, русской географии, статистике, словесности, равно как и русские биографии, написаны вновь. То же должно сказать и о статьях, относящихся к Азии и преимущественно к Востоку магометанскому: они представлены читателям совершенно в новом виде»* [8, с. V].

Таким образом, проект создания первой многотомной отечественной энциклопедии получил свое структурно-тематическое оформление, что позволило быстро прийти к реализации долгосрочного издательского проекта.

Цель первой части статьи – проанализировать идейно-тематическую направленность «Энциклопедического лексикона» Адольфа Плюшара в период редакторства Н.И. Греча.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Идею создания энциклопедии петербургское литературно-научное сообщество восприняло с воодушевлением. Николай Иванович Греч писал:

> *«В апреле 1834 года пришел он [Плюшар] ко мне (дотоле я не имел с ним никакого дела и только знал его как человека деятельного и смышленого), сообщил мне о намерении своем*

издавать Энциклопедический Лексикон по образцу Брокгаузова Conversations-Lexicon и Шницлерова Dictionnaire des gens du monde и предложил мне быть главным редактором. Я похвалил его благое предприятие, но от принятия на себя редакции отказался, не имея на то, при издании "Пчелы", времени и не считая себя довольно сведущим по разным частям наук, входящих в состав такого Лексикона. Плюшар долго убеждал меня и, видя мою непреклонность, просил указать ему способного человека. Я назвал Сенковского, как человека умного, многосторонне ученого, трудолюбивого и сметливого. Плюшар пошел к Сенковскому с моею рекомендацией. Сенковский, чуя, что это предприятие пахнет ненавистными поляку русскими рублями, тотчас согласился на предложение и тут же написал программу Лексикона, умную и дельную» [1, с. 1249–1250].

16 марта 1834 года потенциальные авторы «Лексикона» собрались на квартире Греча, чтобы обсудить детали предстоящего «благого предприятия». Число собравшихся в разных источниках варьируется – Греч называет цифру в 105 человек (ее же, основываясь на записках Греча, в своих «Очерках истории русской цензуры» повторяет А.М. Скабический), тогда как цензор Александр Васильевич Никитенко, также бывший участником этого собрания, говорит в своем дневнике о семидесяти:

«Сегодня было большое собрание литераторов у Греча. Здесь находилось, я думаю, человек семьдесят. Предмет заседания – издание энциклопедии на русском языке. Это предприятие типографщика Плюшара. В нем приглашены участвовать все сколько-нибудь известные ученые и литераторы. Греч открыл заседание маленькою речью о пользе этого труда и прочел программу энциклопедии, которая должна состоять из 24 томов и вмещать в себе, кроме общих ученых предметов, статьи, касающиеся до России» [4, с. 324].

Греч прекрасно понимал, что фигура Осипа Ивановича Сенковского в качестве главного редактора окажется непроходной, и подвел дело к тому, чтобы будущие авторы энциклопедии (среди которых предполагался, но так и не стал Александр Сергеевич Пушкин) выдвинули его самого на это место:

«Многие спрашивали: кто будет главным редактором? На это отвечали: извольте выбрать. Трое (Пушкин, Зайцев и Свиньин) объявили, что не станут участвовать в делах собрания, не зная, кто главный редактор, и удалились. Они опасались и не хотели Сенковского. Предложили меня, и я был выбран единогласно» [1, с. 1250].

Никитенко же упоминает в числе «отказников» Пушкина и князя В. Ф. Одоевского, что лишний раз демонстрирует «достоверность» мемуарных источников.

Для привлечения необходимых денежных средств была объявлена подписка, давшая небывалые по тем временам результаты, которых в 1835 году не могли достичь ни газеты, ни журналы, – около 7000 подписчиков, среди которых были и члены императорской семьи. При этом надо учитывать специальный циркуляр министра народного просвещения от 12 ноября 1835 года, гласящий, что «если сочинение заключает в себе много томов, то подписка дозволяется на один том или более по мере рассмотрения и одобрение оных» [5, с. 226].

В формате распределения руководства разделами на квартире Греча состоялось еще два собрания «энциклопедистов» – 7 и 14 мая 1834 года.

Сам Греч оставлял за собой общее руководство проектом и редакционную цензуру.

Редакторы разделов подбирали круг авторов и следили за подбором материалов.

Редактором богословского и философский раздела стал специалист в области немецкой философии протоиерей Федор Федорович Сидонский, издавший в 1833 году «Введение в науку философии».

Раздел правоведения разделили между собой профессор Императорского Училища правоведения Роман Андреевич Штекгард и адъюнкт-профессор Императорского Санкт-Петербургского университета Николай Федорович Рождественский.

Написание статей по политической экономии были предложены профессору Кондрату Кондратьевичу Бессеру, а по «коммерции» – экстраординарному профессору Императорского Санкт-Петербургского университета, редактору «Земледельческой газеты» Степану Михайловичу Усову.

Физико-химический раздел был приглашен редактировать профессор химии и физики Санкт-Петербургской медико-хирургической академии Степан Яковлевич Нечаев, статьи по «математике чистой и прикладной» оказались в ведении академика Императорской академии наук Михаила Васильевича Остроградского. Раздел «естественной истории» вел известный естествоиспытатель, доктор медицины Петр Федорович Горянинов.

Круг редакторов, требующий более детального изучения, был достаточно широк и авторитетен. Редактируемые ими разделы, как и положено в энциклопедии универсального типа, представляли самые разные области знания, среди которых – «медицина», «артиллерия», «инженерная часть», «строительное искусство», «тактика, стратегия и военная администрация», «метрология и биографии математиков», «военная история вообще» и «всемирная история», «география всеобщая», «русская география и статистика» и «статистика иностранных государств».

Раздел русской истории достался для редактирования историку и переводчику, президенту Вольного общества любителей словесности, наук и художеств Дмитрию Ивановичу Языкову, раздел изящных искусств – филологу-слависту, будущему профессору Казанского университета Виктору Ивановичу Григоровичу, а раздел «иностранной и русской словесности» – цензору Александру Васильевичу Никитенко, который также являлся профессором Императорского Санкт-Петербургского университета.

Осипу Ивановичу Сенковскому (в качестве компенсации за утрату позиции главного редактора было отдано «все, что относится к Азии, преимущественно к Востоку магометанскому, история, география, языкознание, литература Востока, сверх того статьи о древней и новой истории, географии и литературе Египта и северной Африки, история завоеваний аравитян в Европе и многие другие статьи, более или менее относящиеся к сим предметам» [8, с. VIII–XIX], а за редактирование самого раздела ему полагалось 6000 рублей.

В первом томе Сенковский опубликовал такие словарные статьи как «Абен» (29), «Абдульгази-Мухамед-Багадур-Хан» (49), «Авары» (61-62), «Ага» (143-144), «Аглабиды» (157-158) и ряд других, при этом «за каждую оригинальную статью вдвое против прочих сотрудников» ему полагалось 400 рублей вместо 200 рублей, а за перевод – 200 вместо 100 рублей.

В своих записках Греч не без сарказма отмечал:

> *«Его статьи действительно были очень хороши, умны и оригинальны, но никто не мог проверить, правду ли он пишет. Мы не имели ориенталиста, который мог бы проверять его. Нет сомнения, что Сенковский многое привирал, по своему обыкновению»* [1, с. 1251].

Помощником Греча в общем редактировании энциклопедии, «особенно по наукам военным и математическим, поступил инспектор классов в Павловском корпусе Александр Федорович Шенин, человек очень умный и способный. <…> Шенин учился в Павловском корпусе, но, по совершенной косолапости, не мог вступить в военную службу и остался при корпусе сначала библиотекарем, потом инспектором классов» [1, с. 1252].

Интересное описание Шенина оставил Никитенко:

> *«Маленькая фигурка с кривыми ногами и насмешливой мефистофельской физиономией. Ум его резок и меток. С этим он соединяет, кажется, твердую волю и искусство убеждать то резкою иронией, то основательными доводами»* [4, с. 363].

Однако именно этому помощнику Греча было суждено внести кардинальные изменения в издательский проект Плюшара, что, возможно, и предопределило его судьбу.

ВЫВОДЫ

«Энциклопедический Лексикон» показал как сильные, так и слабые стороны частной издательской инициативы, а полученный опыт оказался весьма полезным для составления новых энциклопедий.

В качестве примера можно привести 14-томный «Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвящённый Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу», который с 1837 года по 1850 год издавал российский генерал-лейтенант барон Людвиг Франц Ксавье фон Зедделер, хотя его проект стоит рассматривать в качестве отраслевой энциклопедии.

Список литературы

1. *Греч Н.И.* История первого энциклопедического лексикона в России // Русский архив, 1870. – № 7. – С. 1247–1272.
2. *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 368 с.
3. *Ив. Гаеф* [Греч Н.И.] О седьмом томе «Энциклопедического Лексикона» // Северная пчела, 1836. – № 298–300. – С. 1191–1196.
4. *Никитенко А.В*. Записки и дневник: В 3 т. – М.: Захаров, 2005. – Т.1. – 640 с.
5. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год: напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. – СПб: в Тип. Морского министерства, 1862. – 482 с.
6. *Скабический А.М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863 г.). – СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1892. – 495 с.
7. *Шпаковская И.А.* Александр и Адольф Плюшары – петербургские издатели, типографы и книгопродавцы первой половины XIX века (1806–1865): автореф… дис. канд. филол. наук. – СПб., 2004. – 19 с.
8. Энциклопедический лексикон. – СПб.: в тип. А. Плюшара, 1835–1841. – Т.1: А–Алм. – 1835. – XVI, 568 с.
9. Энциклопедический лексикон. – СПб.: в тип. А. Плюшара, 1835–1841. – Т.9: Вар–Вес. – 1837. – VII, 552 с.

References

1. Gretsch N.I. *Istorija pervogo enziklopeditcheskoro leksikona v Rossiji* [The history of first encyclopedic lexicon in Russia]. *Russkij arkhiv*, 1870, no 7, pp. 1247–1272.
2. Zhirkov G.V. *Istorija zenzuri v Rossiji XIX–XX vv*. [The history of censorship in Russia 19–20 cent.]. Moscow, Aspekt Press, 2001. 368 p.
3. Iv. Gaef [Gretsch N.I.] *O sedjmom tome «Enziklopeditcheskoro leksikona»* [On the seventh volume of “Encyclopedic lexicon”]. *Severnaia Pchela*, 1836, no 298–300, pp. 1191–1196.
4. Nikitenko A.V. *Zapiski i dnevnik: V 3 t.* [Notes and diary in 3 Vol.]. Moscow, Zaharov publ., 2005, vol. 1. 640 p.
5. *Sbornik postanovlenij I rasporajenij po zenzure s 1720 po 1862 god: napechatan po rasporajenij Ministerstva narodnogo prosveschebija* [Collection of decrees and directives on censorship from 1720 to 1862: printed by order of Ministry of Public Education. Saint-Petersburgh, Maritime Ministry printing house, 1862. 482 p.
6. Skabichevsky A.M. *Otcherki istorija russkoj zenzuri (1700–1863 г.)* [Essays on the history of Russian censorship (1700–1863)]. Saint-Petersburgh, F. Pavlenkov Publ., 1892. 495 p.
7. Shpakovskaja I.A. *Aleksandr i Adolf Plushari – peterburgskiji izdateli, tipografi i knigoprodavzi pervoj polovini XIX veka (1806–1865): avtoref... dis. kand. filol. nauk* [Alexander and Adolf Plushars – Saint-Petersburgh publishers, printers and booksellers of the first half of 19 century (1806–1865): PhD Dissertation Abstract]. Saint-Petersburgh, 2004. 19 p.
8. *Enziklopeditcheskij leksikon* [Encyclopedic lexicon]. Saint-Petersburgh, A. Plushar printing house, 1835–1841, vol.1: A–Alm, 1835, XVI. 568 p.
9. *Enziklopeditcheskij leksikon* [Encyclopedic lexicon]. Saint-Petersburgh, A. Plushar printing house, 1835–1841, Vol.9: Var–Ves, 1837, VII. 552 p.

PLUCHART'S «ENCYCLOPEDIC LEXICON»: THE SPECIFICITY OF CENSORSHIP RESTRICTIONS

Luchinsky Yu. V.

The article considers the history of the creation of the first domestic encyclopedic dictionary in terms of the ideological and thematic direction and structural organization of text materials, as well as the implementation of two main censorship circuits – external (according to the articles of the «Censorship Charter») and internal (editorial censorship). The idea of creating the «Encyclopedic Lexicon» by Adolf Alexandrovich Pluchart was based on the practice of publishing German, French, English and American encyclopedias, and its implementation showed its own original model for building an encyclopedic series of this type. The editorial policy of the first editor of «Lexicon» Nikolay Ivanovich Gretsch is analyzed.

Keywords: censorship charters, editorial censorship, A.A. Pluchart, N.I. Gretsch, A.V. Nikitenko, «Encyclopedic Lexicon», section editors, information policy, O.I. Senkovsky, dictionary entries.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 2. С. 90–97.

УДК 070.1+004.4'27(470-924.71)

ЭТНИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ МЕДИАПРОЕКТЫ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ КРЫМА

Первых Д. К.

Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dianavasileva@yandex.ru

В задачи исследования входило контекстовое осмысление общественно-политических тем, разрабатываемых культурно-просветительским интернет-порталом «Crimean tatars», а также изучение условий существования в медиаполе современного Крыма этнических культурно-просветительских медиапроектов, которые, не являясь средствами массовой информации, выполняют функции СМИ, имеют постоянную аудиторию и создают информационную повестку полуострова. Анализ показал, что культурологические, исторические, этнографические, историко-биографические, юмористические проекты востребованы аудиторией и составляют лишь часть материалов «Crimean tatars». Не меньшей популярностью на культурно-просветительском портале пользуются новостные сюжеты и ток-шоу на острые общественно-политические темы. Сам факт существования в медиаполе современного Крыма подобных информационных ресурсов позволяет сделать вывод о широкой информационной свободе, предоставленной незарегистрированным медиа.
Ключевые слова: медиапроект «Crimean tatars», телеканал «Миллет», информационная повестка Крыма.

ВВЕДЕНИЕ

Медиасфера республики после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. существенно переформатировалась. Необходимость перерегистрации медиа в российском правовом поле, а также возросшая конкуренция, связанная с началом работы на полуострове федеральных СМИ, изменили качественный и количественный состав крымской прессы: одни масс-медиа интегрировались в медиаполе Российской Федерации, а другие, напротив, покинули его, оставив в Крыму «дочерние» структуры, не зарегистрированные Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, но фактически выполняющие роль СМИ.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

1 апреля 2015 г. в российском Крыму по инициативе владельцев прекратил вещание крымско-татарский телеканал «ATR», популярный среди крымских татар в украинский период истории полуострова, известный открытым антироссийским курсом в период возвращения Крыма в состав России, оппозиционный по отношению к правительству. Телеканал перешёл в формат интернет-трансляции с территории Украины. Официальной причиной стало отсутствие у СМИ необходимых для перерегистрации документов. «ATR» имел широкую аудиторию из числа крымских татар, которые согласно переписи населения за 2014 г. составляли 10, 6% населения Крыма (т. е. около 232 000 человек) [6]. Доверие к телеканалу «ATR» зиждилось как

на контенте, популяризирующем традиции, культуру, историю крымских татар, так и на **общественно-политическом векторе** телеканала. После закрытия телеканала «ATR» правительство Республики, сознавая потребность крымских татар в своем, этническом, средстве массовой информации, незамедлительно приняло решение о создании альтернативного крымско-татарского телеканала, и через месяц, 24 апреля 2015 г., на полуострове начала вещание Общественная крымско-татарская телерадиокомпания «Миллет» (в переводе на рус. яз. – «Народ»). Однако несмотря на смену геолокации, телеканал «ATR» оставил в Крыму платформу, на которой начала работу продакшн-студия «QARADENIZ PRODUCTION» (ООО «Караденизъ продакшн»), оказывающая услуги в кино- и телеиндустрии. Студия специализируется на съемках культурно-просветительских передач, документальных фильмов об истории и традициях крымских татар, детских сказок на крымско-татарском языке и др. Замысел создания студии в интервью, опубликованном на интернет-портале «Миллиард татар», пояснила руководитель ООО «Караденизъ продакшн», в прошлом – генеральный директор телеканала «ATR», Э. Р. Ислямова: «Понимая, в каком депрессивном состоянии находился наш народ и ощущая потребность в таком медиа-продукте в Крыму, мы решили с командой, которая осталась в Крыму, создать студию продакшн, в рамках которой мы могли бы продолжить реализовывать те задачи и идеи, которые стояли перед ATR» [10].

В то же время на базе студии в 2015 г. был основан информационный и культурно-просветительский интернет-портал «Crimean tatars» («Крымские татары»). Так, официально не являясь средством массовой информации, «Crimean tatars» приобрел свою аудиторию, численность которой в точности определить сложно, так как интернет-портал не только имеет отдельный сайт, но и широко представлен в социальных сетях и мессенджерах. В социальной сети «Одноклассники» на новости портала на 01.06.2022 г. подписано более 20 000 человек, в «ВКонтакте» – более 17 000, а в YouTube на «Crimean tatars» подписаны уже почти в четыре разе больше – 64 000 человек. Между тем, очевидно, что не все подписчики регулярно следят за обновлениями «Crimean tatars» и составляют лишь номинальную цифру потенциальной аудитории.

Аудитория государственного телеканала «Миллет» в YouTube значительно скромнее и составляет всего 19,7 тысяч человек. В то же время следует обратить внимание, что основную аудиторию телеканала «Миллет» составляют не пользователи сети Интернет, а зрители эфирного вещания в цифровом мультиплексе. Также необходимо отметить, что платформа YouTube крайне недружелюбно настроена по отношению к государственным СМИ Крыма, а потому ждать высоких рейтингов вряд ли возможно. В этой связи назвать объективное число зрителей телеканала «Миллет» непросто.

О степени популярности «Crimean tatars» можно судить более точно по количеству просмотров той или иной рубрики или передачи. Например, ток-шоу «Merkez» (на рус. яз. – «Центр») на тему «Тревожные крымско-татарские будни», посвященное прошедшим в России 17–19 сентября 2021 г. выборам, участию в политике представителей крымско-татарского народа и «формуле крымско-татарского политического успеха», только в YouTube (если верить отображаемым на

экране данным) привлекло внимание 6500 зрителей. Анонс выпуска не менее выразителен, чем название: «В Крыму с высоких трибун что ни день звучат оды в честь межнационального мира и согласия, но ксенофобии и языка вражды от этого меньше не стало. И главная их мишень – крымские татары» [8]. В ток-шоу поднимается тема отстранения крымских татар от политики. Тема неоднозначная, хотя бы потому что крымские татары по стоянию на 23 мая 2022 г. представлены в крымских органах власти и правительстве: например, советником Главы Республики Крым является представитель крымско-татарского народа Э. К. Мусаев, который также является депутатом Бахчисарайского горсовета, членом Палаты молодых законодателей при Совете Федерации РФ, членом Совета крымских татар при Главе Крыма; а в депутатский корпус Государственного совета РК входят Ч. Ф. Якубов и Э. С. Гафаров.

Гости ток-шоу разошлись во мнении насчет утверждения, что крымских татар отстраняют от политики и не дают представлять свой народ в органах власти, при этом некоторые спикеры признались, что сознательно не приняли участие в голосовании и не выразили свое волеизъявление. Убедительными и правомерными выглядят монологи о «стратегической ошибке» крымских татар Э. Э. Абдураимова, депутата ВР АРК 2010–2014 гг.: «В 14 году, когда крымские татары в большей массе своей отошли от политических амбиций, это пространство заняли другие более активные политические игроки, не крымские татары. И на протяжении семи лет современного Крыма крымские татары так и не осознали, что не нас не хотят, а мы не хотим. Нам необходимо объединяться, форматировать себя как определенную силу в политическом плане, пусть это по этническому аспекту, но у нас есть свои проблемы, и мы хотим о них заявить» [8].

Ток-шоу «Меркез» отличается остротой подачи материала и дискуссионностью выбора тем. Привлекают внимание и формулировки анонсов передач. Так, в аннотации к ток-шоу на тему: «Уничтожение крымско-татарского культурного наследия» (публикация от 10.11.2021 г.) находим: «Тогда, в мае 1944, Крым лишился не только своего народа, но и потерял огромный пласт культуры, отраженный в его архитектуре, памятниках, топонимах. Процесс разрушения, уничтожения нашего наследия продолжается, и мы наблюдаем прямо сейчас. <…> В новом выпуске “Merkez” мы говорим о том, как крымско-татарское культурное наследие вытесняется на обочину, как постепенно идёт уничтожение крымско-татарских памятников мирового значения» [9]. Остроту выпуску добавляют и оценочные суждения спикеров. «Основная беда наша – противостояние автохтонного Крыма, который вытесняется на обочину, точно так же, как памятник в Сюрени. Из центральных площадей нас вытеснили на обочину. Вот идите там 18 мая и плачьте. Вот общее видение сегодняшнего Крыма у властей. <…> Общая тенденция сводится к тому, что сегодня власти запихнули нашу историю на обочину. Она неинтересна им», – утверждает Эдем Дудаков, архитектор, общественный деятель [9]. Возражений не последовало ни от ведущей, ни от других спикеров. Отметим, что в обозначенном ток-шоу не всегда соблюдаются журналистике стандарты, призванные обеспечивать баланс мнений.

Следует пояснить, что эксперт, по всей видимости, имел ввиду новый мемориальный комплекс «Путь возрождения народов Крыма». Мемориальный комплекс возведен уже в российском Крыму между железной и автомобильными дорогами на железнодорожной станции «Сирень» Бахчисарайского района. Здесь в мае 1944 года располагался один из самых крупных пунктов сбора и депортации. Площадь мемориала составляет 1,8 гектара. Одним из центральных фрагментов комплекса является копия вагона-теплушки, в которых в 1944 году из Крыма увозили депортированных граждан. На территории мемориала расположились музей, мечеть, часовня, скульптурные композиции, аллеи. Мемориальный комплекс был заложен в 2015 году, на его создание выделено около 500 млн. рублей.

Также подходит к завершению и строительство соборной мечети в Симферополе. Мечеть строится на Ялтинском шоссе, занимает площадь 2,7 га и имеет удобные подъездные пути из разных уголков Крыма.

Следует обратить внимание на информационную составляющую интернет-портала «Crimean tatars». Первое, на чем читатель и зритель акцентирует внимание – топонимика (не Симферополь, а Акмесджит, не Старый Крым, а Эски Къырыме, не Белогорск, а Карасубазар). В материалах используются довоенные названия городов и населенных пунктов. Напомню, что после 1944 г., т. е. после депортации, в Крыму были переименованы более 90% городов и сел: исторические крымско-татарские, греческие, армянские и иные названия были заменены русскими. Последние 30 лет по вопросу крымской топонимики нет согласия, тема остается болезненной и противоречивой как для крымских татар, для и для представителей других этносов Республики. На теме топонимики нередко спекулируют недобросовестные политики. Неофициальное использование довоенной топонимики не запрещено законом, однако следует понимать, что Крым был и остается непростым геополитическим регионом в силу сложных исторических особенностей, богатого национального и конфессионального состава. Задача современной крымской журналистики состоит в корректной, этичной, максимально правдивой, объективной передаче исторической и социальной реальности не только крымской, но и российской аудитории. Намеренное и нарочитое использование довоенной топонимики в журналистских материалах может лишь обострить противоречия и дестабилизировать ситуацию в регионе.

В то же время интернет-портал «Crimean tatars» широко публикует циклы познавательных видеоматериалов о культуре, традициях, обычаях и истории крымских татар, популяризирует крымско-татарский язык, творчество современных крымско-татарских деятелей искусства, знакомит крымско-татарскую аудиторию с успешными представителями нации. Информационный ресурс регулярно пополняется новостными сюжетами о Крыме, а также передачами, в которых поднимаются проблемные вопросы, волнующие крымчан (о пандемии, массовой гибели птиц на северо-востоке Крыма, природных катаклизмах, об открытии школ, установке памятников и т. д.). Между тем подача информации журналистами «Crimean tatars» (если сравнивать с освещением тех же тем на телеканале «Миллет») нередко отличается критической риторикой по отношению даже к самым **положительным** событиям, происходящим в Крыму. Так, например, в материале

«Crimean tatars» от 04.10.2021 об открытии в Симферополе новой улицы, названной в честь известного крымско-татарского хореографа, находим: «В микрорайоне Луговое-2 под Акмесджитом торжественно открыли улицу, названную в честь выдающегося хореографа и балетмейстера Акима Джемилева. Здесь установили и памятную доску. Для жителей посёлка – это знаменательное событие. Все остальные улицы здесь носят названия российских городов: Архангельская, Астраханская, Костромская и т. д. Хотя основная часть жителей – крымские татары». И далее: «Несколько лет они боролись за то, чтобы улицы переименовали, но власти согласились дать крымско-татарские названия только 4 переулкам» [1]. На наш взгляд, заключительная реплика сюжета фактологически не оправдана: в Крыму с начала возвращения крымских татар из депортации сложилась традиция давать улицам микрорайонов компактного проживания крымских татар крымско-татарские названия. Луговое-2 – не микрорайон компактного проживания, это район Симферополя, не имеющий национальной «окраски». К слову, эту же новость о названии улицы в честь известного крымско-татарского балетмейстера телеканал «Миллет» справедливо преподносит как очень важное и торжественное событие для крымско-татарского народа.

Критическая риторика звучит и в новости «Crimean tatars» от 26.09.2021 о юбилее крымско-татарской школы в Старом Крыму: «Сегодня своё 25-летие отмечает крымско-татарская школа в Эски Къырыме (Старый Крым). <…> Чтобы добиться её открытия, учителям, родителям и активистам пришлось немало побороться» [2]. В российском Крыму сохранение культуры крымских татар является приоритетным направлением (строятся мечети, открываются крымско-татарские школы, в школах открываются классы с крымско-татарским языком обучения, поддерживаются этнические периодические издания и т. д.).

Интернет-ресурс специализируется также на качественном рекреационном контенте: публикуются передачи о путешествиях «Cemidan» (в переводе на рус. яз. – «Чемодан»), о моде и стиле «Khalide Fashion», очерки об истории Крыма «Карта Крыма» и др. Оригинальной выглядит юмористическая рубрика «Qıyış Yaşayış», состоящая из сатирических зарисовок и скетчей. Однако даже в ней нередко прослеживается критический вектор. Один из выпусков под названием «Крымский сервис» («Qırım servisi») посвящен пассажирским перевозкам. Анонсом к выпуску стала следующая фраза: «Сервис в Крыму не то чтобы плохой:) Его в Крыму в принципе нет! Но иногда ведь можно и помечтать:)» [3]. В целом юмористическая рубрика по количеству просмотров лидирует среди остальных.

Можно предположить, что интернет-портал «Crimean tatars» «оттягивает» у государственного телеканала «Миллет» часть потенциальной аудитории. Определить количественный показатель зрителей самого телеканала «Миллет» не представляется возможным из-за отсутствия в Крыму компаний, предоставляющих статистику медиазамеров.

В то же время, нетрудно заметить, что по количеству просмотров и активности пользователей, оставляющих комментарии под публикациями, материалы, поднимающие общественно-политические темы, на культурно-просветительском ресурсе очень востребованы, выпуски на платформе YouTube набирают по несколько

тысяч просмотров. Секрет успеха заключатся, на наш взгляд, в дискуссионности выпусков.

Однако то, что популярность общественного-политического ток-шоу не имеет массового характера, свидетельствует, наверное, о том, что большинство крымских татар не поддерживают конфликтные настроения, ценят перемены, происходящие в российском Крыму, и внимание, оказываемое руководством страны крымским татарам. Например, только за 2020 год, по информации Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан РК, в Крыму введены в эксплуатацию 72 квартиры для депортированных, созданы 520 мест в детских садах, построены 37,3 километра сетей газоснабжения, 38,3 километра сетей электроснабжения, 6,9 км. сетей канализации, 7,2 км сетей водоснабжения в местах компактного проживания депортированных [5]. По данным Духовного управления мусульман, в Крыму с 2014 года ежегодно открываются 4–5 мечетей [7]. Работы по благоустройству полуострова и оказание помощи депортированным продолжаются.

ВЫВОДЫ

Этнический культурно-просветительский медиапроект «Crimean tatars», хоть и не является официальным средством массовой информации, но представляет собой ресурс, создающий и в некоторой степени влияющий на информационную повестку полуострова. Преимущества отсутствия у медиа регистрации делает его менее уязвимым перед контролирующими органами и тем самым расширяет границы «информационной свободы». На Украине в декабре 2018 интернет-портал «Crimean tatars» был удостоен премии «Высокие стандарты журналистики–2018» в номинации «За качественный региональный медиапроект» [4].

Список литературы

1. В микрорайоне Луговое-2 открыли улицу Акима Джемилева // Crimean Tatars. – Режим доступа: https://www.crimeantatars.club/life/events/v-mikrorajone-lugovoe-2-otkryli-ulitsu-akima-dzhemileva. – (Дата обращения: 22.05.2022).
2. Крымскотатарская школа в Эски Къырыме «рождалась в муках» // Crimean Tatars. – Режим доступа: https://www.crimeantatars.club/life/society/krymskotatarskaya-shkola-v-eski-kyryme-rozhdalas-v-mukah. – (Дата обращения: 22.05.2022).
3. Крымский сервис // Crimean Tatars. – Режим доступа: https://www.crimeantatars.club/life/qiyish-yashayish/qiyis-yasayis-qirim-servisi. – (Дата обращения: 22.05.2022).
4. Лучшие журналисты Украины получили во Львове престижные премии // gazeta.ua. – Режим доступа: https://gazeta.ua/ru/articles/regions/_luchshie-zhurnalisty-ukrainy-poluchili-vo-lvove-prestizhnye-premii/875108. – (Дата обращения: 23.05.2022).
5. *Мащенко А. П.* В Крыму вспоминают жертв депортации // Парламентская газета. – Режим доступа: https://www.pnp.ru/politics/v-krymu-vspominayut-zhertv-deportacii.htmlhttps://www.pnp.ru/politics/v-krymu-vspominayut-zhertv-deportacii.html. – (Дата обращения: 22.05.2022).
6. Перепись населения в Крымском федеральном округе со 100-процентным охватом населения 2014 года // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/526 (Дата обращения: 23.05.2022).

7. Соборную мечеть в Симферополе планируют открыть к лету 2021 года // ТАСС. – Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/9084929?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com. – (Дата обращения: 22.05.2022).
8. Тревожные крымскотатарские будни // Crimean Tatars. – Режим доступа: https://www.crimeantatars.club/life/society/merkez-trevozhnye-krymskotatarskie-budni-vypusk-4. – (Дата обращения: 22.05.2022).
9. Уничтожение крымскотатарского культурного наследия // Crimean Tatars. – Режим доступа: https://www.crimeantatars.club/history/nasledie/merkez-unichtozhenie-krymskotatarskogo-kulturnogo-naslediya-vypusk-7. – (Дата обращения: 22.05.2022).
10. Эльзара Ислямова: «Нам удалось успешно популяризировать крымскотатарский язык» // Миллиард татар. – Режим доступа: https://milliard.tatar/news/elzara-islyamova-nam-udalos-uspesno-populyarizirovat-krymskotatarskii-yazyk-827. – (Дата обращения: 22.05.2022).

References

1. *V mikrorajone Lugovoe-2 otkryli ulicu Akima Dzhemileva* [Akim Dzhemilev Street was opened in the Lugovoe-2 microdistrict]. *Crimean Tatars*. Available from: https://www.crimeantatars.club/life/events/v-mikrorajone-lugovoe-2-otkryli-ulitsu-akima-dzhemileva (accessed 22 May 2022).
2. *Krymskotatarskaja shkola v Jeski Kyryme «rozhdalas' v mukah»* [Crimean Tatar school in Eski Kyrym "was born in pain"]. *Crimean Tatars*. Available from: https://www.crimeantatars.club/life/society/krymskotatarskaya-shkola-v-eski-kyryme-rozhdalas-v-mukah (accessed 22 May 2022).
3. *Krymskij servis* [Crimean service]. *Crimean Tatars.* Available from: https://www.crimeantatars.club/life/qiyish-yashayish/qiyis-yasayis-qirim-servisi (accessed 22 May 2022).
4. *Luchshie zhurnalisty Ukrainy poluchili vo L'vove prestizhnye premii* [The best journalists of Ukraine received prestigious awards in Lviv]. *Crimean Tatars.* Available from: https://gazeta.ua/ru/articles/regions/_luchshie-zhurnalisty-ukrainy-poluchili-vo-lvove-prestizhnye-premii/875108 (accessed 23 May 2022).
5. Mashhenko A. P. *V Krymu vspominajut zhertv deportacii* [Victims of deportation are remembered in Crimea]. *Parlamentskaja gazeta.* Available from: https://www.pnp.ru/politics/v-krymu-vspominayut-zhertv-deportacii.htmlhttps://www.pnp.ru/politics/v-krymu-vspominayut-zhertv-deportacii.html (accessed 22 May 2022).
6. *Perepis' naseleniya v Krymskom federal'nom okruge so 100-procentnym ohvatom naseleniya 2014 goda* [Population census in the Crimean Federal District with 100% population coverage in 2014]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki*. Available from: https://rosstat.gov.ru/folder/526 (accessed 23 May 2022).
7. *Sobornuju mechet' v Simferopole planirujut otkryt' k letu 2021 goda* [The cathedral mosque in Simferopol is planned to open by the summer of 2021]. *TASS*. https://tass.ru/obschestvo/9084929?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com Available from: (accessed 22 May 2022).
8. *Trevozhnye krymskotatarskie budni* [Anxious Crimean Tatar everyday life]. *Crimean Tatars.* Available from: https://www.crimeantatars.club/life/society/merkez-trevozhnye-krymskotatarskie-budni-vypusk-4 (accessed 22 May 2022).
9. *Unichtozhenie krymskotatarskogo kul'turnogo nasledija* [Destruction of the Crimean Tatar cultural heritage]. *Crimean Tatars.* Available from: https://www.crimeantatars.club/history/nasledie/merkez-unichtozhenie-krymskotatarskogo-kulturnogo-naslediya-vypusk-7 (accessed 22 May 2022).

10. *Jel'zara Isljamova: «Nam udalos' uspeshno populjarizirovat' krymskotatarskij jazyk»* [Elzara Islyamova: «We managed to successfully popularize the Crimean Tatar language»]. *Milliard tatar*. Available from: https://milliard.tatar/news/elzara-islyamova-nam-udalos-uspesno-populyarizirovat-krymskotatarskii-yazyk-827 (accessed 22 May 2022).

ETHNIC CULTURAL AND EDUCATIONAL MEDIA PROJECTS AND THEIR ROLE IN FORMING THE INFORMATION AGENDA OF CRIMEA

Pervykh D. K.

The objectives of the study included contextual comprehension of socio-political topics developed by the cultural and educational Internet portal "Crimean tatars", as well as the study of the practical possibilities of the existence of ethnic cultural and educational media projects in the media field of modern Crimea, which, not being mass media, perform the functions of the media, have a permanent audience and create the information agenda of the peninsula. The analysis showed that culturological, historical, ethnographic, historical-biographical, humorous projects are in demand by the audience and constitute only a part of the materials of "Crimean tatars". No less popular on the cultural and educational portal are news stories and talk shows on acute socio-political topics. The very fact of the existence of such information resources in the media field of modern Crimea allows us to conclude about the wide information freedom provided to unregistered media.

Keywords: Crimean tatars media project, Millet TV channel, information agenda of Crimea.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 2. С. 98–109.

3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81+811.111

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНТИЦЕННОСТНОГО КОНЦЕПТА «NEGATIVE ESCAPISM» В КОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Бочкарев А. И.

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: arsentiy_87@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей реализации антиценностного концепта «negative escapism» в комическом дискурсе английской лингвокультуры. В данной работе впервые выделен и рассмотрен такой антиценностный концепт как «negative escapism». На основе анализа словарных дефиниций и соответствующего теоретического материала дается определение негативному эскапизму. Также в результате анализа практического материала выявлены основные высмеиваемые и восхваляемые лингвокогнитивные характеристики антиценностного концепта «negative escapism». К основным высмеиваемым характеристикам представленного явления относятся крайняя степень зависимости, исключительная важность предмета зависимости в жизни объекта осмеяния, деградация объекта осмеяния из-за предмета зависимости. Материал исследования подтверждает, что именно деградация объекта осмеяния является наиболее часто встречающейся осмеиваемой характеристикой рассматриваемого концепта, при этом данная характеристика реализуется посредством актуализации таких антиценностных концептов, как глупость, похоть и обжорство. К основным восхваляемым характеристикам антиценностного концепта «negative escapism» относятся: высокое качество предмета зависимости, чувство удовольствия от предмета зависимости и способ решения жизненных проблем при помощи предмета зависимости. В большинстве примеров при восхвалении различных характеристик представленного концепта используется обсценная или вульгарная лексика.
Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, негативный эскапизм, антиценности, ценностная концептосфера, комическое.

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе применяется аксиологический подход к изучению комического. Как отмечает В. И. Карасик, предметом аксиологической лингвистики является «изучение языкового воплощения ценностей», которые «определяют выбор и закрепление смыслов в содержании языковых единиц и коммуникативных моделей поведения» [5, с. 4]. Аксиологические смыслы «формируют основу социального взаимодействия и определяют параметры развертывания дискурса» [4, с. 76]. На наш взгляд, оправданно применять аксиологический подход для изучения комического, так как комическое является важнейшим инструментом формирования ценностей и антиценностей определенной культуры, т. е. восприятие обществом различных

социокультурных явлений находится в прямой зависимости от того, восхваляются или осмеиваются они в рамках комического дискурса.

Объектом аксиологической лингвистики являются ценности и антиценности. Если ценности положительно воспринимаются большинством носителей определенной лингвокультуры, то антиценности представляют собой отрицательные явления, сопровождаемые негативным отношением носителей лингвокультуры. В целом, ценности характеризуются как: а) обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения; б) играющие роль фундаментальных норм; в) выражающие смыслы культуры; г) влияющие на интересы и мотивы действия людей; д) имеющие основания в индивиде и обществе [11, с. 28]. Также выделяют пять основных областей бытования и выведения ценностей: область истины, область прекрасного, область этики, область удовольствия, область практической пользы [11, с. 29]. Следует отметить, что ценность, позитивно отмеченная в одной области, может быть негативно отмечено с точки зрения другой области, т.е. удовольствие могут приносить этически неприемлемые вещи. Соответственно, отсюда и возникает различное отношение к тем или иным явлениям в рамках их определения в качестве ценностей или антиценностей.

В общем, концептосфера представляет собой совокупность концептов определенной нации, при этом она шире семантической сферы, представленной значениями слов языка [9, с. 5]. Как отмечает В.И. Карасик, лексику можно разделить на национально-специфическую, универсальную и лексику со слабо выраженными культурно-специфическими характеристиками [6, с. 75]. Следует отметить, что когнитивная база народа выделяется из индивидуальных концептосфер [10, с. 27]. Важнейшей частью концептосферы являются ценности, которые могут быть описаны в виде культурных концептов, состоящих из трех сторон – образ, понятие и ценность [6, с. 98]. Совокупность всех концептов-ценностей и концептов-антиценностей соответствующей лингвокультуры образует ценностную концептосферу данной лингвокультуры.

Тем или иным образом ценности и антиценности комического дискурса изучались с точки зрения когнитивного подхода к языку. В основном, изучение аксиологической составляющей комического дискурса касалось таких антиценностей, как глупость [13, 14], обжорство [3], похоть [21, 24], пьянство [6, 7], трусость [2] и т.д.

В представленной работе впервые обсуждается такой антиценностный концепт как «negative escapism». В ходе анализа комических текстов нами было выявлено, что такие виды человеческой деятельности как пьянство, наркомания, игромания, зависимость от виртуального общения (социальные сети, привязанность к телефону, порнография и т.д.) и в определенной степени курение табака высмеиваются (в некоторых случаях восхваляются) через одни и те же общие когнитивные признаки и имеют одинаковые алгоритмы осмеяния/восхваления. Следует отметить, что разница между перечисленными явлениями заключается прежде всего в частотности осмеяния тех или иных характеристик, но данная разница является незначительной.

На наш взгляд, целесообразно осуществить разделение таких явлений как эскапизм и негативный эскапизм, несмотря на их сходство.

В англоязычных словарях дается следующие определения и примеры такого явления как escapism: an activity, a form of entertainment, etc. that helps you avoid or forget unpleasant or boring things (the pure escapism of adventure movies; for John, books are a form of escapism) [23]; something pleasant or exciting that helps you to forget about real life and the boring or unpleasant parts of it (the pure escapism of James Bond films) [20]. Представленные примеры показывают, что уход от действительности при обычном эскапизме связан прежде всего с просмотром фильмов и чтением книг.

Как отмечает Д.Г. Литинская, эскапизм связан с осознанным отказом от встречи с Другим [8]. Кроме того, эскапизм можно определить как стратегию социального поведения, которая служит «бегству от…» [8, 19]. На современном этапе исследования, выделяют следующие виды эскапизма: религиозный [8], социальный (например, дауншифтинг) [16; 22], туристический [12] и т.д.

Необходимо отметить, что между эскапизмом и негативным эскапизмом существует принципиальная разница. В случае эскапизма уход от действительности преимущественно осуществляется посредством чтения, размышления и т.п. о чем-то более интересном и обычно связан с поиском идеалов. В то время как негативный эскапизм ведет к разрушению личности и сопровождается зависимостью от предмета, который негативно оценивается обществом. Следует отметить, что в основном именно явления, относящиеся к негативному эскапизму, становятся предметами комического.

Также концепт «negative escapism» имеет много общего с концептом «зависимость», а именно: «negative escapism» реализуется через зависимость от определенного предмета. Но через зависимость также реализуются и другие концепты, которые не относятся к уходу от действительности. Так, концепты «похоть» и «обжорство», в основе которых лежит определенная зависимость, имеют собственные высмеиваемые когнитивные признаки и алгоритмы осмеяния, т.е. они принципиально отличаются от явлений, относящихся к негативному эскапизму.

Таким образом, концепт «negative escapism» представляет собой замену определенного фрагмента реальности, который содержит неразрешенные проблемы или является источником негативных эмоциональных переживаний, при помощи определенных предметов, вызывающих привыкания и ведущих к деградации личности. Основным компонентом концепта «negative escapism» является отрицательный эмоционально-оценочный компонент. Соответственно, данный концепт относится к антиценностям.

В качестве практического материала мы взяли записи и скрипты стендап комедий и ситкомов. В общей сложности нами было проанализировано более 50 выпусков стендап комедий и 100 эпизодов различных ситкомов, объемом более 6500 минут. Преимуществом данного материала является то, что существует возможность объективно оценить комический эффект от той или иной шутки, основываясь на реакции аудитории или учитывая замысел автора, который выражается при помощи закадрового смеха. В данной работе полужирным шрифтом выделены те фрагменты, которые сопровождались наиболее бурным смехом зрителей или закадровым смехом.

КОМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНТИЦЕННОСТНОГО КОНЦЕПТА «NEGATIVE ESCAPISM»

К наиболее изученным составляющим концепта «negative escapism» в рамках комического дискурса относится пьянство. Данное явление (как и все другие составляющие негативного эскапизма) принадлежит к негативно оцениваемым социальным порокам [1]. Многие авторы выделяют пьянство в качестве одной из самых популярных осмеиваемых тем. Как отмечает В.И. Карасик, во многих культурах отношение к алкоголю является индикатором этнокультурных ценностей, при этом осмеянию подвергается как чрезмерное пьянство, так и несостоятельность в возможности выпить. Особенно пьянство высмеивается в рамках этнического юмора. В английской культуре пьянство ассоциируется с ирландцами [6, с. 160]. В тех странах, где алкоголь запрещен, нет шуток о выпивке и пьяницах [7, с. 120]. Нет таких шуток среди итальянцев, которые употребляют вино регулярно, но умеренно [28]. В России данная тема является распространенной [24]. Проведенное нами исследование показывает, что в рамках этнического юмора реализуются две основные антиценности, которые приписываются определенным нациям, а именно: негативный эскапизм и глупость.

Концепт «negative escapism» преимущественно подвергается осмеянию, но также может и восхваляться. Далее мы подробно рассмотрим все комические характеристики данного концепта.

Осмеиваемые характеристики концепта «negative escapism»

Можно выделить следующие основные характеристики концепта «negative escapism», которые подвергаются осмеянию: крайняя степень зависимости, исключительная важность предмета зависимости и деградация объекта осмеяния из-за предмета зависимости. Следует отметить, что состояние деградации реализуется посредством актуализации других концептов, выступая таким образом в качестве вторичной характеристики.

а. Крайняя степень зависимости

Обычно крайняя степень зависимости выражается через полное замещение реальности эффектом от предмета зависимости, что приводит к постоянному употреблению данного предмета, т.е. человек может постоянно находиться в состоянии алкогольного опьянения; человек может сводить все свое общение к коммуникации в социальных сетях; человек может тратить все свое время и деньги на игровые автоматы; и так далее:

*And texting – the whole texting thing – I walked into a Starbucks**, there were all these little girls sitting around like a cyber witch's coven.** They were like… Not saying a fucking word. Just… Finally one of them looked up and went, **"I know*** [29].

Стенд-ап комик отмечает, что виртуальное общение полностью заменило реальное даже в тех случаях, когда люди собираются вместе. Так, говорящий описывает ситуацию, в которой в кафе за одним столом сидят маленькие девочки и переписываются друг с другом вместо того, чтобы разговаривать. При этом девочки не являются немыми, не играют в какую-либо игру (которая предполагает молчание) и знают о присутствии друг друга в данном месте, это подтверждается тем фактом, что одна из девочек ответила на текстовое сообщение другой девочки при помощи

произнесения фразы (I know). Подобные ситуации часто высмеиваются в различных комедийных фильмах.

Крайняя степень зависимости также может выражаться через неудовлетворенность от употребления стандартного объема предмета зависимости, т.е. человека не удовлетворяют имеющиеся стандартные виды наркотиков; человек не получает удовлетворения от просмотра обычной порнографии; человеку недостаточно играть на деньги (например, он хочет поставить на кон своих близких или жизнь); и т.п.:

The thing with internet porn is that it still has the power to surprise us. I saw something on internet the other day that really shocked me. It was one man having sex with one woman. There was no gang-bang, no DP, no anal, no dwarves, no three way, no water sports, no girl on girl, no gagging, no rimming, no granny fanny, no DV, no DA, no shemales, no MILFs, no one looked barely legal. It was just one man having sex with one woman I thought: ***"Who comes up with this crazy shit"*** [15].

В приведенном примере объект осмеяния считает извращенным порнографические материалы, которое не содержит каких-либо перверсий (gang-bang, DP, anal, dwarves, three way, water sports, girl on girl, gagging, rimming, granny fanny, DV, DA, shemales, MILFs, barely legal.), т.е. просмотр обычных порнографических материалов не может принести ему удовлетворения.

б. Исключительная важность предмета зависимости

Существует два пути высмеивания исключительной важности предмета зависимости в жизни объекта осмеяния. Так, зависимый человек может либо понимать важность предмета зависимости в своей жизни, либо не понимать того, насколько сильно он зависит от определенного предмета.

Соответственно, данная характеристика может выражаться через сравнение важности предмета зависимости с каким-либо другим общественно важным явлением действительности с осознанным выбором в пользу первого:

In California this summer all the State Parks caught on fire which was sad ***because these parks are full of weed*** [29].

В данном случае пожары в Калифорнии отрицательно оцениваются стенд-ап комиком, так как в ходе этих пожаров сгорела конопля. Соответственно, все утраты (в том числе и смерти людей), которые повлекли за собой пожары, менее значимы для наркомана. Комический эффект основан на неожиданности вывода говорящего для аудитории, так как исчезновение конопли не причисляется к основным бедам, возникающим в результате пожара.

Сравнение важности предмета зависимости и другого предмета действительности также может реализовываться через полную фокусировку объекта осмеяния на данном предмете. В результате чего выбор объекта осмеяния является неосознанным:

Scene: The apartment, Halo night. Howard: Sheldon, you got him in your sights, fire, he's charging his plasma rifle. Sheldon: I can't shoot now, I'm cloaking. Leonard: Now, Raj, kill Sheldon. Raj: I can't see him. Sheldon: ***That's why they call it cloaking, dead man****. Leonard: Well then start throwing grenades. Raj: I'm all out. Penny (entering with three other sexy women): Hi guys, my friends and I got tired of dancing,* ***so we came over to have***

sex with you. *Leonard: That will do, Raj, straight for the tank. Sheldon: We said no tanks. Raj:* ***There are no rules in hell!*** *Howard: Son of a bitch, medpack, I need a medpack! Penny:* ***Told yah!*** *(They leave)* [26].

В приведенном примере главная героиня вместе с подругами приходит в гости к объектам осмеяния, которые в это время играют в компьютерную игру, и предлагает им заняться сексом. Объекты осмеяния не замечают девушек, так как полностью поглощены игрой. Также в представленном фрагменте высмеивается серьезное отношение объектов осмеяния к игре, которое выражается как вербально (There are no rules in hell!; medpack, I need a medpack!), так и невербально (у объектов осмеяния сосредоточенные выражения лиц, на которых в определенные моменты появляются агрессивные гримасы). Следует отметить, что подобный сюжет часто реализуется в современной реальной жизни. Так, девушки в обнаженном или полуобнаженном виде делают селфи на фоне своих парней, играющих в компьютерные игры, и выкладывают данные фотографии в социальных сетях.

в. Деградация объекта осмеяния

Деградация объекта осмеяния является самой популярной высмеиваемой характеристикой концепта «negative escapism» и реализуется преимущественно посредством актуализации таких концептов, как «глупость», «похоть» и «обжорство».

В тех случаях, когда деградация объекта осмеяния реализуется при помощи актуализации концепта «глупость», высмеиваемой характеристикой глупости является неразумное поведение соответствующего объекта. В подобных случаях частой темой осмеяния становится разговор с животными, неодушевленными предметами или воображаемыми объектами:

We got a way from the bear. He put his arm around my shoulder. He said "Mitchell." ***"Smokey is way more intense in person"*** [17].

В данном примере объект осмеяния под действием наркотиков ведет разговор с воображаемым медведем. Комический эффект создается за счет того, что объект осмеяния представляет свой воображаемый разговор с медведем как реальный.

Также деградация объекта может высмеиваться посредством актуализации концепта «похоть», например, через желание разнообразия секса, при этом подобные случаи тесно связаны с концептом глупость:

*And the next morning, that all-important question, "who the fuck are you?"****[bleats]*** [29].

В рассматриваемом примере алкоголь доводит объект осмеяния до зоофилии. Комический эффект основан на разрушении стереотипа. Так, стандартной является ситуация, когда после чрезмерного употребления алкоголя мужчина просыпается в кровати с неизвестной (зачастую страшной) девушкой. В представленном примере, объект осмеяния просыпается в одной кровати с овцой, на что указывает соответствующее звукоподражание (bleats). Таким образом, стенд-ап комик намекает на то, что у объекта осмеяния был секс с животным. Следует отметить, что животное может быть заменено на другой неожиданный объект. Например, довольно частой в американских комедиях 90-х–00-г годах является ситуация, когда гетеросексуальный мужчина просыпается в постели с другим мужчиной.

Деградация объекта осмеяния может также реализовываться при помощи актуализации концепта «обжорство», а именно: через чрезмерное поедание определенных предметов, при этом в нормальном состоянии данный человек не может съесть такое количество предметов. Обычно объект осмеяния не помнит того, что с ним произошло:

Then he said that I tried to make two frozen pizzas at once, ***because I wanted to eat them like a hamburger*** [25].

В приведенном примере под действием алкоголя объект осмеяния съедает огромное количество продуктов (в частности, две замороженные пиццы, сложенные друг на друга наподобие гамбургера), т.е. в обычной ситуации он ест намного меньше.

Восхваляемые характеристики концепта «negative escapism»

Восхваление концепта «negative escapism» происходит в основном через следующие характеристики: высокое качество предмета зависимости, чувство удовольствия от предмета зависимости и способ решения жизненных проблем при помощи предмета зависимости. Следует отметить, что восхваление концепта «negative escapism» обычно осуществляется говорящими, которые находятся в зависимости от данного предмета и не скрывают этого. Как было отмечено выше, концепт «negative escapism» восхваляется намного реже, чем осмеивается.

а. Высокое качество предмета

Наиболее восхваляемой характеристикой при актуализации концепта «negative escapism» является высокое качество предмета зависимости, которое обычно восхваляется через полученный или предполагаемый эффект от данного предмета. Соответственно, либо эффект (полученные от употребления данного продукта) значительно превышает ожидания, либо данный продукт получает высокие оценки от признанных экспертов:

*And California weed is kick-ass fucking weed. This is weed that even Jamaicans go, "****oh, don't smoke that weed, man****"* [29].

Адресант превозносит качество калифорнийской марихуаны, ссылаясь на то, что даже жители Ямайки, которые считаются экспертами в этой области, не советуют ее курить. Кроме того, говорящий использует обсценную лексику (kick-ass fucking) для характеристики данного продукта.

б. Чувство удовольствия от предмета зависимости

Концепт «negative escapism» может также восхваляться через чувство удовольствия, получаемое от использования предмета зависимости. Таким образом, данное чувство удовольствия перевешивает реальные и потенциальные минусы от употребления данного предмета:

And they taste so good too… It's a shame that's secondary smoke that stinks so bad, ***'cause the stuff we're sucking up is fucking great man*** [18].

В представленном примере адресант, отмечая недостатки курения, выделяет его вкусовые характеристики. Комический эффект во многом основан на контрасте, т.е. после утверждения о том, что запах дыма плох, адресант восхищается вкусом табака. Контраст основан на оппозиции слов, критикующих табак (shame, stinks) и

восхваляющих его (fucking great). Комический эффект усиливается за счет употребления обсценной лексики: fucking.

в. Способ решения жизненных проблем

Также восхваляться может способность предмета зависимости решать проблемы человека в реальной жизни в период чрезмерного употребления данного предмета. Например, алкоголь и наркотики в основном позволяют решить проблемы с противоположным полом:

Leonard: I thought you were good at this. You're always talking about how you go to bars and meet women. Howard: I do, all the time. Leonard: Well, what happened? We've been sitting here all night ***and the longest conversation you've had with a woman was when your mom called****. Howard: Wow, you're just going to make me come out and say it, aren't you? Leonard: Say what? Howard:* ***You're weighing me down. I'm a falcon who hunts better solo.*** *Leonard: Fine. I'll sit here. You take flight and hunt. Howard: Don't be ridiculous, you can't just tell a falcon when to hunt. Leonard: Actually, you can.* ***There's a whole sport built around it. Falconry****. Howard: Shut up. Let's just get Koothrappali and go.* ***(They turn to see Raj with his tongue down the throat of a "larger lady" by the bar.)*** *Lucky bastard. It's got to be that stupid accent of his* [27].

В анализируемом примере главные герои пришли в бар для того, чтобы познакомиться с девушками. Двое из них пытаются это сделать при помощи разных средств (показывают фокусы, используют красивые фразы и т.д.), при этом все их попытки неудачны. Третий персонаж не пытается вступить в контакт с девушками, он просто сидит за барной стойкой и пьет алкоголь, при этом данный персонаж в целом пользуется наименьшим успехом у девушек. В результате, только у третьего действующего лица получается познакомиться с девушкой.

ВЫВОДЫ

В данной статье был впервые представлен и проанализирован антиценностный концепт «negative escapism» в рамках комического дискурса. Автор разграничивает такие явления как эскапизм и негативный эскапизм на основе анализа словарных дефиниций и теоретического материала, посвященного изучению эскапизма, с одной стороны, и анализа особенностей актуализации концепта «negative escapism» в текстах комического дискурса, с другой стороны. Автором выделяются основные ценностные характеристики концепта «negative escapism» в комическом дискурсе.

К основным высмеиваемым характеристикам концепта «negative escapism» относятся: крайняя степень зависимости, исключительная важность предмета зависимости, деградация объекта осмеяния из-за предмета зависимости. Деградация объекта осмеяния является самой популярной высмеиваемой характеристикой и реализуется посредством актуализации следующих концептов: «глупость», «похоть», «обжорство».

К основным восхваляемым характеристикам представленного концепта относятся: высокое качество предмета зависимости, чувство удовольствия от предмета зависимости и способ решения жизненных проблем. Следует отметить, что восхваление концепта «negative escapism» обычно осуществляется адресантами, которые находятся в зависимости от данного предмета и не скрывают этого. Кроме

того, при восхвалении антиценностного концепта «negative escapism» говорящие зачастую используют обсценную или вульгарную лексику для характеристики положительной составляющей рассматриваемого концепта.

В целом, концепт «negative escapism» значительно чаще осмеивается, чем восхваляется. Следовательно, концепт «negative escapism» можно отнести к антиценностям англосаксонской лингвокультуры.

Дальнейшая перспектива исследования заключается в изучении концепта «negative escapism» вне рамок комического дискурса. Перспективным направлением исследования комического дискурса в рамках аксиологического подхода видится построение ценностной концептосферы комического.

Список литературы

1. *Бойченко А. Г.* Питие // Антология концептов. Т. 7. – Волгоград: Парадигма, 2009. – С. 223–234.
2. *Бочкарев А. И.* Антиценностный концепт трусость в комическом дискурсе англосаксонской лингвокультуры // Вестник КемГУ. – 2021. – № 23 (4). – С. 1016–1023.
3. *Бочкарев А. И.* Основные высмеиваемые характеристики антиценностного концепта ‘Gluttony’ (на материале англоязычных стендап-комедий и ситуационных комедий) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 163 (4–5). – С. 109–118.
4. *Казыдуб Н.Н.* Дискурсивное пространство как аксиологическая система // Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 58–76.
5. *Карасик В.И.* Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. – М.: Гнозис, 2019. – 424 с.
6. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. *Кулинич М.А.* Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – 180 с.
8. *Литинская Д.Г.* Экзистенциональный эскапизм: новая проблема общества открытой информации. – М: Изд-во: Левъ, 2013. – 212 с.
9. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.
10. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 314 с.
11. *Серебренникова Е.Ф.* Ключевые понятия аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 27–40.
12. *Шапинская Е.Н.* Путешествие на Восток как бегство от повседневности: феномен туристического эскапизма // Международный журнал исследований культуры. Культурная география. – 2011. – №4(5). – С. 86–94.
13. *Attardo S.* Humorous texts: a semantic and pragmatic analysis. – New York: Mouton de Gruyter, 2001. – 238 p.
14. *Davies Ch.* Ethnic Jokes, Moral Values and Social Boundaries // The British Journal of Sociology. – 1982. – Vol. 33 (3). – pp. 384–403.
15. *Carr J.* Being Funny. – Available at: https://scraps fromtheloft.com/2018/01/25/jimmy-carr-being-funny-transcript/ (accessed: 14.03.2022).
16. *Hamilton C., Mail E.* Downshifting in Australia: A sea-change in the pursuit of happiness. – The Australia Institute Discussion Paper, 2003. – 46 p.

17. *Hedberg M.* Comedy Central Special. – Available at: https://scrapsfromtheloft.com/2017/07/06/mitch-hedberg-comedy-central-special1999-full-transcript/ (accessed: 14.03.2022).
18. *Hicks B.* Relentless. – Available at: https://scrapsfromtheloft.com/2017/05/03/bill-hicks-relentless-1992-transcript/
19. *Kellner D.* Ernst Bloch, Utopia and Ideology Critique. – Available at: http://www.uta.edu/huma/illuminations/kell1.htm (accessed: 14.03.2022).
20. Macmillan Dictionary. – Available at: https://www.macmillandictionary.com (дата обращения: 16.03.2022).
21. *Mindess H.* The Panorama of Humor and the Meaning of Life // American Behavioral Scientist. – 1987. – №3 (1). – pp. 82–95.
22. *Nelson M.R., Paek H.-J., Rademacher M.A.* Downshifting Consumer = Upshifting Citizen?: An Examination of a Local Freecycle Community // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science – 2007 – №611(1). – pp. 141-156.
23. Oxford Learner's Dictionaries. – Available at: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com (дата обращения: 16.03.2022).
24. *Raskin V.* Semantic Mechanisms of Humor. – Boston: D. Reidel Publishing Company, 1985. – 284 p.
25. *Schumer A.* The Leather Special. – Available at: https://www.scripts.com/script/amy_schumer:_the_ leather_special_2772 (accessed: 14.03.2022).
26. The Big Bang Theory. The Dumpling Paradox. – Available at: https://bigbangtrans.wordpress.com/series-1-episode-7-the-dumpling-paradox/ (accessed: 14.03.2022).
27. The Big Bang Theory. The Hofstadter Isotope. – Available at: https://bigbangtrans.wordpress.com/series-2-episode-20-the-hofstadter-isotope/ (accessed: 14.03.2022).
28. *Ziv A.* Jewish Humor. – Tel-Aviv: Papyrus Publishing House, 1986. – 215 p.
29. *Williams R.* Weapons of Self Destruction. – Available at: https://scrapsfromtheloft.com/2019/04/30/robin-williams-weapons-of-self-destruction-transcript/ (accessed: 14.03.2022).

References

1. Bojchenko A. G. *Pitie* [Drinking]. *Antologija konceptov*, vol. 7. Volgograd, Paradigma Publ., 2009, pp. 223–234.
2. Bochkarev A. I. *The Anti-Value Concept of Cowardice in Humorous Discourse of Anglo-Saxon Linguistic Culture. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 23(4), pp. 1016–1023.
3. Bochkarev A.I. *The main humorous characteristics of the anti-value concept of gluttony (based on English-language stand-up and situation comedies). Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 4–5, pp. 109–118.
4. Kazydub N.N. *Diskursivnoe prostranstvo kak aksiologicheskaja sistema* [Discursive space as an axiological system]. *Lingvistika i aksiologija: etnosemiometrija cennostnyh smyslov* [Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings]. Moscow, TEZAURUS Publ., 2011, pp. 58–76.
5. Karasik V.I. *Jazykovaja spiral': cennosti, znaki, motivy* [Language spiral: values, signs, motives]. Moscow, Gnozis Publ., 2019. 424 p.
6. Karasik V.I. *Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.

7. Kulinich M.A. *Lingvokul'turologija jumora (na materiale anglijskogo jazyka)* [Linguoculturology of English humor]. Samara, SamGPU Publ., 1999. 180 p.
8. Litinskaja D.G. *Ekzistencional'nyj eskapizm: novaja problema obshhestva otkrytoj informacii* [Existential escapism: new problem of open information society]. Moscow, Lev Publ., 2013. 212 p.
9. Lihachev D.S. *Konceptosfera russkogo jazyka* [Conceptual framework of the Russian language]. *Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologija* [Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text: Anthology]. Moscow, Academia Publ., 1997, pp. 280–287.
10. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaja lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST: «Vostok-Zapad» Publ., 2007. 314 p.
11. Serebrennikova E.F. *Kljuchevyje ponjatija aksiologicheskogo analiza* [Key terms of axiological analysis]. *Lingvistika i aksiologija: jetnosemiometrija cennostnyh smyslov* [Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings]. Moscow, TEZAURUS Publ., 2011, pp. 27–40.
12. Shapinskaja E.N. *Puteshestvie na Vostok kak begstvo ot povsednevnosti: fenomen turisticheskogo eskapizma* [Journey to the East as an escape from everyday life: the phenomenon of tourist escapism]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. Kul'turnaja*, 2011, no. 4 (5), pp. 86–94.
13. Attardo S. *Humorous texts: a semantic and pragmatic analysis*. New York, Mouton de Gruyter, 2001. 238 p.
14. Davies Ch. *Ethnic Jokes, Moral Values and Social Boundaries*. *The British Journal of Sociology*, 1982, vol. 33 (3), pp. 384–403.
15. Carr J. *Being Funny*. Available at: https://scraps fromtheloft.com/2018/01/25/jimmy-carr-being-funny-transcript/ (accessed: 14.03.2022).
16. Hamilton C., Mail E. *Downshifting in Australia: A sea-change in the pursuit of happiness*. The Australia Institute Discussion Paper, 2003. 46 p.
17. Hedberg M. *Comedy Central Special*. Available at: https://scrapsfromtheloft.com/2017/07/06/mitch-hedberg-comedy-central-special1999-full-transcript/ (accessed: 14.03.2022).
18. Hicks B. *Relentless.* Available at: https://scrapsfromtheloft.com/2017/05/03/bill-hicks-relentless-1992-transcript/
19. Kellner D. *Ernst Bloch, Utopia and Ideology Critique*. Available at: http://www.uta.edu/huma/illuminations/kell1.htm (accessed: 14.03.2022).
20. *Macmillan Dictionary.* Available at: https://www.macmillandictionary.com (дата обращения: 16.03.2022).
21. Mindess H. *The Panorama of Humor and the Meaning of Life. American Behavioral Scientist*, 1987, no. 3 (1), pp. 82–95.
22. Nelson M.R., Paek H.-J., Rademacher M.A. *Downshifting Consumer = Upshifting Citizen?: An Examination of a Local Freecycle Community. The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2007, no. 611(1), pp. 141–156.
23. *Oxford Learner's Dictionaries.* Available at: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com (дата обращения: 16.03.2022).
24. Raskin V. *Semantic Mechanisms of Humor*. Boston, D. Reidel Publishing Company, 1985. 284 p.
25. Schumer A. *The Leather Special*. Available at: https://www.scripts.com/script/amy_schumer:_the_leather _special_2772 (accessed: 14.03.2022).

26. *The Big Bang Theory. The Dumpling Paradox*. Available at: https://bigbangtrans.wordpress.com/series-1-episode-7-the-dumpling-paradox/ (accessed: 14.03.2022).
27. *The Big Bang Theory. The Hofstadter Isotope*. Available at: https://bigbangtrans.wordpress.com/series-2-episode-20-the-hofstadter-isotope/ (accessed: 14.03.2022).
28. Ziv A. *Jewish Humor*. Tel-Aviv, Papyrus Publishing House, 1986. 215 p.
29. Williams R. *Weapons of Self Destruction*. Available at: https://scrapsfromtheloft.com/2019/04/30/robin-williams-weapons-of-self-destruction-transcript/ (accessed: 14.03.2022).

LINGUO-COGNITIVE CHARACTERISTICS OF THE AXIOLOGICAL CONCEPT “NEGATIVE ESCAPISM” IN HUMOROUS DISCOURSE

Bochkarev A. I.

The article is devoted to the characteristics of the anti-value concept "negative escapism" in the humorous discourse of English linguistic culture. This paper determined and considered the anti-value concept "negative escapism" for the first time. The author analyzed dictionary definitions and the corresponding theoretical material to give the definition of negative escapism. Also as a result of the analysis of practical material, the main ridiculed and praised linguo-cognitive characteristics of the anti-value concept "negative escapism" were revealed. The main ridiculed characteristics of the phenomenon include the extreme degree of addiction, the exceptional importance of the subject of addiction in the life of an addicted person, the degradation of an addicted person due to the subject of addiction. The material of the research confirms that it is the degradation of an addicted person that is the most frequently ridiculed characteristic of the concept under consideration while this characteristic is realized through actualizing such anti-value concepts as stupidity, lust and gluttony. The main praised characteristics of the anti-value concept "negative escapism" include the high quality of the subject of addiction, an acquired pleasure from the subject of addiction, and the way of solving some problems with the help of the subject of addiction. While praising various characteristics of the concept, obscene or vulgar vocabulary is used in most examples.
***Keywords**:* axiological linguistics, negative escapism, anti-values, axiological conceptual framework, humorous discourse.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 2. С. 110–120.

УДК 811.161.1'373+598.2

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НОМИНАЦИЙ МИФИЧЕСКИХ ПТИЦ (ПО ДАННЫМ СЛОВАРЕЙ И ЭНЦИКЛОПЕДИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Виноградова Е. В.

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», Симферополь, Российская Федерация
E-mail: elnikova.katusha@yandex.ru

В статье проанализированы номинации мифических птиц – *алконоста, сирина, гамаюна* и *феникса,* выявлены их денотативные признаки. Было установлено, что лексемы относятся к заимствованиям из греческого языка. Чтобы проследить полную картину отражения мифических орнитонимов, использовали толковые, мифологические, исторические, этимологические словари и энциклопедии русского языка. Ведущим методом исследования, таким образом, является компонентный анализ лексического значения слова с опорой на словарные дефиниции. Сравнительный анализ лексикографических источников свидетельствует о том, что в подаче исследуемых орнитонимов используются константные и индивидуальные денотативные семы. Это позволило выделить в словарных дефинициях инвариантные и вариативные семантические признаки. К инвариантным были отнесены те компоненты лексического значения, которые зафиксированы в двух и более лексикографических изданиях, вариативными являются признаки, отраженные в одном словарном источнике. Кроме этого, отмечены прототипы для некоторых мифических птиц. Так, отдельные особенности реальных птиц (цвет оперения, ночной образ жизни, особенность высиживания яиц), благодаря воображению и склонности к мистицизму народного сознания, легли в основу создания образов мифических птиц.
Выделенные денотативные семантические признаки мифических птиц позволят в дальнейшем осмыслить глубину их индивидуально-авторского восприятия.
Ключевые слова: лексикографические источники, лингвокультурология, семантическая структура орнитонима, языковая картина мира, мифические птицы, прототипы мифических птиц.

ВВЕДЕНИЕ

Восприятие окружающей действительности находит отражение в языковой картине мира. По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, картина мира – это упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (или групповом / индивидуальном) сознании [23, с. 4]. С развитием науки, сменой исторической эпохи, меняется уровень познания человека и соответственно – его картина мира [23, с. 4].

Языковая же картина мира – это представления людей об окружающем мире, которые передаются посредством определенных единиц языка [23, с. 5]. На формирование языковой картины мира оказывает влияние национальная культура человека и особенности его родного языка, где зафиксированы определенные образы и понятия, с которыми он сталкивается на протяжении своей жизни [10, с. 45].

Кроме языковой картины мира, исследователи выделяют концептуальную, поэтическую [4] и художественную [22].

Птицы с древних времен представляли особый интерес для русского народа и наделялись волшебной силой. Отдельные номинации волшебных птиц были изучены в ряде исследований. Так, в статьях Е. Н. Зубковой проанализированы особенности изменения номинации *алконост* в русской языковой картине мира [14], рассмотрен такой фрагмент русской языковой картины мира, как греческие по происхождению номинации фантастических птиц, заимствованные из европейских культур через посредство французского, латинского или немецкого языков и, в основном, имеющие аналоги в других славянских языках (лексемы *гарпия, гриф, грифон, сирена, феникс*) [15]. В работе А. В. Петрова, Е. В. Виноградовой на материале лексикографических изданий XIX и XXI веков проанализирован образ *жар-птицы* [21]. Исследователи пришли к выводу о том, что *жар-птица* является мифологической птицей древних славян, подобна солнцу и имеет прототипы в культуре других народов.

Цель статьи – выявить лингвокультурологическую специфику номинаций мифических птиц на основе лексикографических источников. Предметом изучения являются словарные дефиниции лексем *алконост, сирин, гамаюн* и *феникс.* В качестве лексикографических изданий были использованы толковые, этимологические и мифологические словари, энциклопедии, энциклопедические и этнолингвистические словари и справочники. В общей сложности было учтено 29 лексикографических источников.

Новизна исследования заключается в том, что были проанализированы дефиниции лексических единиц *алконост, сирин, гамаюн* и *феникс,* представленные в 29-ти лексикографических изданиях, и выявлены их инвариантные и вариативные денотативные семантические признаки. Знание семантической структуры лексем, называющих мифических птиц, необходимо для следующего этапа исследования, связанного с изучением семантических процессов на материале художественной речи.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Мифическая птица ***алконост***

Одним из известных фантастических существ, пришедших в славянскую культуру из древнегреческой мифологии, является *алконост* – полуптица-получеловек.

Специалист в древнерусских названиях животных О. В. Белова полагает, что слово «алконост» произошло «в результате неправильного прочтения текста и дальнейшего закрепления погрешности на письме, баснословная птица получает собственное имя и становится Алконостом» [1]. Текстом, о котором говорит О. В. Белова, является список XIII века первой славянской энциклопедии – «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского и представляет собой искаженное алкуонъ естъ. Впоследствии эта форма укоренилась в виде аконостъ, алконосъ, реже – «алкионъ».

Алконост является «сказочной птицей с человеческим лицом» [6, с. 443; 13, т. 1, с. 44], изображалась на лубочных изделиях «полуптицей-полуженщиной» с короной на голове и держащей в руках цветы [13, с. 11–12; 25, с. 100]. Мифическую птицу

называют райской [13, с. 11–12], «жительницей Вырия (рая)» [36, с. 25], или Ирия – славянского рая [32, с. 13].

Сказано, что *Алконост* кладет яйца на берегу моря [20, с. 50; 33, с. 25] или в глубину моря [27, с. 20–21]. Однако эта мифическая картина не получает развитие, поскольку нет данных о появлении птенцов волшебной птицы.

Составители «Большой советской энциклопедии» считают, что происхождение термина «Алконост» связано с древнегреческим мифом, о девушке Алкионе, которая, бросившись в море, превратилась в алкион, что в переводе с греческого «αλκυόνη» значит «зимородок». Кроме этого, известно, что зимородок «детей высиживает в январе и феврале месяце» [28, ч. 1, стлб. 867−868], что, по всей видимости, и послужило названием птицы зимородок. Подтверждение находим и в Словаре В. И. Даля, где приводятся и другие названия этого орнитонима: «лединник», «новомесячник». Зимородок м. птичка иванок, лединник, алкид, алкион, мартынок, новомесячник? Alcedo ispida [12, т. 1, стлб. 683].

Поскольку во многих лексикографических источниках при описании *алконоста* упоминается зимородок [7, с. 376; 27, с. 20–21; 28, с. 24; 36, с. 25], эту птицу можно считать прототипом мифического *алконоста*.

В Словаре В. И. Даля представлена достаточно лаконичная характеристика объекта, в отличие от «Мифологического словаря» Г. Щеглова, в котором упоминается о размножении *алконоста*.

Таким образом, *алконост* – это мифическая птица, которой, согласно лексикографическим источникам, приписывают следующие признаки:

легендарная райская птица [32, с. 13; 36, с. 25]; райская птица [25, с. 100; 30, с. 13; 36, с. 25]; мифическая птица [25, с. 100]; сказочная птица с человеческим лицом /с женской головой [6, с. 443; 12, т. 1, с. 44; 36, с. 25]; прекрасное пение [6, с. 443, 36, с. 25]; несет яйца у моря [20, с. 50; 36, с. 25]; прототипом является зимородок [7, с. 376; 27, с. 20–21; 28, с. 24; 36, с. 25]; с короной на голове [13, с. 11–12; 25, с. 100]; с цветами в руках [25, с. 100].

Важно отметить, что птица *алконост* часто изображалась рядом с другой мифической птицей – *сирин* [20, с. 50], отличающейся от алконоста отсутствием короны, которую заменяет сияние вокруг головы [25, с. 100]. *Сирина* и *алконоста* называют птицами-сестрами [33, с. 25], однако зла от *алконоста* нет, в отличие от *сирина*. *Алконост* – «чудесная птица» с женским ликом, прекрасным и светлым, «как сама любовь» [32, с. 13].

Мифическая птица ***сирин***

В лексикографических изданиях содержатся различные сведения о лексеме «сирин». Так, в некоторых источниках сирина называют совой (с пометой этнографическое) или сравнивают с птицами филин, сыч и пугач (помета народное). Кроме этого, в народном сознании *сирин* укрепился как «символ несчастья, горя» [8, с. 415].

Важно обратить внимание на описание фантастической птицы в «Мифологических словарях», где сказано, что *сирин* – райская птица-дева [18, с. 492; 20, с. 919]. «От головы до пояса *сирин* – женщина несравненной красоты,

от пояса же – птица» [32, с. 284]. Из словаря «Славянская мифология. Энциклопедический словарь» под ред. С. М. Толстой узнаём, что «на лубочных изображениях XVII–XVIII вв.» *сирин* предстаёт в венце [27, с. 20–21], его часто называют сказочным существом [30, с. 156; 34, с. 627].

Чаще всего в словарях и энциклопедиях при описании птицы *сирин* упоминаются сова, филин [29, с. 150], сова, филин, пугач [12, т. 4, с. 192] или дается отсылка к орнитониму «сыч» [37, с. 4522], поэтому прототипом является не одна, а несколько птиц семейства совиные.

Составители «Большого энциклопедического словаря» под редакцией А. М. Прохорова считают, что лексема *сирин* произошла от греческих сирен, информация согласуется с «Мифологическим словарем»: в средневековой мифологии это райская птица-дева, образ которой восходит к древнегреческим сиренам. Однако далее говорится о том, что в западноевропейских легендах *сирин* является воплощением несчастной души [18, с. 492].

Таким образом, *сирин* – это мифическая птица, которой приписывают следующие признаки:

сказочная птица [30, с. 156; 34, с. 627]; мифическая птица [2, с. 228–229; 33, с. 25]; райская птица-дева [2, с. 228–229; 18, с. 492; 20, с. 919]; несчастная душа [20, с. 919]; символ несчастья, горя [8, с. 415]; птица печали [36, с. 25]; поёт чарующим голосом [20, с. 919; 36, с. 25];пленяет пением [2, с. 228–229]; чудесная райская птица [36, с. 25]; изображается с женской головой / лицом и грудью [32, с. 284; 36, с. 25]; с сиянием вокруг головы, с нимбом [2, с. 228–229; 25, с. 100].

Мифическая птица ***гамаюн***

Одним из отличительных признаков птицы *гамаюн* является ее способность предсказывать будущее. По мнению составителей ряда лексикографических источников, это «вещая птица», «глашатай богов» [29; 36, с. 206–207]. Она не имеет ног, поэтому находится «беспрестанно в движении» [2, с. 172; 28, с. 1179]. Подобно *сирину* и *алконосту*, *гамаюн* является райской птицей [2, с. 172; 28, с. 1179; 31, с. 10]. Когда летит *гамаюн*, с восхода солнечного приходит смертоносная буря [32, с. 58; 36, с. 206–207]. Кроме этого, согласно «Словарю славянской мифологии», птица лечит сердце, кровь, раны, обморожения, способствует восстановлению организма, прекрасно врачует заболевания, связанные с лимфатической системой [32].

Важно отметить, что лексема «гамаюн» в XVII в. являлась составной частью обращения к титулованным особам, что подчеркивает значимость фантастического существа: «Во царех светлообразнейшему избранному гамаюну подражательно» [31, с. 10].

Таким образом, *гамаюн* – мифическая птица, имеющая следующие признаки:

вещая птица [32, с. 58; 33, с. 206–207]; глашатай / посланник богов [32, с. 58; 36, с. 206–207]; знает всё на свете [32, с. 58]; райская птица [2, с. 172; 28, с. 1179; 31, с. 10]; мифическая [2, с. 172]; сказочная [31, с. 10]; поет божественный гимн [32, с. 58]; поёт чарующим голосом [36, с. 206–207]; с ярким, красивым оперением [31, с. 10]; не имеет ног [2, с. 172]; беспрестанно в движении [2, с. 172; 28, с. 1179]; может вызывать смертоносную бурю [32, с. 58; 36, с. 206–207].

Мифическая птица ***феникс***

С древних времён известна мифическая птица *феникс*, славящаяся своим бессмертием. Птица *феникс* и ее чудесное возрождение были описаны древними поэтами и историками Египта и Рима. Согласно древнегреческому историку Геродоту, египтяне почитали *феникса* как священную птицу. Сам он не видел птицу и описывает ее по фреске из гелиопольского храма: «Его оперение частично золотистое, а отчасти красное. Видом и величиной он более всего похож на орла» [11, с. 146–147].

О необычном возрождении птицы *феникс* упоминает и древнеримский поэт Публий Овидий Назон в поэме «Метаморфозы» [24, с. 373], в которой повествуется о том, что все живые существа происходят от семени себе подобных и «только одна возрождает себя своим семенем птица: “Феникс” ее ассирийцы зовут», т. е. птица *феникс* уникальна тем, что для рождения ей не нужна пара, как другим живым существам. «Выйдя из праха отца, возрождается маленький Феникс» – так описывает поэт появление мифической птицы.

В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» отмечается, что птица *феникс* «прилетает каждые 500 лет (по Плинию 540, по Марциалу 1000 и т.д.) из Аравии в Илиополь для погребения в храме бога Ра своего отца». По другой версии, птица *феникс* «прилетает в Илиополь, где её сжигают в благовониях», после этого *феникс* возрождается вновь сначала в виде гусеницы, которая превращается в птицу и возвращается в Аравию.

В словаре упоминается, что одни древнегреческие писатели сравнивали птицу *феникс* с орлом, другие – с птицей бенну, относящуюся к породе «голеностопных – ardea cinerea или purpurea» [5, с. 459]. Ardea – это цапля. Крупные птицы серой (cinerea) или рыжеватой (purpurea) окраски. Вдоль длинной тонкой шеи тянется цепочка черных пестрин. На затылке свисающий черный хохол. Концы крыльев черные [3, с. 93]. Название «феникс» произошло от названия финиковой пальмы – Phoenix (лат.) [38, с. 150]. Так, в некоторых лексикографических источниках толкование птицы *феникс* находим под номинацией «финик» [35, с. 195].

Феникс назван мифической священной птицей, которую почитали древние египтяне. Они считали, что птица способна возрождаться каждые 500 лет. «Впоследствии миф перешёл к христианам, и феникс служил символом вечного обновления».

Поскольку египтяне изображали птицу *феникс* в виде орла с красными и золотыми крыльями или в виде цапли [38, с. 150], ее прототипами можно считать двух этих птиц. Расхождение точек зрения связано также и с описанием жизненного цикла *феникса*. По одним преданиям птица жила 500 лет, по другим – возраст птицы мог достигать 540 и даже 1000 лет (по некоторым данным – 1460 лет или 12954 года) [20, с. 1026]. Кроме этого, в некоторых источниках сказано, что птица *феникс* сама себя сжигала в конце жизненного цикла [38, с. 150; 29, с. 1102–1103], но по другим данным ее сжигали в благовониях [20, с. 1026].

Уникальность мифической птицы послужила появлению другого значения номинации «феникс», что нашло отражение в некоторых источниках, где приводится второе значение, связанное с особенностями человека: «редкий, по дарованиям

своим, человек, более шуточно» [12, т. 4, стлб. 533] или с пометой «устар.» «о ком-, чем-л. единственном в своем роде» [33].

Таким образом, птица *феникс* – это волшебная, мифическая птица, сочетающая признаки орла и цапли, проживающая определённый цикл и сжигающая себя (сжигаемая), впоследствии возрождающаяся из пепла. Происхождение *феникса* связывают с Аравией или Эфиопией.

Феникс имеет следующие признаки:

мифическая [2, с. 257–258]; символ вечного обновления [33; 38, с. 150]; баснословная [12, т. 4, стлб. 533]; сказочная [33]; возрождается (через 500, 540, 1000 лет) [2, с. 254–258; 9, с. 459; 38, с. 150]; таинственное изображение нескончаемого бытия [29, стлб. 1102–1103]; золотистое и красное оперение [11, с. 146–147]; похож на орла [11, с. 146–147]; сравнивается с цаплей [9, с. 459].

Выделенные признаки позволяют выявить индивидуально-авторское восприятие мифических птиц в художественных и публицистических текстах. Так, анализ контекстов для номинации *сирин*, сгруппированных в поэтическом подкорпусе «Национального корпуса русского языка», свидетельствует об индуцировании новых семантических признаков, таких, как: двуликий (Н. А. Клюев. «Увы, увы, раю прекрасный...»); сизый (Н. Байтов. «Собери мой хворост, как возраст...»); только в огне пою! (М. И. Цветаева. «Что другим не нужно – несите мне...»); правит ветра слог (С. В. Кекова. Сон: «Да, кровь моя отравлена и плоть...»); серебряноголосый (В. Ф. Перелешин. Птицы: «Мой весел труд, и сон мой мирен...»); огневейный (Н. А. Клюев. Клеветникам искусства: «Я гневаюсь на вас и горестно браню...»); двуглавый (Н. А. Клюев. «Как лен, допрялася неделя...»); песнокрылый (Н. А. Клюев. «В зимы у нас баско...»); светлоокая и нежная (А. А. Ахматова «Ты поверь, не змеиное острое жало…»); с волнами густых кудрей (А. А. Блок. «Сирин и Алконост птицы радости и печали»).

Необычные эпитеты «двуликий» и «двуглавый» отсылают к двуликому богу Янусу в древнеримской мифологии. Одно его лицо было молодым и юным, считалось, что оно смотрит в будущее, другое – лицо мудрого старца с бородой, смотрящего в прошлое. Кроме этого, возможно, речь идет о совмещении в художественном контексте двух птиц – *сирина* и *алконоста*, которые, по сведениям лексикографических источников, часто упоминались вместе. Имя прилагательное «песнокрылый» свидетельствует о двух способностях *сирина* –умении петь и летать. Поэтический контекст содержит новое знание о пении и цветовой гамме *сирина* – «поет только в огне», «правит ветра слог», он «серебряноголосый», «сизый». Эпитеты «светлоокая и нежная» подчеркивают женскую сущность орнитонима, а словосочетание «густые кудри» напоминает о человеческой природе мифической птицы.

Следовательно, в художественных контекстах представлены новые семантические признаки фантастического орнитонима, свидетельствующие об индивидуальном восприятии автора.

ВЫВОДЫ

Таким образом, на основании лексикографических источников были выделены инвариантные и вариативные семантические признаки в толковании лексических единиц, которые отражают специфику мифической птицы, подчеркивают ее индивидуальность в сознании носителей языка.

Так, для мифической птицы ***алконост*** инвариантными являются следующие признаки: *райская птица, сказочная, с человеческим лицом / женской головой, прекрасное пение, несет яйца у воды, зимородок, с короной на голове,* вариативные признаки: *мифическая птица, с цветами в руках*; для мифической птицы ***сирин*** инвариантными выступают следующие признаки: *сказочная птица, мифическая, райская птица-дева, поет чарующим голосом; с женской головой, лицом и грудью; с сиянием вокруг головы,* вариативные признаки: *несчастная душа, символ несчастья, горя, птица печали, пленяет пением, чудесная райская птица*; для мифической птицы ***гамаюн*** инвариантными являются следующие признаки: *вещая птица, глашатай/посланник богов, райская птица, беспрестанно находится в движении, может вызывать смертоносную бурю,* вариативные признаки: *знает все на свете, мифическая, поет божественный гимн, поет чарующим голосом, с ярким, красивым оперением, не имеет ног*; для мифической птицы ***феникс*** инвариантными выступают следующие признаки: *символ вечного обновления, таинственное изображение нескончаемого бытия, возрождается через определённые промежутки времени, баснословная,* вариативные признаки: *сказочная, имеет золотистое и красное оперение, похож на орла.*

Кроме этого, многие мифические птицы, согласно исследуемому словарному материалу, имеют реальные прототипы.

Список литературы

1. *Бабенко В., Алексеев В, Белова О.* Животные. Растения: Мифы и легенды. – М.: Мир энциклопедий Аванта+: Астрель, 2007. – 255 с.
2. *Белова О. В.* Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. – М.: Индрик, 2001. – 318 с.
3. *Бёме Р. Л., Динец В. Л.* Птицы. Энциклопедия природы России – Изд. 2-е, дополненное и переработанное. – М.: ABF, 1998. – 432 с.
4. *Болотнова Н. С.* Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2003. – № 3–4. – С. 198–207.
5. Большая Советская энциклопедия: в 30-ти т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1970. – Т. 1. – 608 с.
6. Большая Российская энциклопедия: в 30-ти т. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2012. – Т. 20. – 767 с.
7. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания: в 22-х т. / под ред. С. Н. Южакова. – СПб.: Книгоиздательское т-во Просвещение, 1900. – Т. 1. – 800 с.
8. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания: в 22-х т. / под ред. С. Н. Южакова. – СПб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1904. – Т. 17. – 791 с.
9. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь: в 86-ти т. – СПб.: Типография АО «Издательское дело», 1890–1907. – Т. 35. – 480 с.

10. *Выродова А. С.* К вопросу о языковой картине мира // Русская филология. Украинский вестник. – № 1 (38). – Харьков: ООО «Альманах», 2009. – С. 45–47.
11. *Геродот*. История. – СПб.: Азбука, 2017. – 768 с.
12. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М., 1995.
13. *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). – М.: Вильде, 1898. – 1120 с.
14. *Зубкова Е. Н.* Ментализация лексемы *алконост* в русском языке // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – № 4. – С. 259–265.
15. *Зубкова Е. Н.* Особенности функционирования номинаций европейских фантастических птиц в русском языке // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2017. – № 4 (27). – С. 15–22.
16. *Кошарная С. А.* Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира: монография. – Белгород: Изд-во Белгородского гос. университета, 2002. – 288 с.
17. *Ладыгин М. Б.* Краткий мифологический словарь. – М.: Издательство НОУ «Полярная звезда», 2003. – 111 с.
18. *Мелетинский Е. М.* Мифологический словарь – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 672 с.
19. Мифологический словарь / ред. Г. В. Щеглов, В. Арчер. – М.: АСТ, 2007. – 366 с.
20. Мифы народов мира. Энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 1147 с.
21. *Петров А. В., Виноградова Е. В.* Фантастическая *жар-птица* в словарях и русских сказках // Гуманитарно-педагогическое образование. – Севастополь, 2019. – Т. 5, № 3. – С. 61–66.
22. *Петрова Л. А.* Лингвокогнитивные основы художественной картины мира: монография. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2006. – 284 с.
23. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Язык и национальная картина мира – Воронеж: Типография Воронежского гос. аграрного университета им. К. Д. Глинки, 2002. – 60 с.
24. *Публий Овидий Назон*. Метаморфозы. – М.: Худож. литература, 1977. – 432 с.
25. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 1: А – Г. – 575 с.
26. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общей ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2009. – Т. 4: Переправа через воду – Сито. – 656 с.
27. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под ред. С. М. Толстой, Т. А. Агапкиной, О. В. Беловой, Л. Н. Виноградовой, В. Я. Петрухина. – 2-е изд. – М.: Междунар. отношения, 2014. – 512 с.
28. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный (САР): в 6 ч. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1806. – Ч. 1. – 1310 с.
29. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный (САР): в 6 ч. – СПб. : Императорская Академия Наук, 1822. – Ч. 6. – 1478 с.
30. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 24-х вып. / гл. ред. Г. А. Богатова. – М.: Наука, 2000. – Вып. 24. – 257 с.
31. Словарь русского языка XVIII века: в 22-х вып. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. – М.: Наука, 1989. – Вып. 5. – 257 с.
32. Словарь славянской мифологии: учеб. пособие для сред. шк. и вузов / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведева. – Н. Новгород: Рус. купец : Братья славяне, 1995. – 367 с.
33. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой; РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4. – 797 с.
34. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – М.: Прогресс, 1973. – Т. 3. – 828 с.

35. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – М.: Прогресс, 1973. – Т. 4. – 856 с.
36. *Шапарова Н. С.* Краткая энциклопедия славянской мифологии: около 1000 статей – М.: АСТ; Русские словари, 2001. – 624 с.
37. Энциклопедический словарь Гранат: в 58 т. – М., 1891−1897. – Т. 20. – 960 с.
38. Энциклопедический словарь Гранат: в 58 т. – М., 1891–1897. – Т. 43. – 962 с.

References

1. Babenko V., Alekseev V, Belova O. *Zhivotnye. Rastenija: Mify i legendy* [Animals. Plants: Myths and legends]. M.: Mir jenciklopedij Avanta+: Astrel', 2007. 255 p.
2. Belova O. V. *Slavjanskij bestiarij: Slovar' nazvanij i simvoliki* [Slavic bestiary: Dictionary of names and symbols]. M.: Indrik, 2001. 318 p.
3. Bjome R. L., Dinec V. L. *Pticy. Jenciklopedija prirody Rossii – Izd. 2-e, dopolnennoe i pererabotannoe* [Birds. Encyclopedia of Nature of Russia – 2nd edition, supplemented and revised]. M.: ABF, 1998. 432 p.
4. Bolotnova N. S. *Pojeticheskaja kartina mira i ee izuchenie v kommunikativnoj stilistike teksta* [The poetic picture of the world and its study in the communicative stylistics of the text] *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. Novosibirsk, 2003, no. 3–4, pp. 198–207.
5. *Bol'shaja Sovetskaja jenciklopedija: v 30-ti t.* [The Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes]. Ed. by A. M. Prohorov. 3-e izd. M.: Sov. jenciklopedija, 1970, vol.1. 608 p.
6. *Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija: v 30-ti t.* [The Great Russian Encyclopedia: in 30 volumes]. – M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2012, vol. 20. 767 p.
7. *Bol'shaja jenciklopedija. Slovar' obshhedostupnyh svedenij po vsem otrasljam znanija: v 22-h t.* [A large encyclopedia. Dictionary of publicly available information on all branches of knowledge: in 22 volumes]. Ed. by S. N. Juzhakov. – SPb.: Knigoizdatel'skoe t-vo Prosveshhenie, 1900, vol. 1. 800 p.
8. *Bol'shaja jenciklopedija. Slovar' obshhedostupnyh svedenij po vsem otrasljam znanija: v 22-h t.* [A large encyclopedia. Dictionary of publicly available information on all branches of knowledge: in 22 volumes]. Ed. by S. N. Juzhakov. – SPb.: Knigoizdatel'skoe t-vo «Prosveshhenie», 1904, vol. 17. 791 p.
9. Brokgauz F. A., Efron I. A. *Jenciklopedicheskij slovar': v 86-ti t.* [Encyclopedic dictionary: in 86 volumes]. – SPb.: Tipografija AO «Izdatel'skoe delo», 1890–1907. – T. 35. – 480 s.
10. Vyrodova A. S. *K voprosu o jazykovoj kartine mira* [On the question of the linguistic picture of the world]. *Russkaja filologija. Ukrainskij vestnik. – № 1 (38).* – Har'kov: OOO «Al'manah», 2009, pp. 45–47.
11. Gerodot. *Istorija* [History]. SPb.: Azbuka, 2017. 768 p.
12. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4-h t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes]. M., 1995.
13. D'jachenko G. *Polnyj cerkovno-slavjanskij slovar' (s vneseniem v nego vazhnejshih drevnerusskih slov i vyrazhenij)* [Complete Church Slavonic dictionary (with the introduction of the most important Old Russian words and expressions into it)]. – M.: Vil'de, 1898. – 1120 s.
14. Zubkova E. N. *Mentalizacija leksemy alkonost v russkom jazyke* [Mentalization of the alkonost lexeme in the Russian language]. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija*, 2019, no. 4, pp. 259–265.
15. Zubkova E. N. *Osobennosti funkcionirovanija nominacij evropejskih fantasticheskih ptic v russkom jazyke* [Features of the functioning of the nominations of European fantastic birds in the Russian language]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki*, 2017, no. 4 (27), pp. 15–22.

16. Kosharnaja S. A. *Mif i jazyk: opyt lingvokul'turologicheskoj rekonstrukcii russkoj mifologicheskoj kartiny mira: monografija* [Myth and language: the experience of linguistic and cultural reconstruction of the Russian mythological picture of the world: monograph]. – Belgorod: Izd-vo Belgorodskogo gos. universiteta, 2002. 288 p.
17. Ladygin M. B. *Kratkij mifologicheskij slovar'* [A brief mythological dictionary]. – M.: Izdatel'stvo NOU «Poljarnaja zvezda», 2003. 111 p.
18. Meletinskij E. M. *Mifologicheskij slovar'* [Mythological dictionary]. – M.: Sov. jenciklopedija, 1990. 672 p.
19. *Mifologicheskij slovar'* [Mythological dictionary]. Ed. by G. V. Shheglov, V. Archer. – M.: AST, 2007. 366 p.
20. *Mify narodov mira. Jenciklopedija* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Ed. by S. A. Tokarev. – M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1980. 1147 p.
21. Petrov A. V., Vinogradova E. V. *Fantasticheskaja zhar-ptica v slovarjah i russkih skazkah* [The fantastic firebird in dictionaries and Russian fairy tales]. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*. – Sevastopol', 2019, vol. 5, no. 3, pp. 61–66.
22. Petrova L. A. *Lingvokognitivnye osnovy hudozhestvennoj kartiny mira: monografija* [Linguocognitive foundations of the artistic picture of the world: monograph]. – Simferopol': OAO «SGT», 2006. 284 p.
23. Popova Z. D., Sternin I. A. *Jazyk i nacional'naja kartina mira* [Language and the national picture of the world]. – Voronezh: Tipografija Voronezhskogo gos. agrarnogo universiteta im. K. D. Glinki, 2002. 60 p.
24. Publij Ovidij Nazon. *Metamorfozy* [Metamorphoses]. – M.: Hudozh. literatura, 1977. – 432 s.
25. *Slavjanskie drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar': v 5-ti t.* [Slavic antiquities: An Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Ed. by N. I. Tolstoy. – M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1995, vol. 1: A – G. 575 p.
26. *Slavjanskie drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar': v 5-ti t.* [Slavic antiquities: An Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Ed. by N. I. Tolstoy. – M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2009. – T. 4: Pereprava cherez vodu – Sito. 656 p.
27. *Slavjanskaja mifologija. Jenciklopedicheskij slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Ed. by S. M. Tolstaya, T. A. Agapkina, O. V. Belova, L. N. Vinogradova, V. Ja. Petruhin. – 2-e izd. – M.: Mezhdunar. otnoshenija, 2014. 512 p.
28. *Slovar' Akademii Rossijskoj, po azbuchnomu porjadku raspolozhennyj (SAR): v 6 ch.* [Dictionary of the Academy of the Russian Federation, according to the alphabetical order located (SAR): at 6 vols]. – SPb.: Imperatorskaja Akademija Nauk, 1806. – Ch. 1. 1310 p.
29. *Slovar' Akademii Rossijskoj, po azbuchnomu porjadku raspolozhennyj (SAR): v 6 ch.* [Dictionary of the Academy of the Russian Federation, according to the alphabetical order located (SAR): at 6 vols]. – SPb. : Imperatorskaja Akademija Nauk, 1822. – Ch. 6. 1478 p.
30. *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.: v 24-h vyp.* [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries.: in 24 issues]. Ed. by G. A. Bogatov. – M.: Nauka, 2000. – Vyp. 24. – 257 s.
31. *Slovar' russkogo jazyka XVIII veka: v 22-h vyp.* [Dictionary of the Russian language of the XVIII century: in the 22nd issue]. Ed. by S. Sorokin. – M.: Nauka, 1989. Vyp. 5. 257 p.
32. *Slovar' slavjanskoj mifologii: ucheb. posobie dlja sred. shk. i vuzov* [Dictionary of Slavic mythology: textbook. a manual for environments shcool and university]. Ed. by E. A. Grushko, Ju. M. Medvedev. – N. Novgorod: Rus. kupec : Brat'ja slavjane, 1995. 367 p.
33. *Slovar' russkogo jazyka: v 4-h t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Ed. by A. P. Evgen'eva; RAN, In-t lingvistich. issledovanij. – 4-e izd., ster. – M.: Rus. jaz.; Poligrafresursy, 1999, vol. 4. 797 p.
34. Fasmer M. *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4-h t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. M.: Progress, 1973, vol. 3. 828 p.

35. Fasmer M. *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4-h t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. – M.: Progress, 1973, vol. 4. 856 p.
36. Shaparova N. S. *Kratkaja jenciklopedija slavjanskoj mifologii: okolo 1000 statej* [A brief encyclopedia of Slavic mythology: about 1000 articles]. – M.: AST; Russkie slovari, 2001. 624 p.
37. *Jenciklopedicheskij slovar' Granat: v 58 t.* [The Garnet Encyclopedic Dictionary: in 58 volumes]. – M., 1891−1897, vol. 20. 960 p.
38. *Jenciklopedicheskij slovar' Granat: v 58 t.* [The Garnet Encyclopedic Dictionary: in 58 volumes]. – M., 1891–1897. vol. 43. 962 p.

LINGUISTIC AND CULTURAL SPECIFICS OF THE NOMINATIONS OF MYTHICAL BIRDS (ACCORDING TO DICTIONARIES AND ENCYCLOPEDIAS OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

Vinogradova E. V.

The article analyzes the nominations of mythical birds (alkonost, sirin, gamayun and phoenix) and reveals their denotative signs. It was found that the lexemes refer to borrowings from the Greek language. To trace the full picture of the reflection of mythical ornithonyms, mythological, historical, etymological dictionaries and encyclopedias of the Russian language were used. The leading method of research, therefore, is a component analysis of the lexical meaning of a word based on dictionary definitions. A comparative analysis of lexicographic sources indicates that constant and individual denotative semes are used in the presentation of the studied ornithonyms. This made it possible to distinguish invariant and variable semantic features in dictionary definitions. Those components of lexical meaning recorded in two or more lexicographic publications were attributed to invariant, the signs reflected in one dictionary source are variable. In addition prototypes for some mythical birds are noted. Thus, certain features of real birds (plumage color, nocturnal lifestyle, egg hatching feature), thanks to the imagination and propensity for mysticism of the national consciousness, formed the basis for creating images of mythical birds. The selected denotative semantic features of mythical birds will allow to further comprehend the depth of their individual author's perception.
Keywords: lexicographic sources, linguoculturology, semantic structure of an ornithonym, linguistic picture of the world, mythical birds, prototypes of mythical birds.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 2. С. 121–129.

УДК 81

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ В ПОЭЗИИ К. БАЛЬМОНТА

Калугина Т. В.

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь, Российская Федерация
E-mail: tvkalug@mail.ru

В статье рассмотрено функционирование отрицательных местоимений в поэзии К. Д. Бальмонта. Объектом рассмотрения в данной статье будут только отрицательные местоимения *никто, ничто, никакой, ничей, нисколько, никак, нигде, никуда, ниоткуда,* так как мы считаем слова *некого, нечего, негде, некуда* отдельным лексико-грамматическим разрядом, совмещающим признаки местоимений и безлично-предикативных слов и исключаем их из разряда отрицательных местоимений. Сравнивая лингвоцентрический и антропоцентрический подходы к отрицательным местоимениям, автор приходит к выводам об усложненной семантической структуре в поэтическом тексте. Отрицание и забвение в поэтическом мире К. Бальмонта тесно связаны. Лирический герой стремится получить забвение, присущее природной стихии. Выявлены такие характерные для К. Бальмонта приемы, как лексический повтор и сочетания отрицательных местоимений. Показана взаимосвязь отрицательных местоимений как средства выражения категории отрицания и дуалистической философии поэта. Метафизика отрицания, заключенная в префиксе *ни-*, чрезвычайно важна для поэта и противопоставлена обобщенности. Она взаимосвязана с забвением, небытием. Антиномия *всё – ничто* в поэтическом мире К. Бальмонта опирается на китайскую традиционную философию – даосизм и перекликается с антиномией *да – нет*.
Ключевые слова: местоимения, отрицательные местоимения, К. Бальмонт, великое Ничто, лирический герой, текстовый смысл.

ВВЕДЕНИЕ

Поэтический текст неизменно остается в фокусе зрения исследователей. Современных ученых интересует, как влияют экстралингвистические факторы на семантику языковых единиц. Как отмечает Н. М. Азарова, «XX век характеризуется сближением и взаимопроникновением философского и поэтического дискурсов; философский текст проявляет себя как инотипный текст, не являющийся антиподом художественного» [1, с. 9]. Влияние религиозно-философских идей на поэзию поэтов-символистов отмечено многими исследователями. Религиозные и философские идеи, мотивы, образы в художественном мире К. Д. Бальмонта глубоко рассмотрела Г. В. Цыкунова [9]. Она отметила, что «древнеиндийские и китайские учения привлекали Бальмонта не только необычностью и метафоричностью символико-мистических идей и образов этих религий, но и тем, что их общемировоззренческие основы в целом отвечали внутренним потребностям поэта» [9, с. 8].

Функционирование неопределенных местоимений в тексте было объектом изучения Л. А. Горшковой [4]. На проблему формирования текстовых смыслов на материале функционирования местоимений в дневниках обратила внимание О. В. Мякшева [6]. По её мнению, семантика местоимений, заявленная в рамках системноцентрической парадигмы, существенно корректируется в конкретных

текстах, и эта корректировка может быть систематизирована с учетом стилевых, жанровых и некоторых других характеристик текста [6, с. 289].

Мы, вслед за Е. Н. Сидоренко [8], считаем, что в современном русском языке отрицание в системе местоимений является одним из пяти типов прономинальной семантики. На основе семантики отрицания построено выделение в самостоятельный семантический разряд отрицательных местоимений. Традиционно сюда относят слова, имеющие местоименные корни в сочетании с приставками *не-* или *ни-*: *никто, никакой, ничей, нигде, никуда, никак, некогда, незачем, нечего, некого, неоткуда* и другие. Как известно, существует широкий и узкий взгляд на объем местоимений. Широкий подход включает местоимения, категориально соотносительные с наречиями. Узкий считает их «местоименными наречиями», что отражено в школьной программе и учебниках. Мы считаем, что это создает дополнительные трудности для методики обучения русскому языку как родному, так как нарушает внутреннюю логику выделения местоимений как части речи, которая служит ядром языковой категоризации по выражаемым языковым смыслам «предметность», «признак предмета», «количество», «признак признака».

Необходимо подчеркнуть разницу в семантике отрицательных местоимений с префиксом *ни-* и местоименно-предикативных контаминантов с префиксом *не-*. Префикс *ни-* имеет значение отрицания самого языковых смыслов «предмета», «признака», «времени», «места», «количества». Мы считаем слова *некого, нечего, негде, некуда* отдельным лексико-грамматическим разрядом, совмещающим признаки местоимений и безлично-предикативных слов и исключаем их из разряда отрицательных местоимений [5]. Поэтому объектом рассмотрения в данной статье будут отрицательные местоимения *никто, ничто, никакой, ничей, нисколько, никак, нигде, никуда, ниоткуда* в поэзии представителя «серебряного века» Константина Дмитриевича Бальмонта.

Актуальность исследования заключается в рассмотрении отражения через призму отрицательных местоимений особенностей религиозно-философского мировосприятия поэта.

Цель статьи – рассмотреть роль смысловых коннотаций отрицательных местоимений в поэзии яркого представителя Серебряного века К. Д. Бальмонта, которые ранее не были объектом изучения.

Художественно-философский потенциал отрицания как философско-языковой категории отражается в отрицании языкового смысла, являющегося ономасиологическим базисом. Префикс *ни-* выступает в роли ономасиологического признака отрицательных местоимений. *Никто* – отрицание бытия лица, *ничто* – отрицание бытия предмета, *никакой* – отрицание признака предмета, *ничей* – отрицание принадлежности предмету, *нисколько* – отрицание количества, *никак* – отрицание образа и способа действия, *нигде* – отрицание места, *никуда* – отрицание направления в конечную точку движения, *ниоткуда* – отрицание направления из конечной точки движения. Однако это общеязыковые смыслы отрицательных местоимений. В художественной речи мы встречаем как общеязыковые, так и индивидуально-авторские смыслы, которые выходят за рамки номинации в

метафизическую реальность внутреннего мира автора. Обратимся к рассмотрению этой внутренней реальности.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Как уже говорилось, семантически группа отрицательных местоимений характеризуется тем, что указывает на отрицание предметов, признаков, количеств, признаков признаков. Грамматические отрицательные местоимения характеризуются категориальной соотносительностью с именами существительными, именами прилагательными, именами числительными, наречиями. Отрицательное местоимение *никто* категориально соотносится с именем существительным, то есть передает отрицание предмета в широком смысле слова. Далее это отрицание включает отрицание предмета в узком смысле и отрицание лица. Экзистенциальная оторванность от других людей выражается в стихотворении К. Бальмонта «В тюрьме». Основной мотив – забытость, оставленность друзьями в стране, «где лишь варвары, звери да ночь»:

...Мы забыли о солнце, звездах и луне,
*И **никто** нам не может помочь* (2, с. 63).

Как первооткрыватель заявляет себя поэт в стихотворении «Проповедникам», прибегая к использованию местоимения *никто* в Творительном падеже, говоря о полногласности сонета, «не найденной пока еще никем!» (2, с. 67).

В общеязыковом смысле местоимение *никто*, как говорилось, служит для отрицания лица:

Он вдруг, без всякой видимой причины,
Лишился вкуса, отдыха и сна,
*Но **никому** не сказывал причины* (2, с. 43).

Трагическое одиночество и оторванность лирического героя от людей присутствуют и в стихотворении «К Лермонтову». Поэт стоит выше других людей, за что его душа несет невыразимые и непонятные другим людям муки. К. Бальмонт использует антитезу, чтобы выразить причины любви к творчеству М. Ю. Лермонтова. С одной стороны, он отмечает гениальность поэта, с другой стороны, не она служит причиной любви, а тоска и страстный пыл «***ни с кем** не разделяемых мучений, За то, что ты нечеловеком был*» (2, с. 75).

Категория отрицания здесь ярко выражена разными способами: и отрицательным словом *нет*, и отрицательной частицей *не*, и усилением отрицания в отрицательном местоимении, и префиксом *не-* в окказионализме *нечеловек*. Благодаря этом языковым средствам К. Бальмонту удалось тонко передать противопоставленность поэта толпе бездушных людей с их мелкими страстями.

Таким же возвышенно-одухотворенным предстает образ поэта в стихотворении «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце…». Ощущающий власть над миром, победивший «холодное забвенье», герой «исполнен откровенья» и стоит выше других людей благодаря этому, что подчеркивается лексическим повтором отрицательного местоимения *никто*:

Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто (2, с. 84).

Местоимение ничто. Однако в творчестве К. Бальмонта это отрицание выходит далеко за рамки обычного языкового значения. Формируется романтическая антитеза «бытие – небытие». В стихотворении «В тюрьме» реальный мир – вечная тюрьма, в которой отрицание становится жуткой пустотой, подчеркнутой лексическим повтором отрицательного местоимения *ничего*. Дополнительными средствами выразительности становятся эпитеты «холодный и грязный пол» и «вечная тюрьма».

И упорно и долго глядим в полумглу:
Ничего, ничего *в этой тьме!*

Отождествляя себя с этим местоимением, поэт отождествляет себя с небытием. Таким образом, художественный текст выходит за рамки языкового смысла в метафизическую реальность.

И я ***ничто*** *– зверям незрячим,*
Но зренью светлых – я расцвет! (2, с. 34).

Отсутствие желаний и смерть объединяются в единое целое:

Можно жить с закрытыми глазами,
Не желая в мире ***ничего****,*
И навек проститься с небесами,
И понять, что все вокруг мертво (2, с. 56).

Еще далее в небытие уводит местоимение *ничто*, синонимичное по смыслу слову *безвестность*, в стихотворении «Песнь араба»:

Есть странная песня араба, чье имя – ***ничто****.*
Мне сладко, что этот поэт меж людей неизвестен (2, с. 158).

Но, пожалуй, наиболее метафизично звучит местоимение «ничто» в стихотворении «Великое Ничто», где под ним подразумевается понятие китайской философии эпохи Сун (960 – 1279). Оно приводится в виде реминисценции из повествования Чванг-Санга (Чжуан-цзы), оформленном при помощи кольцевой композиции. Необходимо также отметить насыщенность местоимениями разным семантических разрядов, что говорит о значимости этого лексико-грамматического разряда слов для поэта. В стихотворении используется и неопределенное местоимение *кто-то*, и местоименно-союзный контаминант *кто*, и личные местоимения 1-го и 2-го лица *я* и *ты*:

Там смутный кто-то, – я не знаю кто, –
Ронял слова печали и забвенья:
«Бесчувственно ***Великое Ничто****,*
В нем я и ты – мелькаем на мгновенье.
<…>
Бесчувственно Великое Ничто,
Земля и небо – свод немого храма.
Я тихо сплю, – я тот же и ***никто****,*
Моя душа – воздушность фимиама» (2, с. 134).

Как отмечает П. В. Пороль, «в основе создания стихотворения «Великое Ничто» лежит китайская философская идея небытия, восприятие поэта основывается на

глубоких знаниях культуры и философии Китая» [7, с. 7]. В истории европейской философии «Ничто» являлось средством создания панлогизма бытия, преодоления «забвения бытия», выявления сущности сознания [3, с. 42]. Выскажем предположения о том, что в философии К. Д. Бальмонта соединены и китайское «Великое Ничто», и ницшеанское «Ничто» как способ преодоления бренности мира.

Местоимения как часть речи характеризуются прономинальным способом отражения действительности, при котором за словом не закреплено определенное содержание, однако у К. Д. Бальмонта мы наблюдаем переход от прономинального способа отражения к номинативному и даже более того – к имени собственному, обладающему уникальным значением. Превращение местоимения в оним отражает символическое мировосприятие поэта. Можно говорить о том, что в поэзии К. Бальмонта мы встречаем две ипостаси местоимения *ничто* – общеязыковую и индивидуально-авторскую, имеющую глубокое философское наполнение. Без понимания особенностей мировосприятия поэта, смысл стихотворения ускользает от читателя.

Отрицание и забвение в поэтическом мире К. Бальмонта тесно связаны. Лирический герой стремится получить забвение, присущее природной стихии. Поэт использует риторическое обращение к ветру с просьбой дать ему забвение:

О неверный! Ветер, ветер,
Ты не помнишь ***ничего*** (2, с. 99).

Забвение приносит не только ветер, но и солнечный луч, пронзающий мозг:

Гляжу на мир. Не помню ***ни о чем*** (2, с. 144).

В стихотворении «В домах» поэт проводит параллель между категорией состояния «ничего», обозначающей нормальное состояние объекта, и отрицательным местоимением «ничего», обозначающим отрицание предметов:

*«Ну, что же, ты счастлив?» – «Да что ж…****Ничего****…»*
О да, ***ничего*** *нет нелепей!* (2, с. 107).

Местоимение ничей. Описывая пение в царстве «бледных дев» в стихотворении «С морского дна», К. Бальмонт подчеркивает антитезу «всех – ничей» как единство противоположностей:

И песня дев звучит во сне,
И тот напев ***ничей****.*
Ничей, ничей *и вместе – всех,*
Они во всем равны,
Один у них беззвучный смех
И безразличны сны (2, с. 92).

Отметим, что эта же антитеза присуща раздвоенной душе поэта:

Я – внезапный излом,
Я – играющий гром,
Я – прозрачный ручей.
Я – для всех и ***ничей*** (2, с. 102).

Делая отрицательное местоимение «ничей» ключевым словом, поэт подчеркивает это эпифорой и лексическим повтором. В стихотворении «Семицветник» первая строфа описывает ручей, отрицая его принадлежность кому-либо:

А в трепете лучей поёт еще звончей,
Как будто говоря, что он ***ничей, ничей*** (2, с. 117).

Проводя параллель между ручьем и Люси Савицкой, которой посвящено стихотворение, поэт вновь использует этот прием:

Твоя душа – напев звенящего ручья,
Который говорит, что ты ***ничья, ничья*** (2, с. 117).

Местоимение никак. Особое значение, вкладываемое поэтом в отрицание бытия и его качеств, им осознается в языковой рефлексии, средством выражения которой становится парцелляция внутри предложения:

Я в мире всем невольный враг,
Всей жизнию своей,
И не могу не быть – ***никак*** *–*
Вплоть до исхода дней (2, с. 62).

Местоимение никогда. Отрицательное местоимение *никогда* обозначает отрицание времени и передает боль о прожитых годах и о растраченном впустую времени.

Все, чем жил с тревогой, с наслаждением,
Все, на что надеялась любовь,
Проскользнуло быстрым сновидением,
Никогда не вспыхнет вновь (2, с. 27).

В сонете «Разлука» поэт рассказывает о скитаниях лирического героя, о поисках метафизического смысла бытия, которого жаждет измученная душа. Стихотворение построено на мотиве дороги и антитезе родной и чужой стороны. Бродягу гонит в путь поиск ожидаемого инобытия. Но все надежды тщетны, что подчеркивается лексическим повтором местоимения *никогда*:

Передо мной мелькают города,
Деревни, села с их глухим страданьем,
Но ***никогда****, о сердце,* ***никогда***
С своим я не встречался ожиданьем (2, с. 70).

Однако есть и прямо противоположный смысл у данного местоимения. Именно в инобытии поэт находит вечность и неизменность вне времени и пространства:

Я покажу вам то, одно,
Что ***никогда*** *вас не изменит,*
Как камень, канувший на дно,
Верховных волн собой не вспенит (2, с. 76).

О вечности говорится и в стихотворении «И да и нет», само название которого уже подчеркивает экзистенциальный философский вопрос о бытии и пакибытии, в котором, по мнению поэта, обретут единство как стихии, так и люди, и даже демоны:

И демоны, встретясь с забытыми братьями,
С которыми жили когда-то всегда,
Восторженно встретят друг друга объятьями, -
И день не умрет ***никогда, никогда!*** (2, с. 80).

Чтобы подчеркнуть мысль о том, что земное бытие окутано мистической тайной, К. Бальмонт в стихотворении «Колдунья» делает ключевым отрицание его постижения:

Что сделал потом я? Что думал тогда?
Что было, что стало со мной?
Об этом не знать ***никому никогда***
Во всей этой жизни земной (2, с. 150).

В стихотворении «Голубая роза», посвященном озеру Люцерн, сочетание отрицательных местоимений *никто никогда* передает вневременность того мира, который временно доступен живому человеческому глазу:

Для кого расцвела ты, красавица вод?
Этой розы ***никто никогда*** *не сорвет.*
В водяной лепесток – лишь глядится живой,
Этой розе дивясь мировой (2, с. 153).

Повтор местоимения *никогда* в стихотворении «Песня араба» в сочетании с однокоренным глаголами разного вида и времени соединяет в одну нить трагическую судьбу поэта:

Он пел: «Я любил красоту. А любила ль она,
О том ***никогда*** *я не знал,* ***никогда*** *не узнаю»* (2, с. 159).

Местоимение нигде. Беседуя с Солнцем, поэт обращается к нему вопросом и получает неоднозначный, двоякий ответ, отражающий раздвоенность сознания лирического героя и романтическое двоемирие:

– Где ж твой тихий угол? – Нет его ***нигде.***
Он лишь там, где взор твой устремлен к звезде.
Он лишь там, где светит луч твоей мечты.
Только там, где солнце. Только там, где ты (2, с. 112).

ВЫВОДЫ

Изученный материал позволяет сделать следующие выводы о роли отрицательных местоимений в творчестве К. Бальмонта. Отрицательные местоимения являются одним из средств выражения категории отрицания в поэзии Константина Дмитриевича. Их семантическая значимость осознается поэтом и подчеркивается лексическими повторами или использованием сочетания отрицательных местоимений. По выражаемому смыслу отрицательные местоимения могут выходить за рамки лингвоцентричности в антропоцентричность и отражать внутренние духовные искания лирического героя. Метафизика отрицания,

заключенная в префиксе *ни-*, чрезвычайно важна для поэта и противопоставлена обобщенности. Она взаимосвязана с забвением, небытием. Антиномия *всё – ничто* в поэтическом мире К. Бальмонта опирается на китайскую традиционную философию – даосизм и философию Ницше и перекликается с антиномией *да – нет*. Особо значимым для поэта является местоимение *ничто,* которое становится именем собственными и обозначает философскую категорию. Таким образом, можно говорить о том, что в индивидуально-авторской парадигме К. Бальмонта отрицательные местоимения занимают важное место, становясь частью дуалистической символистской философии автора. Ядром категории небытия выступает Ничто. В дальнейшей перспективе необходимо более глубоко исследовать соотношение утверждения и отрицания и их связь с бытийностью в лирике К. Бальмонта, а также рассмотреть семантические параллели в поэзии других представителей Серебряного века.

Список литературы

1. *Азарова Н. М.* Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст). – М.: Гнозис/Логос, 2010. – 496 с.
2. *Бальмонт К. Д.* Стихотворения. – М. : Худож. лит., 1990. – 397 с.
3. *Воропаев Д. Н.* Смысл понятия «Ничто» в истории европейской философии: Гегель, Хайдеггер, Сартр // Манускрипт. – 2016. – №11–1 (73). – С. 40–43.
4. *Горшкова Л. А.* Неопределенные местоимения в художественном тексте // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства и способы выражения: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МГОУ, 2004. – С. 142–145.
5. *Калугина Т. В*. Прономинально-предикативные контаминанты современного русского языка // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2001. – № 23. – С. 210–214.
6. *Мякшева О. В.* «Наращение» или создание смысла в тексте (на материале функционирования местоимений в текстах одного автора) // Экология языка и коммуникативная практика. – 2015. – №2. – С. 287–301.
7. *Пороль П. В*. Образ Китая в стихотворении К. Бальмонта «Великое Ничто» // Litera. – 2020. – №9. – С. 1–10.
8. *Сидоренко Е. Н.* Очерки по теории местоимений современного русского языка. – К.; Одесса: Лыбидь, 1990. – 148 с.
9. *Цыкунова Г. В.* Религиозные и философские идеи, мотивы, образы в художественном мире К. Д. Бальмонта: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2005. – 28 с.

References

1. Azarova N. M. *Jazyk filosofii i jazyk pojezii – dvizhenie navstrechu (grammatika, leksika, tekst)* [The language of philosophy and the language of poetry – a movement towards (grammar, vocabulary, text)]. M., Gnozis/Logos, 2010. 496 p.
2. Bal'mont K. D. *Stihotvorenija* [Poems]. M., Hudozh. lit., 1990. 397 p.
3. Voropaev D. N. *Smy`sl ponyatiya «Nichto» v istorii evropejskoj filosofii: Gegel`, Xajdegger, Sartr* [The meaning of the concept of "Nothing" in the history of European philosophy: Hegel, Heidegger, Sartre]. Manuskript. 2016. №11–1 (73). Pp. 40–43.
4. Gorshkova L. A. *Neopredelennye mestoimenija v hudozhestvennom tekste* [Indefinite pronouns in a literary text]. Racional'noe i jemocional'noe v jazyke i rechi: sredstva i sposoby vyrazhenija: Mezhvuz. sb. nauch. tr. M., MGOU Publ., 2004. Pp. 142–145.
5. Kalugina T. V. *Pronominal'no-predikativnye kontaminanty sovremennogo russkogo jazyka*

[Pronominal-predicative contaminants of the modern Russian language]. Kul'tura narodov Prichernomor'ja. Simferopol', 2001. № 23. Pp. 210–214.
6. Mjaksheva O. V. *«Narashhenie» ili sozdanie smysla v tekste (na materiale funkcionirovanija mestoimenij v tekstah odnogo avtora)* ["Building up" or creating meaning in the text (based on the material of the functioning of pronouns in the texts of one author)]. Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika. 2015. №2. Pp. 287–301.
7. Porol' P. V. *Obraz Kitaja v stihotvorenii K. Bal'monta «Velikoe Nichto»* [The image of China in K. Balmont's poem "The Great Nothing"]. Litera, 2020. №9. Pp. 1–10.
8. Sidorenko E. N. *Ocherki po teorii mestoimenij sovremennogo russkogo jazyka*. [Essays on the theory of pronouns of the modern Russian language]. K. ; Odessa: Lybid', 1990. 148 p.
9. Cykunova G. V. *Religiozny`e i filosofskie idei, motivy`, obrazy` v hudozhestvennom mire K. D. Bal`monta* [Religious and philosophical ideas, motives, images in the artistic world of K. D. Balmont]. Avtoref. dis. … kand.filol.nauk. M., 2005. 28 p.

NEGATIVE PRONOUNS IN THE POETRY OF K. BALMONT

Kalugina T. V.

The article examines the functioning of negative pronouns in the poetry of K. D. Balmont. The object of consideration in this article will be only negative pronouns, such as nobody, no one, nothing, nowhere, since the author considers the other similar words to be a separate lexico-grammatical category combining the signs of pronouns and impersonal predicative words and exclude them from the category of negative pronouns. Comparing linguocentric and anthropocentric approaches to negative pronouns, the author comes to conclusion about the complicated semantic structure in the poetic text. Denial and oblivion in the poetic world of K. Balmont are closely connected. The lyrical hero strives to get the oblivion inherent in the natural element. Such techniques characteristic of K. Balmont as lexical repetition and combinations of negative pronouns are revealed. The interrelation of negative pronouns as a means of expressing the category of negation and the dualistic philosophy of the poet is shown. The metaphysics of negation contained in the prefix ni- is extremely important for the poet and is opposed to generality. It is interconnected with oblivion, non-existence. The antinomy of everything – nothing in the poetic world of K. Balmont is based on the Chinese traditional philosophy – Taoism and echoes the antinomy of yes – no.
***Keywords**:* pronouns, negative pronouns, K. Balmont, great Nothingness, lyrical hero, textual meaning.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 2. С. 130–148.

УДК 81'367.7

Памяти профессора
Валентина Ильича Зимина

СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ОБРАЗНО-КОМПАРАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ (К ВОПРОСУ О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СВЯЗАННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ)

Огольцева Е. В.

Институт филологии (структурное подразделение) ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», ЧОУ «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет», Москва, Российская Федерация
tertiumcomp@mail.ru

В статье рассматриваются словосочетания, образованные по модели «относительное (притяжательное) прилагательное + существительное». Анализируются случаи проявления образно-компаративного значения у таких словосочетаний и ставится вопрос о «свободе» / связанности» адъективного компонента в их составе. Поскольку во многих случаях субстантивно-адъективные сочетания типа *медвежья неуклюжесть, бычья сила, осиная талия* и т. п. оказываются синонимичными устойчивым сравнениям с той же образной основой, такие проявления семантической соотносительности подвергаются в статье детальному анализу. Рассмотрены компоненты-прилагательные, образованные на базе существительных разных лексико-семантических групп, предпринята попытка типизации словосочетаний с этими компонентами по степени идиоматичности. Автор приходит к выводу, что словосочетания исследуемой модели во многих случаях могут быть квалифицированы как формально-компаративные варианты соотносительных с ними «прототипических» компаративных единиц – устойчивых сравнений. С другой стороны, есть основания для рассмотрения подобных сочетаний как фразеологических. Выявлены факторы, влияющие на процесс фразеологизации образно-компаративных значений относительных прилагательных, а также те особенности, которые отличают фразеологические сочетания данного типа от «классических» случаев типа *закадычный друг, перочинный нож* и пр. Поставленные в статье проблемы имеют непосредственный выход в лексикографическую практику: актуальной задачей является разработка приемов семантизации компаративных фразеологических сочетаний в лингвистических словарях.
Ключевые слова: структурно-компаративный вариант, фразеологическое сочетание, адъективный компонент, компаративное значение, устойчивое сравнение, фразеологически связанное значение.

ВВЕДЕНИЕ

Типология лексических значений, – несомненно, одна из основных проблем лексикологии как научной дисциплины. К этому вопросу обращались такие авторитетные ученые, как В. В. Виноградов, Н. М. Шанский, Д. Н. Шмелев, П. Н. Денисов, М. В. Никитин и мн. др. Лексические значения исследуются по характеру их соотношения с предметами и явлениями действительности (прямые, переносные, экспрессивно-синонимические) и по поведению в синтагматическом ряду, то есть по характеру лексической сочетаемости (свободные, лексически связанные, фразеологически связанные) [3]; распределяются по семиологическим классам слов [24], классифицируются по соотношению денотативного и сигнификативного компонентов [23]. Пожалуй, наиболее дискуссионным оказался

критерий лексической сочетаемости. В самом деле, любые попытки анализа лексических значений с позиций свободы – связанности неизбежно наталкиваются на нерешенность целого ряда вопросов «смежной» лингвистической дисциплины – фразеологии: языковой статус словосочетаний, в составе которых один из компонентов характеризуется связанным значением; разграничение лексической и фразеологической связанности; круг возможных компонентов – «партнеров» слова с фразеологически связанной семантикой и др.: [2, с. 65–70; 7, с. 90–95; 13, с. 30–61].

Так называемые фразеологические сочетания (далее ФС), в которых реализуются связанные значения слов, продолжают оставаться малоисследованным участком современной фразеологии. В. В. Виноградов, широко трактовавший фразеологическую связанность, полагал, что 1) подобное значение может быть как единственным в семантической структуре слова-моносеманта, так и одним из значений многозначного слова; 2) основной признак данного типа значений – «отсутствие глубокого и устойчивого понятийного ядра»; 3) такие значения могут проявляться в сочетаниях со строго определенными словами [3, с. 176]. В последующие годы анализируемое нами понятие стало употребляться в более узком смысле: фразеологически связанным стало считаться лишь такое значение, которое реализуется с предельно ограниченным кругом лексических единиц (ср. *окладистая борода, закадычный друг, проливной дождь* и т.п.). Вместе с тем наряду с этими, наиболее яркими и типичными, случаями в качестве фразеологических сочетаний стали рассматриваться и глагольно-именные сочетания, или «вербоиды»: *нести службу, дать анализ, иметь значение* и т.п. [4–6; 21].

Возвращаясь к виноградовской широкой трактовке «связанного значения», считаем уместным поставить вопрос о правомерности отнесения к фразеологическим сочетаниям единиц типа *заячья трусость, адская жара, ангельская кротость, медвежья неуклюжесть, петушиная задиристость* и т.п. Специфика подобных сочетаний в последние десятилетия рассматривается в работах, посвященных проявлениям образно-компаративного (сравнительного) значения на словообразовательном уровне [17–20]. Однако сохраняет актуальность установление связей подобных сочетаний с системой устойчивых сравнений русского языка (далее УС) и, в связи с этим, разграничение свободных, фразеологически и лексически связанных значений адъективного компонента.

Цель данной статьи – рассмотреть факторы, определяющие природу образно-компаративных значений отсубстантивных прилагательных; наметить типологию этих единиц по степени и характеру связанности значений слов, выражающих зависимый компонент.

Поворот современной фразеологической науки к проблемам функционирования фразеологических единиц (далее ФЕ), к историко-этимологическому анализу их семантики, интерес к лингвокультурологическим, когнитивным, сопоставительным аспектам устойчивых выражений – все эти факторы, на наш взгляд, вдохнули новую жизнь в основные «мотивы» лексико-фразеологической семантики (в том числе в решение вопроса о фразеологической связанности) [1; 12; 25]. Применительно к нашему **объекту анализа** – компаративно-производным отсубстантивным прилагательным и закономерностям их сочетаемости – весьма актуальным в

теоретическом плане представляется анализ тех участков действительности, которые охватываются субстантивно-адъективными сочетаниями с семантикой образного сравнения, а также тех фрагментов знаний о мире, которые они репрезентируют в русском языке. **Практическая значимость** сочетаний типа *бархатные глаза, ослиное упрямство, металлический голос* непосредственно связана с лексикографической практикой. Возрастающий с каждым годом интерес ученых к сопоставительному исследованию фразеологических картин мира делает чрезвычайно актуальной задачей создание Учебных словарей компаративных сочетаний для иностранных учащихся.

Поставленная нами проблема связана с такими фундаментальными вопросами фразеологической теории, как механизм фразообразования, анализ образной основы ФЕ – её внутренней формы, степень идиоматичности устойчивых сочетаний, «семантический вклад» составляющих их слов-компонентов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В работах, посвященных компаративному словообразованию в системе отсубстантивной деривации, компаративное значение рассматривается как разновидность словообразовательных (деривационных) значений, регулярно проявляющаяся у отсубстантивных производных слов определенных моделей. В системе прилагательного компаративные модели охватывают сферу суффиксации: основа сущ. + -н, -ов/-ев, -ск, -ист, -чат, -ан/-ян, -оват/-еват, -видн(ый), -образн(ый), подобн(ый): *атлас**н**ый, эфир**н**ый, сталь**н**ой; василь**ков**ый, перламутр**ов**ый, кремн**ев**ый; лакей**ск**ий, донжуан**ск**ий, купече**ск**ий; дерев**янист**ый, пружин**ист**ый, травян**ист**ый; зуб**чат**ый, труб**чат**ый, лап**чат**ый; олов**янн**ый, серебр**ян**ый; смол**ян**ой; мешк**оват**ый, мужик**оват**ый, слон**оват**ый; груше**видн**ый, стекло**видн**ый; ското**подобн**ый, веерообразный, скелетообразный* [18]. Если имена прилагательные с аффиксоидами -видн(ый), -образн(ый) и подобн(ый) несут исключительно образно-компаративную компаративную семантику и не зависят в этом отношении от ближайшего контекстного окружения, то слова остальных моделей наряду с образно-компаративным деривационным значением способны проявлять и другие значения. Именно последний случай – компаративные значения, обусловленные условиями сочетаемости, и являются объектом наших наблюдений.

Многие из выше названных прилагательных характеризуются богатой валентностью: они могут выражать значение образного сравнения в сочетаниях с очень большим кругом существительных. Ср. некоторые сочетания, по данным «Национального корпуса русского языка» (далее НКРЯ) [15]: *бархатный сезон, бархатный период, бархатный разрыв, бархатный переворот, бархатный луч солнца, бархатный мёд, бархатный шмель, бархатная шерстка, бархатная кожа, бархатный луг, бархатный газон, бархатный цветок, бархатные глаза, бархатные брови, бархатная травка, бархатный уголь, бархатные листья, бархатный тембр, бархатный голос, бархатный бас, бархатный тенор, бархатный баритон, бархатный аккорд, бархатный шум, бархатный гул* и проч. Вместе с тем в этом ряду есть сочетания, претендующие на устойчивость в большей мере, чем остальные, к примеру, *бархатная кожа* или *бархатная шерстка.*

Одним из факторов, влияющих на «законность» квалификации подобных сочетаний как относительно устойчивых, является живая связь с системой устойчивых сравнений: *бархатная кожа (шёрстка) – как (словно, точно) бархат* ‘1. Мягкий, нежный, лоснящийся, эластичный. О теле, коже, волосах человека, шерсти животного’ [16, с. 49]; *агатовые глаза – как (словно, точно) агат* ‘Чёрный. Чёрный с блеском. Преим. о глазах человека’ [Там же, с. 28]; *верблюжья выносливость – как (словно, точно) верблюд* ‘Выносливый, неприхотливый, способный не пить и не есть длительное время. О человеке’ [Там же, с. 88]; *журавлиные ноги – как (словно, точно) у журавля* ‘Длинные, тощие. О ногах человека’ [Там же, с. 184]; *льняные волосы – как (словно, точно) лен* ‘1. Белый, светлый, белесый. О волосах на голове человека’ [Там же; с. 317]. Количество УС, которые обнаруживают подобную связь с субстантивно-адъективными сочетаниями, довольно внушительно: их более трехсот. В подобных случаях мы имеем дело со своеобразной синонимией цельнооформленных и раздельнооформленных компаративных конструкций, причем отсубстантивное прилагательное функционально сближается со сравнительной частью устойчивого сравнения: *снежный – как снег, шелковый – как шелк, смоляной – как смоль, мертвецкий – как мертвец, резиновый – как резина* и проч. Естественно, что для подобных соответствий первостепенное значение имеет регулярное воспроизведение у субстантивно-адъективного сочетания тех же признаков-оснований, которые характеризуют раздельнооформленную компаративную структуру. Подобная коррелятивность «синтетических» и «аналитических» единиц с семантикой образного сравнения подробнее проанализирована в работах: [19; 20].

По нашим наблюдениям, в качестве образов в структуре подобных компаративных синонимов могут выступать существительные самых разных лексико-семантических групп:

1) Конкретные существительные – наименования предметов: *игольчатый, иглистый – как игла (иглы), мешковатый, мешкастый – как мешок* (всего около 20 случаев): *Представляется мне зима в полном разгаре: на дворе морозно, белый* ***иглистый*** *снег скрипит под полозьями саней и ярко блестит, озаряемый лучами полуденного солнца.* (А. К. Шеллер-Михайлов. Вразброд); *Мчит зимой вьюга толпы острых,* ***как иглы,*** *снежинок, рвёт и мечет вьюга, потешается.* (К. А. Федин. Анна Тимофеевна); *Лежал жалкий и* ***мешковатый*** *в быстро растекавшейся луже крови, и никто из нас, стоявших и сидевших вокруг, не сомневался в том, что он мертв.* (Мариам Петросян. Дом, в котором…); *У него же бушлат от муки тоже весь белый. Лежит* ***как мешок*** *– лицом вниз, дремлет. И тут я поворачиваюсь со своим ножом.* (А. Геласимов. Рахиль // Октябрь, 2003).

2) Наименования мест (помещений): *ярмарка – как на ярмарке; аптекарский – как в аптеке; кладбище – как на кладбище* (всего около 20 случаев): *Маяковский любил* ***ярмарочный*** *шум, блеск, музыку, толчею, любил глазеть на балаганы, играть во все игры, стрелять в тире и выигрывать бутылки плохого шампанского, покупать билетики в лотерею и смотреть на вертящееся колесо «фортуны».* (Э. Ю. Триоле. Заглянуть в прошлое); *Шум, хохот, ералаш поднялся,* ***как на ярмарке.*** (Н. В. Гоголь. Вечер накануне Ивана Купалы); *Требовалась* ***аптекарская*** *точность, чтобы*

угодить в основание аорты. (Г. Фукс. Двое в барабане // «Звезда», 2003); *Производить натуральный продукт тяжело, технология должна соблюдаться точно,* ***как в аптеке****, – говорит г-жа Одинцова.* (Н. Кононов. Подножный бизнес // «Эксперт», 2004, 12.06); *Виктор посмотрел в обе стороны; мрачная картина и* ***кладбищенская*** *тишина – после испуга и растерянности отца и матери – действовали ему на нервы.* (С. Бабаян. Господа офицеры); *Е.И. мысленно соображала возможности такой атаки, но в это время я, уже крепко спавший, сказал: «Все тихо,* ***как на кладбище****».* (Н. К. Рерих. Листы дневника).

3) Наименования лиц (по возрасту, полу, роду деятельности), а также имена библейских и литературных персонажей, исторических деятелей: *бабий, бабский – как баба, фарисей – фарисейский, младенческий – как младенец, как у младенца, монашеский – как монах, как у монаха* (около 70 случаев): *В своем письме вы обходите все главные вопросы, которые я ставлю ясно и правдиво, и вы всё говорите о недоразумениях. Это прием* ***фарисейский.*** *Недоразумения надо честно выяснять.* (А. Б. Гольденвейзер. Дневник); *Он,* ***как фарисей,*** *был верен, только он никогда сыном не был, в нем не было любви к отцу.* (Митрополит Антоний (Блум) Размышления на пути к Пасхе); *Он стучал около двадцати минут, но мой* ***младенческий*** *сон был неколебим.* (И. М. Косых. Ади // «Волга», 2021); *При этом адском грохоте обычно просыпались самые крепкие люди и в ужасе осматривались по сторонам. Но Доуэль, очевидно, был крепче крепких. Он спал* ***как младенец.*** (А. Р. Беляев. Голова профессора Доуэля)

Пожалуй, самые интересные (и весьма многочисленные) группы – образы веществ и анимализмы.

4) Наименования веществ: *атласный – как атлас; жемчужный – как жемчуг; мраморный – как мрамор* (всего около 50 случаев): *Мальчик шел отдыхающим шагом;* ***атласная*** *кожа его попыхивала синими искрами.* (С. Бабаян. Ротмистр Неженцев); *Я беру тоже ванну. Удивительно мягкая вода. Кожа после нее становится,* ***как атлас.*** *Никаких институтов красоты не надо. Банщица уверяет, что после месяца купанья даже морщины исчезают.* (Т. В. Солоневич. Записки советской переводчицы); *Ну, похудела, да, но… Черты лица, знаете,* ***мраморная бледность****… роскошные ресницы, соболиные брови… и… какое-то сияние от нее исходило, как от святой.* (Дина Рубина. Несколько торопливых слов любви); *Она обернулась ко мне бледная,* ***как мрамор,*** *только глаза ее чудесно сверкали.* (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

5) Наименования животных (млекопитающих, земноводных, птиц, насекомых): *ястребиный – как у ястреба, змеиный – как у змеи, черепаший – как черепаха* (около ста случаев): *Похлопал он меня по плечу; его строгие глаза развеселились,* ***ястребиный*** *нос сморщился, и все лицо осветилось улыбкой.* (В. А. Гиляровский. Люди театра); *Другой актер был не важный: лысенький, с безгубым ртом, в пенснэ на носу, загнутом,* ***как у ястреба****; уши у него были заячьи, большие и чуткие.* (А. М. Горький. Жизнь Клима Самгина); *300 000 км. В секунду –* ***черепашья*** *скорость по сравнению с этой мнимой скоростью зрительных лучей* (С. И. Вавилов. Глаз и солнце. О свете, солнце и зрении); *Если мы поглощены делом, время летит для нас*

незаметно, если ждем чего-нибудь с нетерпением, ожидание становится томительным и время ползет ***как черепаха.*** (С. М. Иванов. Утро вечера мудренее).

Отметим другие, чуть менее продуктивные, лексико-семантические группы существительных – образов сравнений, встречающиеся в подобных компаративных вариантах. Среди них, в частности, а) наименования сказочных персонажей, сверхъестественных существ, связанных с религиозными, мифологическими представлениями, суевериями и проч. *(ангельский – как ангел; дьявольский – как дьявол; бесовский – как бес; русалочий – как у русалки);* б) наименования растений и их частей, в частности, плодов (*вишневый – как вишня; дубовый – как дуб; лимонный – как лимон; персиковый – как персик; полынный – как полынь*); наименования явлений природы и другие отвлеченные понятия (*громовой – как гром; гипнотический – как под гипнозом; исповедальный – как на исповеди; кошмарный – как кошмар).* Отметим, что и у относительных (прежде всего с суффиксами -н, -ов, -ск), и у притяжательных прилагательных, образованных с помощью суффикса -ий, образно-компаративные значения проявляются регулярно; при этом соотносятся они, естественно, исключительно с теми УС, в структуре которых в качестве образной основы (компонента **В**) выступает **имя существительное** в одной из падежных форм.

Проблема устойчивости и идиоматичности рассматриваемых словосочетаний непосредственно связана с многозначностью грамматически зависимого, но семантически главенствующего слова – прилагательного. Еще в семидесятых годах прошлого века, сопоставляя разные части речи в плане закономерностей развития многозначности, В. И. Зимин отмечал, что «для имен существительных основным фактором в развитии многозначности является логический фактор, т.е. развитие понятийного содержания слова», или «обогащение его референтной соотнесенности» [10, с. 200]. Сказанное особенно верно по отношению к словам-«денотативам», обозначающим, к примеру, конкретные предметы. Для слов-«предикатов» (глаголов, прилагательных) актуален иной фактор развития полисемии – влияние «синтактико-фразеологического окружения слова» [Там же, с. 201]. Поэтому самым действенный метод при исследовании многозначности глаголов и прилагательных – метод дистрибутивный, который позволяет не только отграничить одно значение от другого, но и дифференцировать значения свободные и связанные.

Использование дистрибутивного метода дополняет уже отмеченный нами метод трансформации, соотнесения анализируемых сочетаний с компаративными фразеологизмами. Очевидно, что отношения функциональной синонимии единиц с семантикой образного сравнений наблюдаются далеко не во всех случаях. Так, в подобные отношения не вступают *как пакля* (*спутанные, свалявшиеся* (о волосах)); *как ртуть (живой, подвижный); как сарай (холодный и грязный); как утёс (непоколебимый, незыблемый), как шакал (злой и трусливый)* и мн. др. С другой стороны, можно отметить немало субстантивно-адъективных сочетаний, которые не имеют соответствия в системе компаративной фразеологии, но явно тяготеют к фразеологизации. Яркий пример подобных сочетаний – *соболиные брови.* Воспроизводимость этого словосочетания подтверждается значительным количеством примеров из «Национального корпуса русского языка»: из пятидесяти четырех фрагментов, содержащих прилагательное «соболиный», около сорока

реализуют именно эту валентность: *Я помню себя очень гордым – в серой шинели гимназиста, у которой черный каракулевый воротник, с лицом, которое пышет, с бровями, мягкость которых я сам ощущаю – поистине* ***соболиные брови*** *мальчика!* (Ю. К. Олеша. Книга прощания); *Но чудеснейшие, обильнейшие тёмно-русые волосы, темные* ***соболиные брови*** *и прелестные серо-голубые глаза с длинными ресницами заставили бы непременно самого равнодушного и рассеянного человека, даже где-нибудь в толпе, на гулянье, в давке, вдруг остановиться пред этим лицом и надолго запомнить его* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).

Даже те субстантивно-адъективные сочетания, которые соотносятся с синонимичными УС, не всегда можно квалифицировать как фразеологические. Процесс идиоматизации оказывается очень прихотливым, избирательным и определяется целым комплексом факторов. Проанализируем их подробнее.

1. Бóльшая часть рассматриваемых нами отсубстантивных прилагательных характеризуется очень широкой сочетаемостью. По этой причине вряд ли можно прогнозировать формирование фразеологически связанных значений у таких прилагательных, как *автоматический, ангельский, бесовский, чертовский, бабий (бабский), гипнотический, господский, железный, деревянный, каменный* и т. п. Можно сказать, что прилагательные с чрезвычайно богатыми возможностями сочетаемости «обречены быть свободными». Среди них особое место занимают те слова, у которых реализуется исключительно образно-компаративное значение, но признак, на основе которого осуществляется сравнение, предельно размыт. Можно сказать, такие прилагательные характеризуются своего рода широкозначностью, поскольку служат, по существу, «интенсификаторами» других признаков. Так, прилагательное ***чертовский*** встречается в сорока фрагментах, и всякий раз оно выступает в значении очень абстрактном, так сказать, «образно-гиперболическом». При этом оно проявляет исключительно широкую сочетаемость, употребляясь в основном со словами абстрактной семантики: *чертовский голод, чертовский холод, чертовский нюх, чертовский лаконизм* и т.п. Вместе с тем ему не противопоказано и употребление с существительными конкретными и вещественными (*чертовский дождь, чертовский ливень, чертовский парень, чертовский перстень*, *чертовский кипяток*). Это прилагательное обнаруживает аксиологическую амбивалентность, то есть оно может быть источником как положительной, так и отрицательной оценочной коннотации (ср. *чертовская элегантность, чертовский успех у женщин* (+) – *чертовский кризис, чертовский насморк, чертовский шабаш* (–) и т.п. Изредка семантика этого слова-интенсификатора осложняется семами ‘жуткий, устрашающий’ (*чертовский удар штыка, чертовский вид* (о человеке) и ‘злой, несносный’ (*чертовский характер*).

Примерно то же можно сказать и о прилагательном *адский,* которое характеризуется богатейшей синтагматикой (1100 контекстов в НКРЯ), при этом оно почти всегда оказывается «семантически пустым», выступая лишь как признак-интенсификатор. Образы «черт» и «ад», несомненно, выполняют в обоих случаях функцию ономасиологической базы, с ними связана внутренняя форма подобных прилагательных (она и является источников ярких коннотаций), однако сравнение с этими сущностями в семантике производных прилагательных почти не

прослеживается. Даже в случаях подобной синтагматической свободы можно выделить те существительные, с которыми прилагательные сочетаются чаще, чем с другими. Таковы, в частности, *чертовский голод, чертовский холод; адский труд, адская жара.* Именно эти сочетания тяготеют к статусу «фразеологических». Кстати, образ «ад» используется в структуре компаративного фразеологизма ***как (словно, точно) в аду,*** что является дополнительным аргументом для подтверждения нашей гипотезы: '1. Жить, находиться – в невыносимо трудных, нестерпимо мучительных условиях, физических или нравственных. <…> 2. Жарко (жара) где-л.' [16, с. 28-29].

Соотносительность с УС является фактором, позволяющим прогнозировать постепенный переход в разряд фразеологических таких сочетаний, как *верблюжья выносливость, скоморошеское поведение, деревянные руки (пальцы), бычья сила, громовой голос, акробатическая ловкость, аптекарская точность, арестантская жизнь, баранье (или ослиное) упрямство, каторжная жизнь, буйволово (бычье) здоровье, заячья трусость, змеиное коварство, змеиное шипение, змеиный взгляд, зверская жестокость, зверский аппетит, индюшечья важность, петушья (петушиная) задиристость* и мн. др.

2. **Однозначная определённость признака-основания сравнения** также влияет на переход словосочетания в статус фразеологической единицы. Соответственно, свободное значение прилагательного начинает осознаваться как связанное. К примеру, все переносно-метафорические (компаративные) значения прилагательного «восковой» основаны на признаке 'бледный' и реализуются чаще всего в сочетании *восковое лицо* (реже – *восковое тело, восковые руки*). Кстати, те же признаки лежат в основе одного из значений УС ***как (словно, точно) воск*** *'Бледный, белый, желтый, прозрачный. О лице, теле, коже человека'* [16, с. 109]: *Заострившиеся черты, словно у покойника, с застывшим выражением страдания и муки.* ***Восковое лицо****. Провалившиеся глаза, в которых еле-еле светится жизнь, словно погасающий огонек догорающего огарка.* (В. М. Дорошевич. Сахалин (Каторга); *Ей было восемьдесят лет, из которых она провела в своей обители шестьдесят. Строгое* ***восковое лицо*** *глядело мутными глазами.* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Охонины брови)

Показательно, что тенденция к фразеологической связанности характеризует многие устойчивые характеристики внешнего вида человека, такие, как *атласная кожа, агатовые глаза, жемчужные зубы, газельи глаза, журавлиные ноги.* К примеру, прилагательное «жемчужный» регулярно проявляет значение 'белый, блестящий', реализуя его в таких сочетаниях, как *жемчужный Млечный путь, жемчужный шарик, жемчужный фонарь, жемчужный туман, жемчужный луч, жемчужный снег, жемчужный иней, жемчужная слеза*; однако наиболее частотно сочетание ***жемчужные зубы*** – 'белые, ровные и блестящие'. Именно последнее словосочетание и является относительно устойчивым.

То же можно сказать и о прилагательном *бисерный,* которое соотносится с УС *как (словно, точно) бисер* ('Мелкий, маленький. О предметах, имеющих вид блестящих шариков' [16, с. 57]), реализует образное значение 'очень мелкий' и характеризуется довольно широкой сочетаемостью. Так, прилагательное *бисерный (-ая, -ое)* употребляется по отношению к любым предметам, которые

характеризуются маленьким размером, часто блеском, шаровидной или округлой формой; ср. *бисерный* дождь *(пот, иней, фонтан, след трясогузки); бисерная* влага (*роса, морось*); ср. также метафорические и метонимические сочетания *бисерный от ровной мороси воздух, бисерный туман* (В. Набоков), *бисерный разговорец* (С. Шакира), *бисерная мелкота специальностей* (Г. И. Успенский), *бисерный разговорец, бисерный попугай»* (И. С. Шмелев), *бисерная змея, бисерная курица* (М. А. Шолохов), *бисерный вечер, бисерный воздух, бисерный лебедь* (А. Белый). На фоне этого многообразия сочетаний явно выделяется одно: *бисерный почерк* (мелкий, ровный, убористый, округлый, разборчивый/неразборчивый) (более 20 фрагментов): *Сергей Петрович аккуратно вынул ее, раскрыл:* ***бисерный*** *нечитаемый почерк, только первая запись написана чуть крупнее и довольно разборчиво.* (М. Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012); *Точно также его* ***бисерный почерк,*** *необыкновенно четкий, где он дописывал каждую букву, помогал ему отделывать то, что он писал, придавать законченную красоту его письменной речи.* (В. А. Маклаков. Из воспоминаний) Очевидно, что словосочетание «бисерный почерк» в силу высокой частотности его употребления в текстах и в разговорной речи также может претендовать на статус «устойчивого», а значение зависимого компонента в его составе – на статус «связанного».

3. «Четкий «выбор» признака сравнения (С) влечет за собою, как правило, **закрепленность значения прилагательного за строго определенным объектом образной характеристики (А).** Например, прилагательное *газелий* чаще всего реализует свое потенциальное образно-компаративное значение в сочетании с существительным «глаза», употребляясь, соответственно, в форме множественного числа: ***Газельи глаза*** *смотрели на Мокшина с преданностью и обожанием.* (Н. Катерли. Зелье). Прилагательное *газелий* употребляется как характеристика больших, темных глаз человека – чаще всего девушки или молодой женщины, реже ребенка. По нашим наблюдениям, выражение *газельи глаза* характеризуется в основном положительной коннотацией, вызывая ассоциацию с нежностью, чистотой, невинностью. Ср. явное противопоставление «газельих глаз» с предательской сущностью человека в следующем контексте: *Точно – херувим вербный, а вглядитесь в его* ***газельи глаза.*** Диавол, сатана, черт. (П. Н. Краснов. Подвиг) Отметим, однако, что в случае с сочетанием *газельи глаза* отсутствует важный фактор, способствующий переходу свободного компаративного значения в статус «связанного» – его коммуникативная актуальность, а следовательно, и регулярность употребления (в НКРЯ лишь 2 примера, в картотеке словаря УС – 8). В этом смысле более показателен пример ***лошадиные зубы***. Здесь налицо и определенность признака сравнения («крупные, большие»), и строгая ограниченность объекта образной характеристики (зубы человека), и соотносительность с УС (зубы / *как у лошади*), и частотность употребления (около 30 фрагментов).

4. В случаях, когда налицо соотносительность анализируемых нами сочетаний с устойчивыми сравнениями, заметна связь между тенденцией к формированию связанного значения прилагательного и **однозначностью / многозначностью компаративного фразеологизма.** Приведем в качестве примера одно из самых богатых значениями устойчивых сравнений – *как (словно, точно) собака,* которое

употребляется в многочисленных контекстах как характеристика 1) человека, который бегает, суетится, пребывая в непрерывных заботах; 2) человека, который набрасывается на кого-л. с бранью, угрозами, побоями; 3) человека очень голодного; 4) дрожащего от страха или от холода; 5) живущего в крайней бедности и одиночестве; 6) очень злого, ненавидящего людей; 7) погибающего позорной смертью; 8) умирающего без заботы и внимания близких, в полном одиночестве; 9) очень уставшего; 10) бегающего за кем-л. в силу болезненной привязанности; 11) человека с очень хорошим обонянием или интуицией. Многие из этих значений так или иначе проявляются и у прилагательного *собачий* (ср. в НКРЯ *собачья преданность, собачья поза, собачья покорность, собачья жизнь, собачий нюх, собачий нрав, собачий взгляд, собачий холод* и др.). Однако широта круга возможных контекстов, в которых выше названные значения реализуются, в большинстве случаев не позволяет говорить о фразеологической связанности. На наш взгляд, на статус фразеологических сочетаний могут претендовать лишь *собачий холод* и *собачья смерть*, о чем свидетельствует и многочисленность контекстов с этими единицами[1].

Многозначны также УС с образами *кот* и *кошка.* Так, компаративный фразеологизм *как кошка* имеет 11 значений, *как кот* – 3 значения, *как у кота* – 2 значения. Прилагательное *кошачий* (отчасти именно в связи с этой многозначностью соотносительной компаративной структуры) также имеет множество разных значений (это такие признаки, как «ласковый», «влюбчивый», «живучий», «блудливый», «ловкий и гибкий», «изворотливый», «проворный», «вкрадчивый», «мягкий» и проч. К статусу связанных тяготеют лишь словосочетания *кошачьи усы* (прямые и торчащие) и *кошачьи глаза* (желтые и зеленые, блестящие в темноте).

Вместе с тем наш анализ показал, что иногда в субстантивно-адъективных сочетаниях реализуется лишь одно из значений УС-полисеманта. Так, УС *как (словно, точно) воск* имеет 3 значения: ‘1. Бледный, белый, жёлтый, прозрачный. О лице, теле, коже человека. 2.1. Мягкий, податливый. О веществе, массе. 2.2. Перен. Мягкий, податливый, уступчивый. О человеке – характере человека. 3. Таять. Худеть – быстро, неуклонно (при болезни или вследствие мучительных, часто скрытых, душевных переживаний)’ [16, с. 110]. Из этих трех значений прилагательное *восковой* регулярно реализует только первое, сочетаясь с существительными *лицо, кожа, голова, череп, лоб, рука, бледность, белизна, желтизна* (кожи, лица). Несомненно, широта сочетаемости не позволяет говорить в этом случае о фразеологической связанности значения. Однако **о связанности лексической** вести речь вполне уместно: мы имеем дело с реализацией одного и того же образно-компаративного значения в ограниченном круге сочетаний. То же можно сказать и о прилагательном *громовой.* Соотносительное с ним УС имеет два значения: ‘1.1. Греметь, грохотать, грохать. О звуке мощной силы. 1.2. Перен. Грянуть, прогреметь, поразить, ошеломить, оглушить. Мгновенно и широко распространиться, произведя

[1] Мы не рассматриваем здесь фразеологические единства типа *собачья радость* (о колбасе плохого качества) или бранные выражения *бред собачий* (*чушь собачья*), в которых прилагательное не проявляет образно-компаративного значения.

сильное впечатление. О сообщении, известии' [16, с. 138-139]. Прилагательное *громовой* соотносится только с первым из приведенных значений: оно регулярно употребляется в контекстах, характеризующих очень громкие звуки: *громовой (-ая)* голос (хохот, смех, аккорд, топот, музыка) и т.п.

Бывают случаи, когда значения УС-полисеманта очень близки и представляют собой как бы две стороны одного признака. Таково сравнение *как голубь,* которое в первом своем значении – характеристика очень чистого, непорочного, невинного человека, а во втором – образное выражение смирного, кроткого поведения. Прилагательное ***голубиный*** реализует оба этих значения в таких сочетаниях, как *голубиная невинность, голубиная кротость, голубиная чистота,* а также в словосочетании, которое как бы вбирает в себя все вышеперечисленные семы – *голубиная душа.* Это выражение, на наш взгляд, также характеризуется тенденцией к «устойчивости».

Многие субстантивно-адъективные сочетания с адъективным компонентом-сравнением остаются в статусе редко реализуемых, однако потенциально возможных, «прогнозируемых», интуитивно понятных носителям языка: *блошиная непоседливость, болотная атмосфера, воловье напряжение, девичья застенчивость* и т.д. Вот как, к примеру, реализуется потенциальное образно-компаративное значение прилагательного *дегтярный* ('очень крепкий, темный, цвета дегтя'): *Стакан за стаканом пил Петр Житов* ***дегтярный чай,*** *жег дешевенькие, по доходам, папироски «Волка», а где добыть проклятый рублишко, по-прежнему не знал*. (Ф. Абрамов. Дом) В данном случае прилагательное реализует единственное значение, присущее соотносительному с ним УС: 'Черный, преим. о жидкости или полужидкой массе' [16, с.150-151].

В большей части рассмотренных нами случаев прилагательным свойственны **свободные** значения особого типа, которые мы называем образно-компаративными. Они неразрывно связаны с фактором производности и особенностями словообразовательной мотивации (проявляются только у отсубстантивных относительных и притяжательных прилагательных и мотивируются отсылкой к внутренней форме, которая представляет собой не что иное, как образное сравнение). В случаях закрепления субстантивного образа за одним определенным признаком-основанием (С) можно говорить о лексической связанности, поскольку реализация компаративного значения в данном случае ограничена узким кругом словосочетаний.

Отметим те немногочисленные единицы, которые в словарях устойчивых сравнений (и в ряде фразеологических словарей) расцениваются как воспроизводимые единицы языка. В «Словаре устойчивых сравнений русского языка» [16] зафиксировано 14 подобных фразеологических единиц: *бычья сила, бычья шея* (с. 80), *васильковые глаза* (с. 85), *каторжная жизнь* (с. 243), *лошадиные зубы* (с. 331), *медвежья сила* (с. 346), *обезьянья ловкость* (с. 409), *обезьяньи руки* (с. 410), *орлиный нос* (с. 433), *орлиный взгляд* (с. 433), *осиная талия* (с. 435), *рачьи глаза* (с. 537), *ястребиный взгляд / глаза* (с. 797), *ястребиный нос* (с. 797).

На наш взгляд, на формирование фразеологически связанного значения у отсубстантивного прилагательного оказывают влияние следующие факторы: 1) однозначность соотносительного устойчивого сравнения с тем же образом **В**;

2) четкость и определенность признака, положенного в основание сравнения; 3) соотносительность образа и основания сравнения (**С**) с единственным объектом образной характеристики (**А**). Иными словами, компонент **А** компаративной структуры должен представлять собой не некий диапазон объектов, а именно **один** объект. К примеру, прилагательное «осиная» в значении «очень тонкая» характеризует исключительно **талию**, соотносясь с УС *как (словно, точно) у осы* ‘Тонкая, перетянутая. О талии (преим. женской’) [16, с. 435]: *Какие глаза! Какая точёная фигурка! Эта* ***осиная талия****! Действительно, такой тонкой талии я никогда более не видел.* (Д. Карапетян. В. Высоцкий. Воспоминания). *Наливала чай гувернантка – долголицая, мучнисто-белая особа с талией* ***как у осы.*** (И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги).

Прилагательное «лошадиные» в значении ‘крупные, длинные, нередко желтые и выпирающие вперед’ сочетается с существительным «зубы», образуя устойчивую, воспроизводимую всем языковым коллективом фразеологическую единицу, также соотносящуюся с УС *как (словно, точно) у лошади: Англичанин, щуря под очками глаза от солнца и оскаливая длинные жёлтые* ***лошадиные зубы,*** *подошел, застегивая на ходу перчатки, с хлыстом под мышкой.* (А.И. Куприн. Изумруд); *Вместо ответа мадам обнажила в светской улыбке длинные, выступающие вперед* ***лошадиные зубы****, всегда розовые от губной помады, и протянула мне очередное стерильное блюдо.* (Ю. Друнина. Европа глазами солдата) Важно отметить, что УС *как у лошади*, с которым соотносится это словосочетание, имеет только одно значение и способно характеризовать только зубы человека.

Как уже было отмечено выше, среди фразеологических сочетаний исследуемой модели, соотносительных с УС, преобладают те или иные объективные характеристики внешности человека. В качестве главного компонента чаще всего выступают соматизмы: *орлиный нос* (‘несколько загнутый книзу, с горбинкой, как клюв у орла’), *бычья шея* (‘сильная, мощная, как у быка’), *васильковые глаза* (‘голубые, как васильки’) и мн. др. Иногда грамматически главенствующими компонентами являются наименования визуально наблюдаемых физических признаков человека. Так, *медвежья сила* и *сила как у медведя* – семантически эквивалентные конструкции, характеризующиеся общностью внутренней формы и актуальной компаративной семантики.

Мы полагаем, что адъективно-субстантивные сочетания типа *васильковые глаза* или *орлиный взгляд* вполне могут быть квалифицированы как **структурно-семантические варианты устойчивых сравнений** [16, с. 20]. Различие между членами исследуемых нами пар состоит только в способе выражения компаративных отношений. В. И. Зимин, выявляя типы вариантов ФЕ, особо выделил варьирование «синтаксическое»: «всевозможные внутриструктурные преобразования фразеологизма, вызываемые условиями его дистрибуции, но не изменяющие его семантического тождества» [9, с. 81]. Вероятно, этот условный (но очень точный!) термин «синтаксическое варьирование» может быть применен и по отношению к рассматриваемому нами случаю: *бычья шея* и *шея как у быка, жемчужные зубы* и *зубы как жемчуг* – формально-структурные варианты, или синтаксические варианты, не нарушающие семантического тождества компаративной единицы.

Если же сочетания с адъективным компонентом-сравнением рассматривать **как разновидность фразеологических сочетаний,** то следует сделать оговорку, что это совершенно особая группа, отличающаяся от прочих ФС целым рядом особенностей: 1) «связанность» значения зависимого компонента определяется его словообразовательной мотивированностью; 2) внутренняя форма таких сочетаний всегда очевидна и не требует «расшифровки» (ср. в этом плане *закадычный друг* или *перочинный нож*); 3) зависимый компонент-прилагательное может употребляться и в иных контекстных условиях, однако «связанное» значение реализуется в сочетании лишь с одним (реже двумя-тремя) существительными.

Некоторые словосочетания анализируемой модели в тех или иных грамматических формах фигурируют в составе собственно фразеологизмов, характеризующих визуально наблюдаемые параметры – цвет или размер. Таковы, например, ФЕ <величиной> *с голубиное яйцо* и *цве́та воронова крыла: А плоды на этих деревьях растут всё-таки маленькие, твердые и кислые,* ***с голубиное яйцо.*** (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей); *По стандартам охотничьих собак сеттер-гордон должен быть обязательно черный, с блестящим синеватым отливом –* ***цвета воронова крыла,*** *и обязательно с четко отграниченными яркими отметинами* <…> (Г. Н. Троепольский. Белый Бим черное ухо). В подобных конструкциях в качестве образа сравнения выступает уже не производящая основа прилагательного, а все словосочетание в целом. Такие структуры заслуживают особого пристального анализа.

Нельзя не отметить также, что многие относительные имена прилагательные выступают в качестве компонентов фразеологических единств (термин В. В. Виноградова) – двуплановых устойчивых единиц, представляющих собой образные (метафорические, реже метонимические) наименования тех или иных предметов действительности. Ср.: ***звездный час*** (‘о моменте высшего подъема, напряжения и испытания всех сил’); ***звездная болезнь*** (‘о высокомерном, чванливом поведении лица, пользующегося известностью’); ***тепличное растение*** (‘хрупкий, изнеженный человек, не приспособленный к жизни в результате условий воспитания и быта’); ***горе луковое*** (шутл. ‘о незадачливом, нерасторопном человеке’); ***фиговый листок*** (‘то, что используется, служит прикрытием чего-либо, заведомо бесстыдного, нечестного’) [22] и мн. др. Прилагательное в структуре подобных единиц следует рассматривать уже как компонент фразеологизма, а не как самостоятельное слово (хотя и с фразеологически связанным значением). В этих семантически цельных выражениях (при всем различии внутренних семантических отношений в них) мы имеем дело с семантическим преобразованием обоих компонентов словосочетаний и их частичной «деактуализацией» [8, с. 7]. Любопытно, что многие прилагательные, входящие в состав подобных фразеологических единиц, не встречаются в рассмотренных нами выше устойчивых компаративных структурах и не обнаруживают непосредственной семантической связи с системой устойчивых сравнений. Однако значительна и доля производных отсубстантивных прилагательных, употребляющихся как в составе образно-компаративных единиц, так и в составе собственно фразеологизмов. К примеру, прилагательное ***медвежий*** демонстрирует удивительное разнообразие значений,

среди которых есть и свободные (безóбразные), и лексически связанные, и фразеологически связанные; это прилагательное может выступать также в качестве компонента фразеологического единства. Проиллюстрируем сказанное примерами.

1. Свободные (прямые) значения (‘принадлежащий медведю’, ‘связанный с медведем’, ‘относящийся к медведю’); *А потом мужик вдруг останавливается и, указывая кнутом на крупные глубокие следы, с почтительным испугом говорит: «Глянь-ко! Ведь* ***медвежий след****-от! И свежий совсем! Что это ему не спится?* (В. З. Санников. Записки простодушного); *Зверь подошёл к торчащим лыжам, не тронул их и не испугался, он был здесь недавно… может, и только что… Илье казалось, что он слышит* ***медвежий запах.*** (В. Ремизов. Воля вольная // «Новый мир») Ср. также притяжательное и относительное значения прилагательного *медвежий* в сочетаниях с существительными *берлога, рев, лапа, туловище, шерсть, кость, морда, лежка, капкан, жир, сало, мех, шуба, шкура, туша, мясо, папаха, бурка, охота, травля, заряд* и т.д. Значения, которые проявляются у прилагательного в составе подобных словосочетаний, свободные и безóбразные.

2. Свободные образно-компаративные значения: *В движениях же чтеца властвовали повадки его любимых героев –* ***медвежья ленца*** *и свирепая грациозность тигра.* (Г. Шергова. Об известных всем); *Под* ***медвежье*** *какое-то неудовлетворительное* ***ворчанье*** *Алены я дал сумасшедшему спичек, хлеба, чая, сахару, пачку сигарет.* (Ю. Коваль. Четвертый венец) Это те контексты, в которых у прилагательного «медвежий» реализуется значение образного сравнения, причем в качестве признака-основания может выступать любой признак, не закрепленный в общеязыковых, воспроизводимых языковых единицах.

3. Лексически связанные образно-компаративные значения: ***Медвежья фигура*** *Бааде выглядела неясным силуэтом, как на недопроявленном снимке.* (Д. Биденкин. Десант на Меркурий); *У Ткачихи красное бородавчатое лицо, грубый голос,* ***медвежья походка*** *при большом плотном теле, но ее легко разжалобить, уговорить мягким словом.* (И. Полянская. Прохождение тени); *Сын защищался яростно и умело, но и у него недостало сил долго сдерживать* ***медвежий натиск.*** (Б. Васильев. Вещий Олег) В этом случае мы имеем дело со значениями ‘грузный, тяжелый’, ‘неповоротливый, неуклюжий’, которые, как показал анализ фрагментов НКРЯ, реализуются в относительно ограниченном круге словосочетаний (мы представили здесь наиболее частотные).

4. Фразеологически связанные образно-компаративные значения: ***Сила,*** *должно быть,* ***медвежья,*** *машина застрянет – поможет вытаскивать.* (В. Тендряков. Ухабы); *Только* ***медвежья сила*** *Паршина могла выдержать работу, которую ему пришлось проделать.* (Н. Н. Шпанов. Медвежатник); *Одиночное заключение сильно повлияло на* ***медвежье здоровье*** *Урбенина: он пожелтел и убавился в весе чуть ли не наполовину.* (А. П. Чехов. Драма на охоте) В этих фрагментах реализуется структурно-компаративный вариант устойчивого сравнения *как (словно, точно) медведь* в его первом, наиболее распространенном значении: ‘1. Сильный, здоровый. О мужчине’ [16, с. 342-343]. Фразеологическая связанность значения прилагательного, по-видимому, имеет место и в сочетаниях *медвежья неуклюжесть, медвежья неповоротливость,* которые коррелируют со вторым значением УС:

‘2. Неуклюжий, неповоротливый. Делать что-л., поворачиваться – неловко, неуклюже. О мужчине’ [Там же; с. 343].

5. Употребление прилагательного «медвежий» в качестве компонента фразеологического единства; при этом его семантика частично переосмысливается, или деактуализируется: *Этот* ***медвежий угол*** *издавна населен инородцами, которые охотно приняли девиз Чжугэ Ляна «Человек и Дружба», но не рвутся отвоевать Поднебесную у коренных китайцев, вставляя свою шею в новое имперское ярмо (С. Смирнов. Конец серебряного века. Anno Domini 180 // «Знание – сила», 2003); – Не пойму, каналу нашему деньги девать некуда, что ли – в командировку в такой* ***медвежий угол*** *сотрудников посылать?* (Е. Сафонова. Так проходит слава земная // «Бельские просторы», 2018) Фразеологизм *медвежий угол,* по сведениям словаря А. И. Молоткова, имеет значение: ‘отдалённое, глухое малонаселённое место; захолустье’ [14, с. 489]. Такие единицы, как *медвежий угол, медвежья услуга, медвежья болезнь*, в отличие от рассмотренных нами выше образно-компаративных сочетаний, характеризуются той или иной степенью идиоматичности (актуальное «фразеологическое значение» не равно сумме составляющих ФЕ слов-компонентов).

Особое место в рассматриваемой нами системе занимают составные терминологические наименования типа *медвежья дудка, медвежье ушко; волчий корень, волчья ягода* и др. Представляя собой либо фразеологические сочетания, либо фразеологические единства (в зависимости от того, оба компонента подвергнуты «переосмыслению» или только один), подобные наименования, однако, лишены живой образности. Вместе с тем их детальное описание представляется нам чрезвычайно важным в плане анализа генезиса фразеологического значения и закономерностей фразообразования.

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ компаративного деривационного значения, регулярно проявляющегося у отсубстантивных относительных и притяжательных прилагательных, дает возможность увидеть новый ракурс в исследовании свободных и связанных значений.

На процесс формирования фразеологически связанных значений оказывают ключевое влияние такие факторы, как 1) соотносительность с устойчивыми сравнениями в их прототипическом варианте; 2) однозначность / многозначность этих УС; 3) четкость и определенность основания сравнения; 4) широта / узость того круга существительных, в сочетаниях с которыми прилагательное проявляет образно-компаративное значение; 5) частотность употребления в текстах и в разговорной речи субстантивно-адъективных единиц с семантикой образного сравнения.

Субстантивно-адъективные сочетания проанализированной нами модели могут быть рассмотрены как структурно-компаративные (или «синтаксические») варианты устойчивых сравнений (в случаях, когда их соотносительность с последними налицо). Подобное варьирование, как правило, является результатом длительного и активного функционирования таких сочетаний в художественных текстах и в публицистике. В основе языкового механизма их «фразеологизации» лежит

постепенное сужение сочетаемости прилагательного до узкого круга «минимальных контекстов» либо формирование закрепленности некоего основания сравнения за определенным синтагматическим окружением.

Перспективы исследования мы видим в дальнейшем углубленном анализе степени частотности употребления относительных прилагательных разных моделей в образно-компаративных значениях, а также в выявлении решающего фактора при квалификации сравнительного значения субстантивно-адъективного словосочетания как значения «фразеологически связанного». Эти аспекты научного поиска чрезвычайно важны для успешной лексикографической практики.

Список литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: монография. – Белгород: Белгородский университет, 2008. – 150 с.
2. *Архангельский В. Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов: Изд-во Ростовского университета, 1964. – 315 с.
3. *Виноградов В. В*. Основные типы лексических значений слов // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 162–189.
4. *Дидковская В. Г.* Синтагматические свойства фразеологических сочетаний в русском языке: учебное пособие к спецкурсу. – Новгород: Изд-во НГПИ, 1992. – 63 с.
5. *Дидковская В. Г.* Системно-функциональное описание фразеологических сочетаний современного русского языка: на материале глагольно-именных сочетаний: диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01. – Новгород, 2000. – 328 с.
6. *Дидковская В. Г.* Парадигматические свойства фразеологических сочетаний в русском языке. – Новгород, 1997. – 97 с.
7. *Жуков В. П.* Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 309 с.
8. *Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов: учебное пособие для студентов пед.ин-тов по спец. «Русский язык и литература». – М.: Просвещение, 1978. – 159 с.
9. *Зимин В. И.* К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума (1968). – Выпуск 2. – Тула, 1972. – С. 70–83.
10. *Зимин В. И.* К вопросу об анализе семантической структуры слов и фразеологизмов // Вопросы фразеологии: Труды Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои. Новая серия, вып.№ 219. Часть 1. – Самарканд, 1972. – С. 199–204.
11. *Зимин В. И.* Синхронический и диахронический аспекты рассмотрения внутренней формы фразеологизмов русского языка // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция 17-19 марта 2006 г.: М.: ООО «Издательство «Элпис», 2006. – С. 543–546.
12. *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. – М.: «Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456 с.
13. *Молотков А. И.* Основы фразеологии русского языка. – Л.: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение. – 1977. – 280 с.
14. *Молотков А. И.* Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
15. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: https://ruscorpora.ru/new/]

16. *Огольцев В. М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 800 с.
17. *Огольцева Е. В.* Взаимодействие устойчивых сравнений и компаративно-производных слов в языке и тексте // На крыльях слова: материалы международной научной конференции, посв. юбилею С. М. Шулежковой. – Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский дом печати», 2015. – С. 153–161.
18. *Огольцева Е. В.* Образное значение в системе отсубстантивной деривации: структурно-семантический аспект. – 2-е изд., исправ. и дополн. – М.: Изд-во «Флинта», 2019. – 296 с.
19. *Огольцева Е. В.* Проявления синтетизма и аналитизма в языковых единицах с семантикой образного сравнения (на материале русского языка) // Аналитизм в языках разных типов: сорок лет спустя // Материалы научных чтений памяти В. Н. Ярцевой: к 100-летию со дня рождения. Вып. II. – М.: Ин-т языкознания, 2006. – С. 122–130.
20. *Огольцева Е. В.* Типы отношений между разноуровневыми языковыми единицами с семантикой образного сравнения (на материале сравнений с компонентом В – наименованием конкретного предмета) // Исследования по семантике и прагматике языковых единиц: межвузовский сборник научных трудов. – Уфа, 2007. – С. 77–86.
21. *Сидорец В. С.* Неоднословные наименования действия у восточных славян – избыточность или необходимость: научное издание. – Мозырь, 1993. – 92 с.
22. Словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981.
23. *Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б.* Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект): учебник для студентов филол. факультетов и факультетов иностранных языков. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 264 с.
24. *Уфимцева А. А.* Лексическое значение / отв. Ред. Ю. С. Степанов. – М.: Наука, 1986. – 239 с.
25. *Эмирова А. М.* Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении: монография. – Симферополь, 2020. – 226 с.

References

1. Alefirenko N. F. *Frazeologija i kognitivistika v aspekte lingvisticheskogo postmodernizma.* [Phraseology and cognitive science in the aspect of Linguistic Postmodernism]. Monografija. Belgorod, Belgorodskij universitet, 2008. 150 p.
2. Arhangel'skij V. L. *Ustojchivye frazy v sovremennom russkom jazyke: Osnovy teorii ustojchivyh fraz i problemy obshhej frazeologii.* [Stable phrases in Modern Russian: Fundamentals of the theory of stable phrases and problems of general phraseology]. Rostov, Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1964. 315 p.
3. Vinogradov V. V. *Osnovnye tipy leksicheskih znachenij slov*. [The main types of lexical meanings of the word]. *V.V. Vinogradov. Izbrannye trudy. Leksikologija i leksikografija.* Moscow, Nauka, 1977. pp. 162–189.
4. Didkovskaja V. G. *Sintagmaticheskie svojstva frazeologicheskih sochetanij v russkom jazyke.* [Syntagmatic properties of phraseological combinations in the Russian language]. *Uchebnoe posobie k speckursu.* Novgorod, Izd-vo NGPI, 1992. 63 p.
5. Didkovskaja V. G. *Sistemno-funkcional'noe opisanie frazeologicheskih sochetanij sovremennogo russkogo jazyka: na materiale glagol'no-imennyh sochetanij.* [System-functional description of phraseological combinations of the modern Russian language: based on the material of verb-nominal combinations]. *Dissertacija ... doktora filologicheskih nauk.* 10.02.01. Novgorod, 2000. 328 p.

6. Didkovskaja V. G. *Paradigmaticheskie svojstva frazeologicheskih sochetanij v russkom jazyke*. [Paradigmatic properties of phraseological combinations in the Russian language]. Novgorod, 1997. 97 p.
7. Zhukov V. P. *Russkaja frazeologija*. [Russian phraseology]. Moscow, Vysshaja shkola, 1986. 309 p.
8. Zhukov V. P. *Semantika frazeologicheskih oblorotov.* [Semantics of phraseological turns]. Uchebnoe posobie dlja studentov ped.in-tov po spec. «Russkij jazyk i literatura». Moscow, Prosveshhenie, 1978. 159 p.
9. Zimin V. I. *K voprosu o variantnosti frazeologicheskih edinic* [On the question of the variation of phraseological units]. *Problemy ustojchivosti i variantnosti frazeologicheskih edinic: Materialy mezhvuzovskogo simpoziuma (1968).* Vypusk 2, Tula, 1972. pp. 70–83.
11. Zimin V. I. *K voprosu ob analize semanticheskoj struktury slov i frazeologizmov.* [On the analysis of the semantic structure of words and phraseological units]. *Voprosy frazeologii: Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta im. Alishera Navoi.* Novaja serija, vyp. № 219, Chast' 1. Samarkand, 1972. pp. 199–204.
12. Zimin V. I. *Sinhronicheskij i diahronicheskij aspekty rassmotrenija vnutrennej formy frazeologizmov russkogo jazyka.* [Synchronic and diachronic aspects of the consideration of the internal form of phraseological units of the Russian language]. *Problemy semantiki jazykovyh edinic v kontekste kul'tury (lingvisticheskij i lingvometodicheskij aspekty): Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija 17-19 marta 2006 g.* Moscow, OOO «Izdatel'stvo «Jelpis», 2006. pp. 543–546.
13. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: kody kul'tury.* [Linguoculturological method in phraseology: codes of culture]. Moscow, «Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2012. 456 p.
14. Molotkov A. I. Osnovy frazeologii russkogo jazyka. [Fundamentals of phraseology of the Russian language]. Leningrad, Izd-vo «Nauka», Leningradskoe otdelenie, 1977. 280 p.
15. Molotkov A. I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka.* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkij jazyk, 1986. 543 p.
16. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka.* [National Corpus of the Russian language]. [Jelektronnyj resurs] Rezhim dostupa [URL: https://ruscorpora.ru/new/]
17. Ogol'cev V. M. *Slovar' ustojchivyh sravnenij russkogo jazyka (sinonimo-antonimicheskij).* [Dictionary of stable comparisons of the Russian language (synonymous-antonymic)]. Moscow, OOO «Russkie slovari», OOO «Izdatel'stvo Astrel'», OOO «Izdatel'stvo AST», 2001. 800 p.
18. Ogol'ceva E. V. *Vzaimodejstvie ustojchivyh sravnenij i komparativno-proizvodnyh slov v jazyke i tekste.* [Interaction of stable comparisons and comparative-derived words in language and text]. *Na kryl'jah slova: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posv. jubileju S.M. Shulezhkovoj*. Magnitogorsk, ZAO «Magnitogorskij dom pechati», 2015. – pp. 153–161.
19. Ogol'ceva E. V. *Obraznoe znachenie v sisteme otsubstantivnoj derivacii: strukturno-semanticheskij aspekt*. [Figurative meaning in the system of substantive derivation: structural and semantic aspect]. 2-e izd., isprav. i dopoln. Moscow, Izd-vo «Flinta», 2019. 296 p.
20. Ogol'ceva E. V. *Projavlenija sintetizma i analitizma v jazykovyh edinicah s semantikoj obraznogo sravnenija (na materiale russkogo jazyka).* [Manifestations of synthetism and analyticism in linguistic units with the semantics of figurative comparison (based on the material of the Russian language)]. *Analitizm v jazykah raznyh tipov: sorok let spustja // Materialy nauchnyh chtenij pamjati V.N. Jarcevoj: k 100-letiju so dnja rozhdenija.* Vyp. II. Moscow, In-t jazykoznanija, 2006. – pp. 122–130.
21. Ogol'ceva E. V. *Tipy otnoshenij mezhdu raznourovnevymi jazykovymi edinicami s semantikoj obraznogo sravnenija (na materiale sravnenij s komponentom B naimenovaniem konkretnogo predmeta).* [Types of relations between multilevel linguistic units with the semantics of figurative

comparison (based on the material of comparisons with the component In the name of a particular subject)]. *Issledovanija po semantike i pragmatike jazykovyh edinic: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov.* Ufa, 2007. pp. 77–86.

22. Sidorec V. S. *Neodnoslovnye naimenovanija dejstvija u vostochnyh slavjan – izbytochnost' ili neobhodimost'*. [Ambiguous names of action among the Eastern Slavs – redundancy or necessity]. Nauchnoe izdanie. Mozyr', 1993. 92 p.
23. *Slovar' russkogo jazyka.* [Dictionary of the Russian language]. V 4-h tt. Pod red. A.P. Evgen'evoj. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, Russkij jazyk, 1981.
24. Solodub Ju. P., Al'breht F. B. *Sovremennyj russkij jazyk. Leksika i frazeologija (sopostavitel'nyj aspekt).* [Modern Russian language. Vocabulary and phraseology (comparative aspect)]. Uchebnik dlja studentov filol. fakul'tetov i fakul'tetov inostrannyh jazykov. Moscow, Flinta, Nauka, 2002. 264 p.
25. Ufimceva A. A. Leksicheskoe znachenie. [Lexical meaning]. Otv. Red. Ju. S. Stepanov. Moscow, Nauka, 1986. 239 p.
26. Jemirova A. M. Russkaja frazeologija v kommunikativno-pragmaticheskom osveshhenii. [Russian Phraseology in communicative and pragmatic coverage]. Monografija. Simferopol', 2020. 226 p.

PHRASES WITH FIGURATIVE-COMPARATIVE SEMANTICS (ON THE QUESTION OF PHRASEOLOGICAL CONNECTEDNESS OF LEXICAL MEANING)

Ogoltseva E. V.

The article deals with phrases formed according to the model «relative (possessive) adjective + noun». The cases of manifestation of the figurative-comparative meaning of such phrases are analyzed and the question of the «freedom»/ connectedness of the adjective component in their composition is raised. Since in many cases substantive-adjective combinations such as bearish clumsiness, bullish strength, wasp waist, etc. turn out to be synonymous with stable comparisons with the same figurative basis, such manifestations of semantic correlation are analyzed in detail in the article. Adjective components formed on the basis of nouns of different lexico-semantic groups are considered, an attempt is made to typify phrases with these components according to the degree of idiomaticity. The author comes to the conclusion that the phrases of the studied model in many cases can be qualified as formal-comparative variants of the «prototypical» comparative units correlative with them - stable comparisons. On the other hand, there are grounds for considering such combinations as phraseological ones. The factors influencing the process of phraseologisation of figurative-comparative meanings of relative adjectives, as well as those features that distinguish phraseological combinations of this type from the «classic» cases such as bosom friend, penknife, etc., are revealed. The problems posed in the article have a direct outlet to lexicographic practice: An urgent task is to develop methods of semanticizing comparative phraseological combinations in linguistic dictionaries.

Keywords: structural-comparative variant, phraseological combination, adjectival component, comparative meaning, stable comparison, phraseologically related meaning.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 2. С. 149–155.

4. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛИСТИКИ

УДК 070.41

«ДЕЛО ДРЕЙФУСА» В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Болтуц О. А.

Кубанский государственный университет,
Краснодар, Российская Федерация
E-mail: boltutsolga2017@gmail.com

В статье анализируются публикации о «деле Дрейфуса» в отечественной провинциальной печати, в частности, в первой газете Черноморской губернии «Новороссийский листок» в период 1897–1898 годов в контексте информационной политики издания. В результате проведенного исследования можно утверждать, что П. В. Науменко в качестве редактора «Новороссийского листка» акцентировано осуществлял отбор контента «о деле Дрейфуса» из ведущих французских изданий.

Перепечатки из газет «Figaro», «Eclaire», «Patrie», «L'Aurore», бюллетеня агентства Гавас, представлявших различные точки зрения на процесс, расширили тематическую палитру первого издания Черноморской губернии, предоставили читательской аудитории возможность сформировать собственную точку зрения в отношении судебного процесса над Дрейфусом и позволили «Новороссийскому листку» стать информационной платформой, формирующей международную политическую повестку в регионе.

***Ключевые слова*: «**дело Дрейфуса», отечественная провинциальная пресса, газета «Новороссийский листок», П.В. Науменко, периодика Черноморской губернии.

ВВЕДЕНИЕ

Европейская политическая повестка была важнейшей составляющей отечественных медиа, как столичных, так и провинциальных. В конце XIX века среди новостей из Вены, Нью-Йорка, Варшавы, Софии, Милана особое место в отечественных газетах занимали сообщения из Парижа о деле Альфреда Дрейфуса.

Среди столичных изданий особо активно освещало процесс петербургское «Новое время» А. С. Суворина, а в провинциальных изданиях, как правило, ограничивались краткой новостной сводкой.

В 1890-е годы информационное пространство Черноморской губернии только начинало формироваться, и единственным местных изданием являлась частная газета П. В. Науменко, которая регулярно освещала ход «дела Дрейфуса».

Цель данной статьи – рассмотреть особенности освещения «дела Дрейфуса» на страницах газеты «Новороссийский листок».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Мировая история знает не так много судебных процессов, освещение которых вышло за рамки национальных масс-медиа. Дело Дрейфуса – одно из них. Крупнейшие европейские издания отводили ему первые страницы в конце XIX века,

а в XXI веке историки и практики медиа продолжают обращаться к этому прецеденту, проводя параллели с современностью.

Дело Дрейфуса вышло за рамки судебного процесса и стало резонансным благодаря сочетанию нескольких факторов:

– неудачная внешняя политика Франции, приведшая к потере Эльзаса и Лотарингии (территории отошли к Германии) и, как следствие, к негативному отношению во французском обществе к представителям немецкой нации;

– рост антисемитских настроений во французском обществе, активно поддерживаемых целым рядом влиятельных СМИ;

– широкая включенность медиа в судебный процесс, приведшая к социальному расколу во французском обществе.

В деле Альфреда Дрейфуса присутствовали два основных фактора – связь главного обвиняемого с Германией и еврейское происхождение, а их сочетание не только обусловило интерес к делу со стороны государства и обычных граждан, но и вылилось в широкую полемику во французских и мировых медиа.

Это было обосновано тем, что родившийся в Эльзасе в еврейской семье и получивший военное образование, Альфред Дрейфус в чине капитана нес службу в Генеральном штабе и имел репутацию образцового офицера.

Однако 14 октября 1894 года он был обвинен в государственной измене и заключен под стражу. Дрейфус отрицал вину с самого начала, но после проведения экспертизы началось судебное разбирательство. Несмотря на шаткость доказательств, суд признал обвиняемого виновным и вынес суровый приговор – пожизненная ссылка во Французскую Гвиану [10].

Однако задолго до решения суда французское медийное сообщество вынесло собственный «приговор» Дрейфусу. Так, спустя всего две недели после ареста капитана появились первые резонансные публикации во французской прессе. Одна из старейших газет Франции, влиятельная «Le Figaro» («Фигаро»), в выпуске от 1 ноября 1894 года на первой полосе разместила статью «Une Affaire de Trahison» («Дело о предательстве») Шарля Лезера. Имя Дрейфуса не называлось, но вывод был категоричным: «не только материальный результат предательства кажется нам грозным, но и моральный эффект, который оно произведет» [13, p. 1].

Правые националистические газеты Франции активно включились в процесс и рассматривали «дело Дрейфуса» исключительно в антисемитском ключе, требовали не только скорейшего наказания офицера, но и изгнания евреев из страны в целом.

Информационный накал достиг пика 6 ноября 1894 года, в день вынесения приговора. Популярная ежедневная газета «La Libre Parole» («Свободное слово») в день оглашения приговора Дрейфусу посвятила ему всю первую полосу и часть второй. Открывался номер двумя анонсами «Предательство еврея Дрейфуса» и «Палата представителей в суде присяжных по делу М. Жореса», напечатанными крупным кеглем [14, p. 1]. Далее следовала статья «Евреи в армии» редактора газеты Эдуарда Дрюмона, известного своими антисемитскими взглядами и непримиримой позицией по отношению к Дрейфусу [14, p. 1]. Заданную тональность публикаций продолжал материал «Государственная измена» Гастона Мери, который не только не скрывал своего враждебного отношения к евреям вообще и капитану в частности, но

и использовал недостоверную информацию и инвективы, чтобы очернить в глазах общественности Дрейфуса [16, p. 1–2]. Убедить читателей в виновности офицера должен был и материал «Еврейские офицеры. Простая статистика», автор которого укрылся за инициалами «С. З.» [15, p. 1], а также анонимные публикации – «Капитан еврей Дрейфус» и «Другой Дрейфус» [17, p. 2].

Нужно отметить, что большинство французских газет однозначно были настроены против подсудимого. С момента ареста в невиновность Дрейфуса верила лишь его семья и несколько человек, которых позже назовут «дрейфусарами первого часа», но их голоса не были услышаны ни обществом, ни периодикой.

Борьба за восстановление честного имени Альфреда Дрейфуса займет несколько лет и будет активно освещаться в национальной периодике, а за ходом дела с большим интересом будут следить не только во Франции, но и во всем мире [4].

«Дело Дрейфуса» нашло широкий отклик и в России. В конце XIX века в российском обществе велась полемика по данному вопросу, перешедшая на газетные и журнальные страницы. Издавались брошюры, книги и даже перевод дневника Дрейфуса, на страницах которого от первого лица рассказывалось о мучительных пяти годах изоляции, наполненных болью и верой в торжество справедливости [3]. Интерес российской аудитории к этому процессу был настолько велик, что на театральных подмостках ставились пьесы отечественных авторов, где главными героями были Альфред Дрейфус и Фердинанд Эстергази [11, с. 1].

Как и в Европе, общественное мнение разделилось на дрейфусаров и антидрейфусаров. Последние были в большинстве. Одним из самых известных русских сторонников Дрейфуса был А. П. Чехов, который осенью 1897 года был на лечении во Франции, в Ницце. Чтобы лучше разобраться в «деле Дрейфуса» и читать французские газеты в оригинале, он даже нанял учительницу. Однако комментарии газет были столь противоположны, а Чехов так хотел быть объективным и независимым ни от чьего мнения, что решил читать только судебные отчеты о деле Дрейфуса. В итоге он был убежден, что Дрейфус осуждён несправедливо [12].

С ним категорически был не согласен один из главных отечественных антидрейфусаров А. С. Суворин. На страницах его «Нового времени» «дело Дрейфуса» было одной из постоянных тем, и сама газета, и ее авторы не высказывали ни малейшего сочувствия и хоть какой-нибудь симпатии к Альфреду Дрейфусу [2].

В отечественных провинциальных изданиях о «деле Дрейфуса» сообщали кратко, по большей части это были перепечатки из столичных изданий или телеграммы агентств, однако нередко новости о ходе судебного разбирательства выносились в анонс номера.

В Черноморской губернии о «деле Дрейфуса» информировал «Новороссийский листок» – первое и единственное местное издание, редактором-издателем которого был «содержатель типографии» П. В. Науменко, лично отбиравший материалы для печати.

Основным контентом номера, в соответствии с заявленной программой издания, были частные и коммерческие рекламные объявления, а также телеграммы Российского телеграфного агентства, рассказывавшие о последних событиях в мире и стране.

Среди новостей из Петербурга, Екатеринослава, Одессы, Нижнего Новгорода, Парижа, Берлина, Праги, Бомбея, Вены, Шанхая, Нью-Йорка особое место занимали сообщения о «деле Дрейфуса».

В 1897 году французские газеты заговорили о необходимости пересмотра дела, появились статьи, говорящие о невиновности Альфреда Дрейфуса. А первая газета Черноморской губернии стремилась держать своих читателей в курсе последних новостей из Франции.

«Только в ноябре 1897 – январе 1898 года в «Новороссийском листке» появились перепечатки «из ведущих французских газет «Figaro», «Eclaire», «Patrie», вставших на сторону правительства, и материалы из газеты «L'Aurore», уверенной в невиновности капитана Альфреда Дрейфуса, а также выдержки из бюллетеня агентства Гавас» [1, с. 51].

Нужно отдать должное П.В. Науменко как редактору – он стремился передать всю палитру мнений французской прессы, предоставляя читателям самим делать выводы. Так, на страницах «Новороссийского листка» публиковались выдержки из французских газет, занимавших прямо противоположные позиции.

Рассмотрим несколько примеров, предложенных новороссийской газетой своим читателям:

«13 ноября. Париж, «Дело Дрейфуса». Газета «Jour» объясняет, что дело Шерера-Кестнера состоит исключительно из документов, полученных от Пикара, который утверждает, что в бытность свою при военном министерстве, он пришел к убеждению, что Эстергази, чтобы получить от министерства денег, написал бордеро, за которое осужден Дрейфус» [5, с. 1].

«В Figaro напечатана статья Золя, который утверждает, что для того, чтобы скрыть настоящих виновников, заставляют Францию совершить действительное преступление, обманывая ее насчет Дрейфуса, который искупает чужое преступление.

– В то же время в Eclair передается интервью с Золя, который уверяет, что он располагает вещественными доказательствами невиновности Дрейфуса. «В каторге Дрейфус не останется», присовокупил Золя: «об этом я уже позабочусь» [6, с. 1].

Более того, редактор П. В. Науменко не ограничивался сообщениями из парижской периодики исключительно о ходе судебного дела, он погружал читателя во французскую действительность, публикуя информацию о расколе в общественном мнении и социальных протестах, вызванных «делом Дрейфуса».

Например, в четверг 27 ноября 1897 года газета опубликовала следующую телеграмму:

«Париж. В окрестностях сената приняты меры предосторожности, чтобы помешать манифестации. Много любопытных. В половине третьего мимо сената проходят студенты с криком: «плюйте на Шерера-Кестнера», «идите на Figaro»! [7, с. 2].

Выступления Э. Золя в печати стало катализатором для новых протестов, о которых также рассказывало новороссийское издание:

«4-го, среди нескольких манифестаций произошла самая крупная: группа манифестантов, состоящая из нескольких студентов и множества служащих и

рабочих, с криками «смерть жидам!» и «плевать на Золя!» двинулась с площади Согласия, и в Брюссельской улице несколько негодяев выбили окна в отеле, предполагая, что он принадлежит Золя… Раздавались также возгласы «да здравствует армия!», «да здравствует полиция!» [9, с. 1].

«Дело Дрейфуса» повлияло и на ситуацию внутри самих масс-медиа Франции: одни журналисты делали политическую карьеру, используя данный инфоповод как трамплин, другие, под давлением общественного мнения, оставляли свои посты.

И об этом также рассказывалось в «Новороссийском листке», сообщавшей, что редактор «Figaro» Фернан де Роде верил в невиновность Дрейфуса и опубликовал свидетельство, указывающее на настоящего виновника, а также статьи Золя.

В ответ была организована кампания по отказу от подписки на старейшее периодическое издание Франции, а сам редактор был уволен. В воскресном номере «Новороссийского листка» об этом сообщалось:

«Париж. Фернан Роде заявляет, что временно отказывается от редактирования Figaro, потому что общественное мнение по делу Дрейфуса не было на его стороне» [8, с. 2].

Рассказывая о процессе над Альфредом Дрейфусом, П. В. Науменко стремился не только освещать ход судебных заседаний, но и тот общественный резонанс, который возник в обществе – помимо публикаций из французских СМИ, дебатов в Палате депутатов, рассказывалось о реакции на решения суда во французских колониях.

В дальнейшем внимание «Новороссийского листка» к «делу Дрейфуса» не ослабевало, и на страницах издания регулярно появлялись сообщения о ходе процесса над Альфредом Дрейфусом, а впоследствии интерес газеты привлек процесс над самим Эмилем Золя.

ВЫВОДЫ

Таким образом, можно прийти к выводу, что освещение «дела Дрейфуса» не только расширило тематическую палитру «Новороссийского листка», но и в определенной степени обозначило политический вектор развития прессы Черноморской губернии, отличавшейся от соседних территорий повышенным вниманием к политическим аспектам журналистского процесса.

Возможно, это было связано с повышенной политической активностью региона и включенностью редакции в решение городских проблем с опорой на потенциально востребованный европейский опыт.

Список литературы

1. *Болтуц О. А.* Первая городская газета Новороссийска: специфика типологической модификации // Вестник Пятигорского государственного университета, 2020. – № 4. – С. 50–54.
2. Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Текст. расшифровка Н. А. Роскиной: Подгот. текста Д. Рейфилда и О.Е. Макаровой. – London: The Garnett press; М.: Изд-во Независимая газ., 2000. – 670 с.
3. *Дрейфус А.* Пять лет моей жизни. 1894–1899. Полный перевод в 5-ти выпусках с приложением важнейших документов, с примечаниями и объяснительной статьей

Н. И. Новикова, доктора философии Бернского университета. Выпуск III. – Одесса: Типография Исакович и Бейленсон, 1901. – 92 с.
4. *Крайнова Д.Е.* «Дело Дрейфуса» // Новая и новейшая история, 2007. – №1. – С. 225–228.
5. Телеграммы «Российс. Телеграф. Агент» // Новороссийский листок. – №305. – 14 ноября 1897. – С. 1.
6. Телеграммы «Российс. Телеграф. Агент» // Новороссийский листок. – №312. – 22 ноября 1897. – С. 1.
7. Телеграммы «Российс. Телеграф. Агент» // Новороссийский листок. – №317. – 27 ноября 1897. – С. 2.
8. Телеграммы «Российс. Телеграф. Агент» // Новороссийский листок. – №326. – 7 декабря 1897. – С. 2.
9. Телеграммы «Российс. Телеграф. Агент» // Новороссийский листок. – №3. – 4 января 1898. – С. 1.
10. *Кэн Ф.* Дело Дрейфуса // Ведомости уголовно-исполнительной системы, 2014. – № 4 (143). – С. 40–44.
11. Объявления // Сибирский листок. – №23. – 29 января 1899. – С. 1.
12. *Чехов А.П.* Письмо Суворину А. С., 6 (18) февраля 1898 г. Ницца // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1983. – Т.7. – Письма, июнь 1897– декабрь 1898. – М.: Наука, 1979. – С. 166–168.
13. *Leser Ch.* Une Affaire de Trahison // Le Figaro. – 1894. (Nov. 1) – P. 1.
14. *Drumont* Ed. Les Juifs dans l'Armee // La Libre Parole. – 1894. (Nov. 6) – P. 1.
15. *C.Z.* Les officiers jufs. Simple statistique // La Libre Parole. – 1894. (Nov. 6) – P. 1.
16. *Mery G.* Haute Trahison // La Libre Parole, 1894. (Nov. 6) – P. 1–2.
17. Encore un Dreyfus // La Libre Parole, 1894. (Nov. 6) – P. 2.

References

1. Boltuts O. A. *Pervaja gorodskaja gazeta Novorossijska: specifika tipologicheskoj modifikacii* [Novorossijsk first city newspaper]. *Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no 4, pp. 50–54.
2. *Dnevnik Alekseja Sergeevicha Suvorina. Tekst. rasshifrovka N. A. Roskinoj: Podgot. teksta D. Rejfil'da i O. E. Makarovoj* [Aleksey Sergeevich Suvorin diary. Text transcript by N. A. Roskina: preparation of the text by D. Reifild and O. Ye. Makarova]. London: The Garnett press, Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 2000. 670 p.
3. Drejfus A. *Pjat' let moej zhizni. 1894–1899. Polnyj perevod v 5-ti vypuskah s prilozheniem vazhnejshih dokumentov, s primechanijami i ob'jasnitel'noj stat'ej N.I. Novikova, doktora filosofii Bernskogo universiteta. Vypusk 3.* [Five years of my life. 1894–1899. Full translation in 5 issues with annex of essential documents, annotations and explanatory article by N. I. Novikov, Doctor of Philosophy University of Berne. Issue 3]. Odessa: Isakovich and Bejlenson printing house, 1901. 92 p.
4. Krajnova D. E. «*Delo Drejfusa»* [The Dreifus case]. *Novaja i novejshaja istorija*, 2007, no 1, pp. 225–228.
5. *Telegrammy «Rossijs. Telegraf. Agent.»* [The telegrams "Russian Telegraph Agency"]. *Novorossijskij listok*, no. 305, Nov 14, 1897, p. 1.
6. *Telegrammy «Rossijs. Telegraf. Agent.»* [The telegrams "Russian Telegraph Agency"]. *Novorossijskij listok*, no. 312, Nov 22, 1897, p. 1.
7. *Telegrammy «Rossijs. Telegraf. Agent.»* [The telegrams "Russian Telegraph Agency"]. *Novorossijskij listok*, no. 317, Nov 27, 1897, p. 2.

8. *Telegrammy «Rossijs. Telegraf. Agent.»* [The telegrams “Russian Telegraph Agency”]. *Novorossijskij listok*, no. 326, Dec 7, 1897, p. 2.
9. *Telegrammy «Rossijs. Telegraf. Agent.»* [The telegrams “Russian Telegraph Agency”]. *Novorossijskij listok*, no. 3. Jan 4, 1898, p.1.
10. Kjen F. *Delo Drejfusa* [The Dreifus case]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy*, 2014, no. 4 (143), pp. 40–44.
11. *Objavlenija* [Advertisements]. *Sibirskij listok*, no. 23,Jan 29, 1899, p.1.
12. Chekhov A. P. *Pis'mo Suvorinu A. S., 6 (18) fevralja 1898 g. Nicca* [Letter to Suvorin A.S., Feb 6 (18), 1898. Nice]. *Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem:* v 30 t. Pis’ma*: v 12 t. T. 7. Pis’ma, ijun' 1897–dekabr' 1898*. Moscow, Nauka publ., 1979, pp. 166–168.
13. Leser Ch. *Une Affaire de Trahison*. Le Figaro, Nov 1, 1894, p. 1.
14. Drumont Ed. *Les Juifs dans l’Armee*. La Libre Parole, Nov 6, 1894, p.1.
15. C. Z. *Les officiers jufs. Simple statistique*. La Libre Parole, Nov 6, 1894, p. 1.
16. Mery G. *Haute Trahison. La Libre Parole*, Nov 6, 1894, pp. 1–2.
17. *Encore un Dreyfus*. La Libre Parole, Nov 6, 1894, p. 2.

THE DREYFUS AFFAIR IN RUSSIAN PRESS COVERAGE: REGIONAL ASPECT

Boltuts O. A.

The article analyzes the publications about the «Dreyfus Affair» in the domestic provincial press, in particular, in the first newspaper of the Black Sea province «Novorossiysky listok» in the period 1897–1898 in the context of the information policy of the publication.

As a result of the study, it can be claimed that P.V. Naumenko, as the editor of «Novorossiysky listok», purposefully selected the content «about the Dreyfus affair» from leading French publications.

Reprints from the newspapers «Figaro», «Eclaire», «Patrie», «L'Aurore», the bulletin of the Havas agency, representing different points of view on the process, expanded the thematic palette of the first edition of the Black Sea province, provided the readership with the opportunity to form their own point of view regarding the trial of Dreyfus and allowed «Novorossiysky Listok» to become an information platform shaping the international political agenda in the region.

Keywords: «Dreyfus affair», domestic provincial press, newspaper «Novorossiyskiy listok», P.V. Naumenko, periodicals of the Black Sea Governorate.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 2. С. 156–163.

УДК 070:316.77(292.471)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МЕДИАТЕКСТ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Зайцев Е. Р.

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь, Российская Федерация
E-mail: egor.zts@gmail.com

В статье рассматриваются особенности регионального медиатекста как части информационного пространства. В исследовании отмечена тесная взаимосвязь специфики региональных медиатекстов с феноменом региональной идентичности. Реальные события при их освещении в текстах СМИ погружаются в социокультурное пространство, поэтому интерпретация регионального медиатекста требует понимания политического, культурного и других подтекстов, которые придают сообщению дополнительные смыслы и определяют способ кодирования информации. В текстах региональных СМИ наблюдается усиление значимости регионально маркированных идеологем и культурных концептов, определяющих социальную оценку фактов и событий. Аксиологическая составляющая регионального медиадискурса проявляется и в ключевой гипертеме медиатекстов – жизни региона. Характеризуя информационную повестку дня, формируемую крымскими региональными медиа, автор фиксирует значительное внимание к гипертеме развития региона.
Ключевые слова: медиатекст, медиадискурс, региональные СМИ, информационное пространство.

ВВЕДЕНИЕ

Наблюдаемые в последние десятилетия изменения коммуникативных процессов, обусловленные возрастающим влиянием массмедиа на индивидов и социум, привлекают внимание исследователей в области политологии, социологии, психологии, массовых коммуникаций и лингвистики.

Системное исследование речевой практики средств массовой информации в условиях формирования информационного общества приобретает особую актуальность, поскольку «современная языковая личность живет в пространстве медиатекстов, представленных контекстом массовой информации» [2, с. 57]. СМИ выступают не только как посредник в системе передачи массовой информации, но и как инструмент конструирования медиареальности, формирующейся при интерпретации медиа действительности, ее отражения в медиатекстах в результате творческого акта отбора информации и выбора способа ее подачи с использованием технических средств. Таким образом СМИ расширяют знания массовой аудитории об окружающем мире и выступают способом когнитивной обработки информации обществом и отдельными индивидами с целью формирования картины мира.

Медиареальность может рассматриваться как конструкт, выстраиваемый между аудиторией медиа и объективной реальностью, формируемый посредством комплекса семиотических систем, ключевую роль при этом играет вербальная система. Значительное влияние на специфику выстраиваемой медиареальности оказывают особенности медиасистемы и формируемого ее информационного пространства. Комплексное исследование особенностей регионального медиапространства невозможно без изучения лингвистических аспектов

функционирования региональных медиатекстов и медиадискурса. Последний отражает текущие нормы языка, фиксирует состояние его лексического и грамматического состава, вводит в языковой корпус новую лексику. При этом медиадискурс, по замечанию исследователей, может рассматриваться как наиболее динамично развивающийся среди всех типов дискурса, что связано со способностью медиасреды, в рамках которой он функционирует, быстро изменяться в результате развития цифровой среды [2].

Таким образом, анализ дискурсивной практики, сложившейся в региональной медиасистеме как особом типе коммуникации, и выделение характеристик регионального медиатекста представляется актуальной задачей. Цель настоящего исследования – выявление ключевых особенностей регионального медиатекста, определяющих специфику дискурсивной практики СМИ региона. Материалом исследования послужили публикации в таких изданиях, как «Крымская газета», «Крымская правда», «Крымский телеграф», за период с января по март 2022 года.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

М. Ю. Казак определяет медиатекст как совокупность продуктов массовой коммуникации, включающей журналистские, рекламные и PR-тексты. При этом, по замечанию исследователя, каждый тип текстов обладает собственными специфическими характеристиками [5]. Особенности медиатекстов определяются условиями их функционирования, в том числе характером информации, которую транслируют СМИ, невоспроизводимостью, связанной с быстрым устареванием информации и переключением внимания аудитории на более актуальные сообщения, коллективным характером производства медиатекста, спецификой технических средств трансляции сообщения, которые определяют не только формат подачи информации, но и ее структурирование [10]. Т. Г. Добросклонская подчеркивает, что медиатекст нельзя рассматривать исключительно как последовательность вербальных знаков, поскольку медийные характеристики средств массовой коммуникации привносят в сообщение дополнительные смыслы [3]. Исходя из данного положения, медиатекст описывается как комплексная многоуровневая и многомерная знаковая система, в которой сочетаются как вербальные, так и невербальные семиотические коды. Для медиатекстов характерна открытость содержательного, смыслового, композиционного и знакового уровня [5]. Среди значимых параметров медиатекста принято выделять способ его производства, форму создания, тематическую направленность, канал распространения, определяющий способы кодировки действительности в сообщении, а также жанровые характеристики [3]. Специфика медиатекста как речевого произведения, по мнению исследователей, определяется сложившимися тенденциями представления продуктов массовой коммуникации – технологичностью; включенностью в систему идеологического воздействия; массовостью адресата и т. д. [1].

Реальные события, отраженные в медиатекстах, погружаются в социокультурное пространство, благодаря чему приобретают дополнительный информационный и культурный смысл. Г. А. Антонова отмечает: «объем и полнота информации при

создании медиатекстов увеличивается не за счет фактологической, документальной стороны высказывания, а за счет «игры» разных текстовых структур внутри одного текста». Исследователь указывает, что декодирование и интерпретация заложенных в медиатекстах вербальных, визуальных, символических смысловых кодов требует от адресата особой подготовки [1, с. 275].

Адекватная интерпретация медиатекста требует понимания особенностей его создания: адресант отбирает конкретные факты, освещает их и связанные с ними события, помещая в определенный контекст, таким образом формируется образ, стереотип восприятия происходящего. Особое значение в данном процессе приобретают политический, культурный и другие подтексты, придающие сообщению дополнительные смыслы и определяющие способ кодирования информации [11].

Б. Б. Сибиданов, рассматривая ключевые механизмы функционирования и параметры регионального медиадискурса, приходит к выводу, что медиатексты призваны выполнять две ключевые задачи: информирование аудитории и обеспечение массовой коммуникации в целях регулирования отношении в социуме: «Коммуникативное измерение функционирования медиатекста опирается на лингвистический базис, в качестве которого выступают типы пассажей, универсальные типы целеполаганий любых речевых конструкций: нарративный, дескриптивный, объяснительный, инструктивный и увещевательный, убеждающий» [9, с. 155].

Медиатексты, транслируемые региональными СМИ, призваны формировать и удовлетворять коммуникативные запросы представителей регионального сообщества [8] в получении как актуальной новостной информации, так и сведений прикладного характера. В таких текстах информация транслируется с ориентацией на актуальные особенности развития конкретного региона, что и определяет одно из ключевых преимуществ региональных СМИ – близость к аудитории, проживающей на конкретной территории. Л. Г. Егорова указывает на тесную взаимосвязь специфики региональных медиатекстов с феноменом региональной идентичности, отражающей осознание целевой аудиторией своей территориальной и социокультурной принадлежности [4]. Семантические и стилистические особенности текстов, формирующих региональный медиадискурс, определяются рядом экстралингвистических факторов: географическое положение региона, административно-территориальный статус, экономическая ситуация, исторические, этнические и др. характеристики территории [6].

Поскольку медиатекст ориентирован на массового адресата, значимыми характеристиками становятся не только особенности самого текста, но и контекст, в котором реализуется коммуникативный процесс. Б. Б. Сибиданов выделяет три уровня формирования контекста медиасообщений – событийный (медийный), социальный и культурологический. Событийный контекст определяется совокупностью информации по теме медиатекста, которой обладает адресат, и оказывает влияние на понимание и усвоение смысла медиасообщения индивидом, оценку фактов и поведение аудитории. Социальный контекст находится в тесной взаимосвязи с событийным, поскольку включение получаемых из медиатекста новых

сведений в информационную компетентность массовой аудитории приводит к повышению уровня социальной осведомленности и осмыслению новой информации с позиции ее влияния на функционирование социальной системы. Культурологический контекст определяется теми установками, традициями и ценностями, которые сформированы в сообществе. Следует отметить, что данный контекст оказывает влияние не только на восприятие медиасообщения, но и на весь процесс коммуникативного взаимодействия [9].

В региональных медиатекстах отражается сложившийся на определенной территории культурный код и формируется особая аксиологическая оценка фактов и событий. А. И. Пушкарева указывает на то, что аксиологическая составляющая регионального медиадискурса проявляется в ключевой гипертеме медиатекстов (жизни региона) и краеведческих доминантах, т.е. темах, которые представлены в медиасообщениях и связаны с актуализацией в текстах региональной идентичности. Особое значение здесь приобретают общие культурные концепты и идеологемы, определяющие социальную оценку происходящего, а также регионально маркированные идеологемы, в которых проявляются значимые для местного сообщества особенности территории [7]. Наиболее ярким примером регионально маркированной идеологемы, транслируемой крымскими СМИ, является «Крымская весна»: *Всё получится, земляки, ведь мы вместе, мы дома, мы сильные! У нас «Крымская весна». Бесконечно и надежно* («Крымская правда», 17 марта 2022).

Среди ведущих общекультурных концептов следует назвать идею сбалансированных межэтнических отношений, поддерживаемых на территории полуострова: *Одно из основных направлений работы учреждения связано с изданием книг на родных языках народов, проживающих в Республике Крым. Такая социально значимая литература, несомненно, не только важна для гармоничного развития культуры различных этносов, способствуя межнациональному согласию, но и позволяет знакомить представителей других национальностей с особенностями языка, традициями, поверьями, мировоззрением* («Крымская газета», 18 марта 2022).

В текстах СМИ социальная оценка событий реализуется исходя из сложившейся системы общественных идеалов, что в полной мере присуще и региональным медиатекстам. Однако в текстах региональных медиа актуализируется еще одна форма существования социальных ценностей – предметно воплощенные ценности, что и определяет в значительной степени аксиологическую специфику дискурса региональных медиа. Региональные медиатексты отражают духовно значимые для аудитории объекты – предметы материальной и духовной культуры, которые в массовом сознании соотносятся с концептом малой родины и могут рассматриваться как маркеры региональной идентичности [7]. Лексическими средствами презентации таких ценностей выступают в первую очередь имена собственные – топонимы, а также обозначения важных мест городской среды: *Территория современной Балаклавы когда-то была густонаселённой. Здесь находили приют скифы и тавры, греческие колонизаторы и воинственные римляне. Теперь Балаклава – курортный района Севастополя* («Крымская правда», 5 марта 2022); *В Крыму 30 марта были созданы две новые особо охраняемые природные территории. Это так называемые каменные грибы рядом с Малым Салгиром и парк им. М. В. Печёнкина, возле*

водохранилища в Симферополе («Крымская правда», 5 апреля 2022); *Кроме того, к «серым зонам» относятся городские леса. За отчетный период от мусора очищены территории городских лесов общей площадью порядка 960 тысяч квадратных метров в районе улиц Балаклавская, Аральская и возле водохранилища* («Крымский Телеграф», 22 марта 2022). Такие дейктические вербальные средства отражают пространственную идентификацию жителей территории и демонстрируют принадлежность адресанта и целевой аудитории к особой общности с едиными представлениями о пространстве региона.

Особенности регионального медиадискурса, проявляющиеся в медиатекстах, включают специфику выстраиваемой СМИ информационной повестки и способы освещения фактов и событий, тематическую палитру, способы и приемы поддержания диалога с адресатом медиасообщения [4]. Характеризуя информационную повестку дня, формируемую крымскими СМИ, следует отметить значительное внимание к гипертеме развития региона в различных сферах – от роста сельского хозяйства до благоустройства населенных пунктов и улучшения инфраструктуры: *В 2022 году также ожидается прирост производства продукции сельского хозяйства на 3%; продукции растениеводства – на 3,5%; продукции животноводства – на 0,2%. Также в этом году в планах сельхозорганизаций и фермерских хозяйств республики закладка 800 гектаров многолетних насаждений и 800 гектаров виноградников* («Крымская правда», 18 февраля 2022)*; Первый этап строительства трассы в обход Симферополя на участке Донское – Перевальное обойдётся в 15 миллиардов 973 рублей. Дорога протяжённостью 25,2 километра соединит федеральную трассу «Таврида» с дорогой на Южный берег Крыма* («Крымская газета», 16 марта 2022)*; В Симферополе до середины мая капитально отремонтируют 35 тысяч квадратных метров дорожного полотна* («Крымская газета», 4 апреля 2022)*; Своего картофеля и овощей в Крыму станет больше. Этому способствуют субсидии, большая вода и отечественные семена* («Крымская газета», 1 апреля 2022). Исследователи отмечают, что для региональных медиа характерна достаточно устойчивая тематическая структура [4]. При этом большую роль играет «традиция восприятия сложившихся в регионе тем медиатекстов», которая оказывает влияние и на традиции подготовки медиасообщений адресантом, и на традиции восприятия текста целевой аудиторией [9, с. 155]. Таким образом, в медиатекстах изданий Республики Крым помимо общекультурных концептов активно представлены регионально маркированные идеологемы и предметно воплощенные ценности, определяющие аксиологическую составляющую дискурса крымских СМИ. В информационной повестке дня, формируемой региональными медиатекстами, особое внимание уделяется гипертеме развития региона.

ВЫВОДЫ

Сегодня СМИ являются не только средством передачи массовой информации, они интерпретируют факты и события действительности, погружая их в социокультурное пространство и конструируя медиареальность. Тексты региональных СМИ призваны удовлетворять коммуникативные запросы целевой аудитории – регионального сообщества, что и определяет особенности

представления информации. Так, лексические и стилистические особенности региональных медиатекстов обусловливаются рядом экстралингвистических факторов, в числе которых географическое положение региона, административно-территориальный статус, экономическая ситуация, исторические, этнические и другие характеристики территории. В региональных медиатекстах проявляется сложившийся на определенной территории культурный код и формируется особый тип аксиологической оценки действительности, наблюдается активизация регионально маркированных идеологем и культурных концептов, определяющих социальную оценку фактов и событий. Ключевая гипертема таких медиатекстов – жизнь региона – тесно связана с актуализацией в сообщениях маркеров региональной идентичности. Особенности регионального медиадискурса выражаются в специфике выстраиваемой СМИ информационной повестки и тематической палитры сообщений. Характеризуя информационную повестку дня крымских СМИ, следует отметить значительное внимание к гипертеме развития региона в различных сферах.

Дальнейшая перспектива исследования специфики региональных медиатекстов Республики Крым видится в комплексном анализе их стилистических и лексических особенностей на современном этапе.

Список литературы

1. *Антонова Л. Г.* Медиатексты в современной массовой коммуникации // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 2. – Т. 1. – С. 275–278.
2. *Джабраилова В. С., Фомичева М. П.* Медийный дискурс как объект лингвистического исследования // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 46–3. – С. 56–61.
3. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). – М.: Флинта: Наука, 2008. – 263 с.
4. *Егорова Л. Г.* Влияние медиадискурса на формирование региональной идентичности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 1. – С. 165–173.
5. *Казак М. Ю.* Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика: колл. монография, посвященная 80-летию профессора Г. Я. Солганика. – М.: Флинта: Наука, 2012. – С. 320-334
6. *Пушкарева И. А.* О лингвоаксиологическом исследовании регионального медиадискурса // Przegląd Wschodnioeuropejski. – 2018. – № 1. – С. 239–249.
7. *Пушкарева И. А.* Специфика регионального медиадискурса: лингвоаксиологический аспект // Медиалингвистика. – 2017. – № 3 (18) – С. 90–98.
8. *Регушевская И. А.* Тенденции развития языка крымских печатных СМИ на современном этапе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – Т. 1 (67), № 2. – С. 100–110.
9. *Сибиданов Б. Б.* Параметры регионального медиадискурса: субъект, коммуникация, структура контекста // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2020. – № 23. – С. 143–157.
10. Современный медиатекст: учебное пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.
11. *Ткач П.* К вопросу о понятии медиатекста и его особенностях // Вестник науки и образования. – 2018. – № 8 (44). Т. 2 – С. 35–39.

References

1. Antonova L. G. *Mediateksty v sovremennoj massovoj kommunikacii* [Media texts in modern mass communication]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2011, no 2, vol. 1, pp. 275–278.
2. Dzhabrailova V. S., Fomicheva M. P. *Medijnyj diskurs kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija* [Media discourse as an object of linguistic rsarch]. *Tendencii razvitija nauki i obrazovanija* [Tendencies of science and education development], 2019, no 46–3, pp. 56–61.
3. Dobrosklonskaja T. G. *Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI (Sovremennaja anglijskaja mediarech')* [Media linguistics: the system approach to mass media language study (Modern English media speech]. Moscow, Flinta: Nauka, 2008. 263 p.
4. Egorova L. G. *Vlijanie mediadiskursa na formirovanie regional'noj identichnosti* [Media discourse impact on the regional identity formation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences], 2021, vol. 7 (73). no 1, pp. S. 165–173.
5. Kazak M. Ju. *Specifika sovremennogo mediateksta* [Modern media text features]. *Lingvistika rechi. Mediastilistika: koll. monografija, posvjashhennaja 80-letiju professora G. Ja. Solganika* [The Linguistics of Speech. Media linguistics: collective monograph, dedicated to professor G.Ja. Solganic 80th anniversary]. Moscow, Flinta: Nauka, 2012, pp. 320–334
6. Pushkareva I. A. *O lingvoaksiologicheskom issledovanii regional'nogo mediadiskursa* [On linguoaxiological research of regional media discourse]. *Przegląd Wschodnioeuropejski* [East European Review], 2018, no 1, pp. 239–249.
7. Pushkareva I. A. *Specifika regional'nogo mediadiskursa: lingvoaksiologicheskij aspekt* [Specificity of the regional media discourse: the linguistic-axiological aspect]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2017, no 3 (18), pp. 90–98.
8. Regushevskaja I. A. *Tendencii razvitija jazyka krymskih pechatnyh SMI na sovremennom jetape* [Tendencies of the Crimean print media language development at the present stage]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences], vol. 1 (67), no 2, pp. 100–110.
9. Sibidanov B. B. *Parametry regional'nogo mediadiskursa: sub'ekt, kommunikacija, struktura konteksta* [Parameters of regional media discourse: subject, communicative situation, context structure]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie* [Text. Book. Publishing], 2020, no 23, pp. 143–157.
10. *Sovremennyj mediatekst: uchebnoe posobie* [Modern media text: study guide]. managing editor. N. A. Kuz'mina. Omsk, 2011. 414 p.
11. Tkach P. *K voprosu o ponjatii mediateksta i ego osobennostjah* [On the question of understanding media-text and its specifics]. *Vestnik nauki i obrazovanija* [Journal of Science and Education], 2018, no 8 (44), vol. 2, pp. 35–39.

REGIONAL MEDIA TEXT: RAISING THE ISSUE

Zajcev E. R.

The article presents the features of the regional media text as part of the information space. The study points to the close relationship between the specifics of regional media texts and the phenomenon of regional identity. Real events covered in media texts are immersed in the social and cultural space, therefore, the interpretation of a regional media text requires an understanding of political, cultural and other subtexts that give the message additional meanings and determine the way information is encoded. Regionally marked ideologemes and cultural concepts that determine the social assessment of facts and events are significant in the texts of the regional media. The axiological component of the regional media discourse is also manifested in the key hypertheme of media texts that may be defined as the life of the region. Describing the information agenda formed by the Crimean regional media the author notes significant attention of the media to the hyper-theme of the region's development.
Keywords: media text, media discourse, regional media, information space.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 2. С. 164–182.

УДК 81'373.2(470-924.71)

АСТИОНИМ *ЕВПАТОРИЯ* В РОМАНЕ И. СЕЛЬВИНСКОГО «О, ЮНОСТЬ МОЯ!» СКВОЗЬ ПРИЗМУ КРЫМСКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ

Петров А. В.

Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: liza_nada@mail.ru

В статье на материале романа И. Л. Сельвинского «О, юность моя!» с позиции диахронии изучается язык и уклад жизни города Евпатории. Коренной крымчанин, автор воспроизводит жизнь многонационального полуострова в определенный исторический период – между февральской революцией 1917 года и окончанием Гражданской войны в Крыму в ноябре 1920 года. Читатель знакомится с историей заселения полуострова, этнографическими особенностями города, занятиями горожан. Исследовано ономастическое пространство Евпатории, специфика которого заключается в том, что его составляющие – годонимы, микротопонимы, ойкодомонимы и эргонимы – наполнены лирической экспрессией автора и главного героя – Елисея Бредихина. Знание Крыма проявляется И. Сельвинским и в воспроизведении многоязычия полуострова, его речевой стихии, а также лексических и фразеологических регионализмов как локальных речевых феноменов своего времени. Герои произведения употребляют в речевом общении слова и фразы, по которым узнается евпаториец. К евпаторийским регионализмам отнесены формулы речевого этикета, используемые носителями языка, топоним *Чатырдаг*, употребляемый в диалогической речи в несобственном лексическом значении. Ведущим методом исследования являются контекстный и дискурсивный анализ. Панорама жизни города представлена при помощи цитатного текста, то есть дословной выдержки фрагментов разного объема – от предложения до более крупных отрезков произведения, – с последующим выборочным его лингвистическим и филологическим комментированием.
Ключевые слова: крымская филологическая регионалистика, роман И. Сельвинского «О, юность моя!», язык города Евпатории, регионализмы, этикетные речевые формулы, идиостиль писателя.

ВВЕДЕНИЕ

Язык города – один из недостаточно разработанных вопросов в лингвистике. Б. А. Ларин отмечал, что «предпочтительное внимание к литературным языкам задержало изучение языка города» [12, с. 177]. По мнению Е. А. Земской, «язык города является мощным лингвистическим объектом, дающим уникальные материалы для разных отраслей языкознания – социолингвистики, теоретического языкознания, теории коммуникации, прагмалингвистики, а кроме того, и для исследования проблемы "язык и культура"» [8, с. 242].

Отдельной проблемой является изучение языка города в диахронии на основе локального текста, то есть текста, содержащего местнографический материал, что, как подчеркивал Н. П. Анциферов, позволяет исследователю сместить акценты в сторону характеристики населения изучаемого города, краеведческой составляющей произведения [1]. С точки зрения Н. П. Анциферова, урбаническая литература дает возможность через писателя изучать город, а «через созданный образ открывается

особый путь к изучению творческой индивидуальности самого автора» [1, с. 20–21]. В этом ряду заслуживают особого внимания исследования Г. В. Судакова «Гиляровский как знаток русской речи (рефлексия писателя на речевые феномены своего времени)» [25] и Н. С. Зарицкого «Неутомимый охотник за своеобразным оригинальным человеком (Киев в языке произведений Н. С. Лескова)» [6]. По замечанию М. Р. Шумариной, исследование Г. В. Судакова «иллюстрирует основные принципы изучения метаязыковой личности с позиций историзма» [29, с. 27–28]. Наблюдения В. А. Гиляровского над речью пестрой, многоликой Москвы конца XIX – начала XX века были учтены в лексикографических исследованиях В. С. Елистратова. Образ Киева в художественных произведениях Н. С. Лескова, отмечает Н. С. Зарицкий, является сложным комплексом различных характеристик, которые дает писатель этому важному на то время административному, торгово-промышленному и культурному центру [6, с. 42].

В изучении языка города важным является понятие регионализма [26]. В «Словаре лингвистических терминов», составленном Т. В. Жеребило, «регионализм» толкуется как «1. Местное слово или выражение, бытующее на определенной территории, употребляемое носителями региолекта» [24]. Лингвистический термин «регионализм» является омонимом экономического и политического термина «регионализм», который обозначает подход к рассмотрению и решению экономических, социальных, политических и других проблем под углом зрения интересов того или иного региона.

Под регионализмами, согласно И. С. Зварыкиной, понимаем «лексико-фразеологические единицы, функционирующие на определенной территории, номинирующие значимые региональные реалии, используемые жителями региона преимущественно в устной коммуникации, но также встречающиеся в словарях региональной лексики, в художественной, публицистической литературе региона» [7, с. 34].

Актуальной становится филологическая регионалистика, которая имеет большой потенциал в области изучения языка писателя, творчество которого развивается в условиях определенного региона. Поэтому, как считает Л. Полякова, «задача филологической регионалистики… состоит в системном исследовании литературно-художественных явлений или языковых процессов, генезиса, эволюции региональной субкультуры с использованием филологического инструментария, через постижение особенностей творческой индивидуальности художника» [18, с. 195–196].

Филологическая регионалистика, таким образом, предполагает изучение местнографических реалий, национального менталитета, проблем этносов, живого разговорного языка, ономастики и микроономастики – названий локально ограниченных объектов.

Цель статьи – на основе романа И. Сельвинского «О, юность моя!» изучить город Евпаторию с позиции крымской филологической регионалистики.

Роман И. Л. Сельвинского «О, юность моя!» носит автобиографические черты [31], что отмечал и сам автор: «Многое из жизни этого периода описано в романе “О, юность моя!”» [22, с. 426]. В произведении отражены события, разворачивающиеся

на полуострове в период между февральской революцией 1917 года и Гражданской войной. И. Сельвинский посвятил произведение Крыму, который является не только местом действия романа, но и самостоятельным образом. Главный герой произведения – Леська (Елисей) Бредихин – юный гимназист-сирота из рыбацкой и рабочей семьи потомственных крымчан.

В заглавии романа заключена отсылка к мотиву возвращения в юность, дословно строчка звучит и в произведении «Пушторг»: «*О юность моя!* Я заглох, зачах, Я рвусь, я тянусь к тебе неукротимо, Но ты затонула в татарских ночах, В маринах густых золотистого Крыма…» [21, т. 2, с. 285].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Исторические названия города

У города несколько исторических названий: Керкинитида, Гёзлёв, Евпатория. В VI–V веках до н. э. – Керкинитида (Каркинитида, др.-греч. Κερκινίτις). Существует несколько версий происхождения названия города. Некоторые из них связаны с греческим словом «каркинос» – ‘рак, краб’, поскольку на этом пространстве обильно водились крабы [11, с. 11]. Основа этого слова выделяется и в номинации Каркинитский залив («Но раз они [белые] взялись за Евпаторию, то уж наверняка метят *на Каркинитский залив*» [21, т. 6, с. 382]). Однако город омывает Евпаторийская бухта: «Когда “Синеус” бросил якорь в *Евпаторийской бухте*, было еще рано, но уже припекало» [21, т. 6, с. 288].

Древнегреческие колонисты дали название городу в честь боспорского царя Митридата Евпатора (132–63 гг. до н. э.), в греческом «евпатор» – ‘благородный’ [2, с. 425].

В XIV веке, в эпоху турецкого завоевания, город был переименован в Гёзлёв. Топоним состоит из двух компонентов – «гюз» («гёз») в значении ‘глаз’ и «лёв» – ‘хижина/дом’, то есть дословно ‘хижина с одним глазом’ или ‘с круглым окном’ [11, с. 42; 17].

Юный Сельвинский в произведении «Из дневника» (8-й класс 1918/19) графически отразил татарское название города в виде Гез-лёв: «…я *Гез-лёв* / Не променяю даже на столицы» [23, с. 150]. В сноске к топониму, приведенному в стихотворении, уточняется: «татарское название Евпатории».

После присоединения в 1783 году Крыма к России Гёзлёв был переосмыслен в Козлов, адаптированное название употреблялось наряду с официальным Евпатория еще в XIX веке. В романе «Арктика» действующее лицо Петух упоминает это устаревшее название города:

Петух
голоском наивным
Спросил: – Робя! Ето город *Козлов*? – [21, т. 4, с. 196].

Жители близлежащих к городу селений, отмечается в романе, называют Евпаторию своей столицей, поскольку там есть магазины: «– А-а... Вот этого уж не знаю. У нас тут магазинов нет. Коли чего надо, мы завсегда в *Евпаторию* ездим. Там *наша столица*» [21, т. 6, с. 181].

В тексте произведения в диалоге Елисея и Гульнары раскрывается этимология названия города Евпатории, неразрывно связанного с Чатырдагом:

– Ну, конечно, Евпатория – чудесная. Почему до сих пор ни один поэт ничего про неё не написал?

– Один написал.

– Кто же?

– Мицкевич. Ты знаешь, что Мицкевич был в Евпатории?

– Ну?

– Да. У него есть сонет: «Вид на Чатырдаг из Козлова». А *Козлов* – это старинное название Евпатории, переделанное из татарского «*Гёзлёв*».

– «*Окошко-глаз*»? – недоумённо спросила татарка.

– Да. «*Окошко, подобное глазу*», – очевидно, в те времена в Евпатории строили именно такие домишки [21, т. 6, с. 176].

Елисей на свой лад воспроизвел название одного из «Крымских сонетов» А. Мицкевича, включив в него топоним Чатырдаг и опустив расширительный признак, подчеркивающий степной характер города. Поэт назвал сонет «Вид гор со степей Козловских» [15, с. 8]. Герой Сельвинского развернул дословное название города «окошко-глаз», представленное скрытым сравнением, в синонимичное «окошко, подобное глазу», что свидетельствует и о лингвистическом кругозоре молодого человека.

В 1918 году, после убийства председателя Евпаторийского военно-революционного комитета Давида Караева, «по распоряжению Ревкома Евпатория переименована в *город Караев*» [21, т. 6, с. 85]. Однако это предложение не было поддержано в Петрограде.

Один из героев романа, Володя Шокарев, используя анатомический термин, образно назвал город *слепой кишкой*: « – В Евпатории так жутко! Это же *город на отлете, слепая кишка»* [21, т. 6, с. 440].

Название города используется в переносном, метонимическом значении – житель(и) города: «*Евпатория* – это ведь не просто город. Это Андрон, Гульнара, дедушка» [21, т. 6, с. 152]; «…подлинный страж порядка – сама *Евпатория*» [21, т. 6, с. 224]; – Документы! Из тюрьмы вышел? *Евпатория*? За что сидел? [21, т. 6, с. 269]; – Не позорь *Евпаторию* [21, т. 6, с. 132]; – Мы – *Евпатория* [21, т. 6, с. 142].

Амбивалентность восприятия номинации города ярко проявляется в размышлениях главного героя: «*Евпатория* – это ведь не просто город. Это Андрон, Гульнара, дедушка. Что-то такое, что *родней родного*…» [21, т. 6, с. 152]. Более того, для Елисея Евпатория ассоциируется с близким другом: «И все же *Евпатория* тянула его с какой-то магнитной силой. А может быть, действительно притягивал сам *город, как живой организм? Как близкий друг*…» [21, т. 6, с. 416].

Иное отношение к городу проявляется у деникинцев: «После двух знаменитых дней безвластия евпаторийцы страстно возненавидели деникинцев. Но и *офицеры глубоко презирали Евпаторию*:

– Этот город не дал миру ни одного генерала!» [21, т. 6, с. 226].

Революция пришла в город, о чем возвестили залпы с крейсера «Румыния». Автор обращает внимание на ассоциативную связь с «Авророй», хотя события,

казалось, были несоразмерными по масштабу: «Залпы “Румынии” были для Евпатории голосом “Авроры”, но крейсер не казался меньше от того, что брал не Санкт-Петербург, а маленький приморский городок: революция – везде революция, подвиг – всюду подвиг» [21, т. 6, с. 84].

Роман является энциклопедией жизни крымского города начала 20 века. В нем читатель узна́ет о населении города, быте и нравах евпаторийцев, общественном устройстве, достопримечательностях города, природе.

● Население города:

«В Евпатории двадцать тысяч жителей» [21, т. 6, с. 55]; «Евпатория… наполнена караимами, татарами и греками» [21, т. 6, с. 57]; «Евпатория почти не располагала промышленным пролетариатом» [21, т. 6, с. 52]; «Жителям этого политического захолустья “Интернационал” был еще неизвестен» [21, т. 6, с. 71]; «…типичная евпаторийская толпа: жестянщики, чувячники, комиссионеры, чебуречники, цирюльники, приказчики, рыбаки» [21, т. 6, с. 493].

В речи Андрона, брата Елисея, прозвучала крымская пословица, в состав которой включена просторечная форма повелительного наклонения *езжай* (нормативной является форма *поезжай*): «Знаешь крымскую пословицу: “*Хочешь жениться – езжай в Евпаторию*”… – [девушки] на все вкусы: русские, хохлушки, гречанки, караимки, – и одна лучше другой» [21, т. 6, с. 220], «Леська снова убедился в прелести евпаториек: из пяти – четыре красавицы» [21, т. 6, с. 221].

● Быт и нравы евпаторийцев:

«Евпатория – город южный, и жизнь там протекает на улицах» [21, т. 6, с. 397]; «…черноморская рыба являла собой венец кулинарного искусства Евпатории» [21, т. 6, с. 424]; «…на жаровне шипели тронутые золотом *шашлыки*» [21, т. 6, с. 33]; «*Мидии, креветки*... Знаменитый бабушкин плов...» [21, т. 6, с. 183]; «Перед ними на столе расстилается богатый натюрморт татарской кухни: *брынза*, белая, как морская пена; слоистый пресный желтый *сыр-качкавал*; кефалевая *икра*, длинная и плотная, и баранья колбаса – *суджук*, дымящаяся ягнячья *головка*…» [21, т. 6, с. 13]; «*папиросы* фабрики Стомболи» [21, т. 6, с. 201]; «альчики» «…те самые бараньи бабки, в которые играют и сейчас все крымские ребята» [21, т. 6, с. 346]. В Словаре В. Даля отмечается, что «альчик» – это ‘м. *арх.* игорная говяжья надкопытная кость, козна, козан, бабка, костыга, шляк, лодыга, баска; лат. Talus’ [4, т. 1, с. 13]. «Ведь среди мусульман *многоженство* можно встретить даже у нас, в Евпатории...» [21, т. 6, с. 229].

● Базар в городе:

«…его [азиатского базара] *дыни* с таким нежным ароматом, что спорить с ним могли только лилии; его *помидоры*… в красных и оранжевых сарафанах “*груши дюшес*, истекающие медовым соком”» [21, т. 6, с. 8], «“*дюшес*” – так называлась знаменитая крымская груша» [21, т. 6, с. 406–407].

● Общественное устройство Крыма:

Общественно-экономическую жизнь полуострова контролировало Крымское правительство – временное правительство времен Гражданской войны. В этот период пост председателя директории Крыма занимал один из лидеров крымскотатарского народа Джефер Сейдамет, ему подчинялся крымский парламент курултай: «…в Евпатории, никто ни черта не чует. *Курултай завели, крымское правительство*, и считают, понимаешь, что тут у нас пуп земли» [21, т. 6, с. 30] – емкая фраза, которая действительно отражает политику Крыма времен Гражданской войны, объявившего в 1917 году независимость.

Отношение к крымскому правительству было неоднозначное: «– Черт знает это *крымское правительство!* Крым сегодня пороховой погреб, который может окончательно взорвать Россию... А эти со своим лозунгом "*Крым для крымцев*"... Мелкота!» [21, т. 6, с. 62]. «Наш новый лозунг: "*Крым для крымцев!*" – вещал Шокарев своим пещерным басом. – У нас будет своя республика» [21, т. 6, с. 138].

● Достопримечательности города:

Одной из достопримечательностей города является мечеть Джума-Джами [21, т. 6, с. 416], с крымскотатарского «Cuma Cami» означает 'Мечеть Татар-хана': «…*Джума-Джами* не имеет ни одного минарета. Чего смотрят наши татары?» [21, т. 6, с. 259].

Отель «Дюльбер» – в переводе с крымскотатарского 'прелестный', 'пригожий', 'красивый' [3, с. 226].

● Печать города:

В городе выходила газета «Евпаторийские новости»: «Дед сидел за столом и при свете розового ночника одним глазом читал *Евпаторийские новости*» [21, т. 6, с. 42]. В Симферополе издавалась вечерка «Крымская почта»: «– О, это замечательный человек, – засмеялся Беспрозванный. – Сейчас он редактор вечерки "Крымская почта"» [21, т. 6, с. 298].

● Денежные знаки:

В Евпатории ходили «*николаевские* многоцветные, выполненные великолепными красками на шелковистой бумаге; *керенские* двадцатки и сороковки, смахивающие на пивные этикетки; *донские* – с изображением черно-желтой георгиевской ленты и медных колоколов; даже *махновские*, на которых была отпечатана летящая во весь опор тачанка с надписью: "Хрен догонишь!"» [21, т. 6, с. 223–224].

● Природа Евпатории:

«А город был чувственным: *много солнца, много моря, много дюн*» [21, т. 6, с. 8]. «*Осень* в Евпатории наступает рано» [21, т. 6, с. 421]; «*Осень* в Евпатории плохая. Здесь нет ни берез, ни кленов, поэтому нет ни золота, ни багреца… [21, т. 6, с. 208]; «А *уксусные деревья*, характерные для Евпатории, кажется, сразу же чернеют» [21, т. 6, с. 208]; «В Евпатории *вода известковая*. От ней животы болят» [21, т. 6, с. 245];

«…в Евпатории *грибы* не водились» [21, т. 6, с. 20]; «У Евпатории два лица: *весенне-летнее и осенне-зимнее*. Летом курорт наводняли приезжие из Петербурга, Москвы, Киева, даже из Севастополя и Ялты, потому что нигде в Крыму нет такого свободного выхода к морю и такого *золотого пляжа*… Зимой это был город гимназистов и рыбаков» [21, т. 6, с. 8].

● Город и море:

«В Евпатории *море* гуще» [21, т. 6, с. 259], «*Море* – самое основное, ежеминутное, непреходящее *событие города*» [21, т. 6, с. 9–10]. «Необыкновенной делало ее [Евпаторийскую гимназию] только одно: *море*. Оно поднималось до средины окон, и комната казалась увешанной импрессионистическими панно, исполненными в два цвета: снизу огневая синева, сверху нежная, нежная лазурь. Иногда на одном из панно белел парус. Иногда на другом летали птицы. В хорошую погоду яркие живые краски этой картинной галереи придавали наукам какой-то праздничный тон» [21, т. 6, с. 48].

В заметках «Черты моей жизни» И. Сельвинский признался в том, что определяющее влияние на его творчество оказала природы Крыма: «Но очень скоро объективный мир стал интересовать меня гораздо больше, чем “бури моего духа”. Прежде всего, я увидел море. Слепящая синева его стала для меня чем-то вроде языческого божества. Это ощущение прошло сквозь всю мою жизнь» [20, с. 6]. По замечанию О. Резника, «море стало не темой, а как бы стороной души [поэта]» [19, с. 17].

Очень точно определяет место «моря» в жизни поэта стихотворение «Глухомань», написанное в 1964 году: «Куда ни пойду – глубоко дышу: / *Всюду со мной / Море*» [21, т. 1, с. 523].

Поэтическое восприятие моря, морской стихии автор вложил и в душу главного героя романа – Елисея Бредихина. Так, в одной из кульминационных сцен произведения – выхода из каменоломен, заблокированных белогвардейцами, – герой в состоянии эмоционального подъема восклицает: «– Тала́сса! Тала́сса! – закричал он почему-то по-гречески» [21, т. 6, с. 242]. Далее в авторском повествовании раскрывается лирическое отношение героя к «синему божеству»: «Леська *любил море* так же самозабвенно, как и дедушка, с той лишь разницей, что дед видел в нем живое чудовище, а для Леськи оно было тем, что оно было: стихией, но со своими особыми повадками. Больше всего Елисей любил морские запахи» [21, т. 6, с. 242].

● Море и Чатырдаг:

«Но Чатыр-Даг на месте, и *море* осталось тем же, *евпаторийское родное море*...» [21, т. 6, с. 345]; «…*за морем* туманный шатер *Чатырдага*» [21, т. 6, с. 416]; «голубое видение *Чатырдага* там, за этим *синим морем*» [21, т. 6, с. 373].

Годонимы города

Среди имён собственных, у которых номинативная функция и функция обозначения оказываются доминирующими, можно выделить названия улиц:

Морская улица, то есть расположенная рядом с морем: «*…на Морской улице* блеснуло море в закате» [21, т. 6, с. 34],

Лазаревская улица – названа в честь выдающегося флотоводца Михаила Петровича Лазарева (1788–1851): «Греческая кофейня находилась как раз против пристани – только пересечь мостовую *Лазаревской улицы*» [21, т. 6, с. 230]; «Когда дошли *до Лазаревской*, пришлось задержаться» [21, т. 6, с. 491].

В группе годонимов выделим следующий контекст: «Еще через час *по 1-й Продольной, 2-й Продольной, 3-й Продольной* и прочим лишённым фантазии *Продольным* разносились бодрые голоса…» [21, т. 6, с. 7].

Используя выражение «и прочим лишенным фантазии Продольным», автор сетует на то, что названия улиц в Евпатории неинтересны и схематичны.

Названия некоторых улиц, районов и слободок города связаны с национальной принадлежностью его жителей. Таковыми являются *татарский район* и *Цыганская слободка*: «И почему они пошли *в татарский район*? Таинственные вещи происходят в нашей Евпатории...» [21, т. 6, с. 34]; «Какой-то цыганенок подхватил черный с никелем [чемодан] и спокойно унес его к себе *на Цыганскую слободку*» [21, т. 6, с. 402].

В тексте упоминается *Греческая улица*: «*На Греческой улице* за воротами одного из домиков высилась шхуна без парусов» [21, т. 6, с. 64]. Когда речь заходила о греках, их местожительство всегда именовалось как улица, из этого можно сделать вывод, что греков в Евпатории было меньше, чем татар и цыган.

Сочетание «греческие старухи», неоднократно появляющееся на страницах романа, осмысливается как ‘старухи, живущие на Греческой улице’: «Услышав канонаду, евпаторийцы, вместо того чтобы прятаться в подвалах и погребах, снова кинулись к берегу. Ковыляли даже знаменитые *греческие старухи*» [21, т. 6, с. 83]. «Среди них [людей евпаторийской толпы] – древние старухи *с Греческой улицы*» [21, т. 6, с. 493].

Неоднократно в романе называется *район Пересыпи*: «Домик Катиной мамы находился *на Пересыпи*, неподалеку от привозной площади» [21, т. 6, с. 201]; – Кто этот гражданин? Босяк *с Пересыпи*? [21, т. 6, с. 66].

Упоминается в романе и площадь Катлык-базара, от многозначного «катлык» – 1) бурьян, солома (используется как топливо); 2) остатки жеваного сена в кормушках скота [16]: «Широкая *площадь Катлык-базара* была конским рынком. Это древнее торжище обслуживали лавчонки шорников, магазины скобяных товаров, амбары с овсом, а также караван-сараи, кофейни и чайханы» [21, т. 6, с. 33]. В XVI–XVIII вв. за городской стеной Гёзлёва был большой рынок невольников (*Катлык-Базар*): https://evpatori.ru›pamyatnye-daty-evpatorii.html.

Однако, по образному выражению писателя, «главной площадью Евпатории» является море, «как Плас-де-ля-Конкорд в Париже или Трафальгарская площадь в Лондоне», а также Чатырдаг: «Огромная, как бы асфальтированная голубо-сизо-синим блеском, начиналась она небольшим сравнительно собором, но завершалась на горизонте колоссальным зданием *Чатырдага*, который вписывался в Евпаторию, как небоскреб “Эмпайр”» в Нью-Йорк» [21, т. 6, с. 9–10]. Чатырдаг сопоставляется с

небоскребом Эмпайр, офисным зданием, расположенным в Нью-Йорке на острове Манхэттен, имеющим 103 этажа: https://ru.wikipedia.org.

Эргонимы Евпатории

При изучении города как текстового иллюстратора ведущими являются эргонимы [10; 31], поскольку они включают в наименование того или иного объекта ряд других онимов. Систематизация эргонимов служит локальным срезом филологического краеведения:

● кафе Заруднева. Наименование заведения по фамилии его владельца. В юношеском стихотворении «О за́мке» (в Содержании «В за́мке») в строке «ждать / *У Зарудневых* или в сквере» поэт в сноске отмечает, что это кондитерская в Евпатории [23, с. 104]. «Недалеко от *кафе-поплавка*, как раз против “Дюльбера”, покачивались на якорьках парусные лодки» [21, т. 6, с. 391];

кофейня «Каведэ»; в переводе с крымскотатарского «къаведе» обозначает – ‘в кофейне’ [3];

● палатка под вывеской «И. С. Шокарев»: «На излучине Катлык-базара, где-то недалеко от элеватора, под вывеской *“И. С. Шокарев”* ютилась палатка, перед которой на жаровне шипели тронутые золотом шашлыки» [21, т. 6, с. 33];

● гостиница «Одесса»: «Дорога пошла сквозь полуразрушенные крепостные ворота по улице жестянщиков и свернула *к захолустной гостинице* “*Одесса*” с номерами по полтиннику и по рублю» [21, т. 6, с. 35];

● дача «Вилла роз»: «В Евпатории тем временем начались аресты. Контрразведчики, сопровождаемые эскадронцами, врывались в квартиры, указанные в списках, и уводили арестованных на дачу “*Вилла роз*”, штаб-квартиру Выграна» [21, т. 6, с. 80];

● синематограф «Лицо жизни»: «Леська миновал собор, синематограф “*Лицо жизни*”, мечеть Джума-Джами, кафе Заруднева... Вот остались позади театр, санаторий Лосева, отель “Дюльбер”» [21, т. 6, с. 183];

● иллюзион «Экран жизни»: «Огромные афиши призывали евпаторийцев посетить эстрадный вечер в иллюзионе “*Экран жизни*”» [21, т. 6, с. 421].

Апеллятивы «лицо» и «экран», употребляясь в метафорической конструкции, приобретают функцию имени собственного, отражая действительность в художественном мире;

● еврейское спортивное общество «Маккаби» [21, т. 6, с. 197] – данный оним используется для традиционного наименования спортивных клубов в Израиле.

● «Общество спасания на водах» [21, т. 6, с. 49]. Эргоним раскрывает географические особенности города. Упоминается в романе и «Российское общество пароходства и торговли». Эта российская судоходная компания была основана в 1856 году для обеспечения торгового судоходства в Причерноморье: «Леська добрался до пляжа у пристани *Российского общества пароходства и торговли*» [21, т. 6, с. 491].

В романе отражена аббревиатура, созданная в годы Гражданской войны, – *Осваг* (Осведомительное агентство) как главное пропагандистское подразделение белой Добровольческой армии. *Осваг* должен был стать идеологическим рупором Белого движения и составить конкуренцию пропаганде красных, в том числе «Окнам

РОСТА»: «В *Осваге*, наверно, все известно. А неизвестно сейчас – будет известно завтра» [21, т. 6, с. 384]; «– В *Осваге* все знают. Кстати: Деникин взял Тулу, а Мамонтов кавалерийским рейдом прорвался к Тамбову [21, т. 6, с. 321]; «– Ты прав, *Осваг* – это действительно огненный обруч. Малейшая неосторожность – и можешь заработать виселицу» [21, т. 6, с. 388];

● партизанский отряд «Красная каска» [21, т. 6, с. 489];

● гостиница с французским названием «Бориваж» [21, т. 6, с. 289]. «Караим И.Я. Нейман начал в 1908 году в Евпатории строительство гостиницы «Бо-Риваж» (по-французски «Beau rivage» – ‘Прекрасный берег’): https://evpatori.ru›beau-rivage-prekrasnyj-bereg.html;

● отель «Дюльбер» занимает особое место в повествовании, он будто бы живет совсем другой жизнью, выделяется из общего городского фона своей эстетикой. Оним «Дюльбер» является символом роскошной жизни: «На такие кабинки богачи не польстятся: они живут в *“Дюльбере”*» [21, т. 6, с. 15]. Его еще называют по имени владельца: ««Все знаменитости, приезжавшие в Евпаторию, останавливались, конечно, *в дувановском отеле* и неизменно навещали хозяев» [21, т. 6, с. 196]. Набережная, прилегающая к отелю, называется *дюльберовской*: «…свернул на *дюльберовскую* набережную» [21, т. 6, с. 493].

«*Отель “Дюльбер”*– самое роскошное здание Евпатории. Построенный в швейцарском стиле, он напоминал о горах и этим как бы перекликался с Чатыр-Дагом, который высился против него через все море и сизым очертанием красовался в окне. Владельцем “Дюльбера” был актер Художественного театра Дуван-Торцов» [21, т. 6, с. 195]. Контекст вмещает в себя все символы города, на которых строится текст, здесь выстраивается система взаимосвязи между героями романа и онимами (эргоним + ороним), которые в произведении наделяются особым настроением.

«Последними ушли старые гречанки, и Елисей остался наедине *с “Дюльбером”*» [21, т. 6, с. 494]. Сочетание «наедине с “Дюльбером”» свидетельствует о персонификации отеля, восприятии его как друга, поскольку лексема «наедине» обозначает ‘один на один, без свидетелей’ [27, ст. 349]. Герой остался с «Дюльбером» и со своими размышлениями о России.

Автор вводит в текст номинации тех или иных локусов, содержащих антропонимы, которые маркируют их владельцев. Антропонимы употребляются в ед. и мн. числе: вилла Булатова [21, т. 6, с. 45, 183], «поравнялся с виллой Булатовых» [21, т. 6, с. 74], санаторий Лосева [21, т. 6, с. 183], аптека Якобсона [с. 416], «вдоль берега до дачи Терентьева» [21, т. 6, с. 76]. Эта модель может иметь метонимические заменители: от «Дюльбера» до «Терентьева» [21, т. 6, с. 76], «только до Терентьева» [21, т. 6, с. 77].

Речь горожан

Герои романа определяли местных и не местных жителей по выговору «…*оттуда* [из комнаты] *несся высокий, слегка грассирующий, чуть-чуть барский баритон – так в Евпатории не говорил никто*» [21, т. 6, с. 68], и это чувство землячества впоследствии не однажды выручило Елисея в трудную минуту. И. Сельвинский передает говорок жителя пересыпи капитана маккабийцев: «– Так ты

правду гово́ришь, старик, шо ты пришел не до Кати Галкиной?» [21, т. 6, с. 203]. В вопросительной фразе наблюдается ненормативное ударение (*гово́ришь*), просторечная форма *шо* местоимения *что*, нарушение предложного управления (*до Кати*).

В лексиконе евпаторийцев были характерные словечки. Например, часто звучало заимствованное из итальянского слово «авелла», восходящее к топониму Abella = Avella, Ἀβέλλα. Халкидская колония в Кампании, неподалеку от Нолы, славившаяся своими яблоками, за что Виргилий назвал ее malifera, т. е. приносящая яблоки [9]. Слово употреблялось в нескольких значениях: как приветствие, как утверждение, как обращение к собеседнику, как пароль. Ср.:

а) в значении приветствия ● – Вот он. *Авелла!* – Кто это? – Груббе и Немич» [21, т. 6, с. 151]; ● с ответной речевой формулой «здравствуй»: «– Леська, *авелла*! – Здравствуй, Листиков!» [21, т. 6, с. 98]; – *Авелла!* – Здравствуй, Артур! [21, т. 6, с. 22] или ● с ответной речевой формулой «авелла»: – *Авелла*, Хамбика! – *Авелла*»;

б) в значении утверждения: «– Уговорим. Правда, Сима? – *Авелла!* – И чтоб я этого «*авелла*» больше не слышал! – загремел инспектор. – Что за жаргон? [21, т. 6, с. 9];

в) обращение к собеседнику:

– *Авелла!* Как настроение?

– Превосходное [21, т. 6, с. 137].

[Тина Капитонова – Леське]: «– *Авелла! Наш, евпаторийский?* – Да» [21, т. 6, с. 107].

«– Леська, Леська! *Авелла!* – кричали гимназисты, точно он здесь самый главный» [21, т. 6, с. 83].

В ткань произведения автор включает метаязыковой комментарий персонажа, связанный со словом «авелла»: «Леська молчал. Гринбаху, конечно, невдомек, что у Леськи свои отношения с чудом. И ещё было радостно, что Самсон *окликнул его словом* "*Авелла!*", *которое в ходу только в Евпатории.* От этого пахнуло далекой милой дружбой в чудесном городе, где он жил так счастливо в своей хате рядом с виллой Гульнары...» [21, т. 6, с. 137].

Слово использовалось и как пароль: «Послышалось размеренное чоканье копыт. Из дымки рассвета вышли на железнодорожные пути два всадника, ведущие на верёвках группу штатских людей.

– *Авелла!*

– *Авелла.* (Это и был пароль.) [21, т. 6, с. 153].

– Ты куда, парень? – окликнул его чей-то голос.

– *Авелла*! – сказал Елисей в пространство [21, т. 6, с. 218].

Доктор Ульянов – Леське: – Оружие повезете в каменоломню. Пароль: "*Авелла!*" Запомните? – Еще бы!» [21, т. 6, с. 218]

[Оборвыш – Леське]: – *Авелла,* сказал он [оборвыш] тихо. – Паспорт есть? [21, т. 6, с. 409].

[Долговязый юноша – Леське]: – В чем дело? что вам нужно? – *Авелла,* – сказал юноша. – Паспорт есть? [21, т. 6, с. 412].

При расставании герои романа употребляли устойчивое сочетание «мир праху», но без именного распространителя. Ср.: – *Мир праху*, старина, – сказал Гринбах. – Пойдем, Вольдемар? [21, т. 6, с. 17].

– Спасибо, что зашли.

– *Мир праху*.

– И вам того же [21, т. 6, с. 243]. Обратим внимание на то, что устойчивое сочетание, передающее расставание собеседников, не употреблялось, как следует из текста романа, в ответной фразе.

[Груббе – Леське]: «– Ну, бывай! *Мир праху!*» [21, т. 6, с. 75].

[Шулькин – Леське]: «– Когда понадобишься, я к тебе забегу. Ну, *мир праху!* Это был *коренной евпаторие́ц»* [21, т. 6, с. 392]. Таким образом, «коренных евпаторийцев» определяло употребление в речи этикетных формул приветствия и прощания.

В Словаре М. И. Михельсона отмечается, что устойчивое выражение «Мир праху твоему!» является обычным обращением к покойнику [14, т. 1, с. 557]. Согласно «Фразеологическому словарю» А. И. Фёдорова, устойчивое выражение относится к высокому стилю: «**Мир праху** *кого, чьему*. *Высок*. Пожелание умершему: пусть мирно покоится» [28, т. 1, с. 379]. Опущение именного распространителя и стилистическое перекодирование устойчивого выражения приводят к перестройке его лексического значения и к актуализации этикетной речевой формулы, используемой при расставании собеседников.

В романе воспроизводится анекдот «поди докажи/доказывай, что ты не верблюд», передающий невозможность доказать очевидное отсутствие своей вины в чем-либо. Анекдот был особенно характерен для 20–30-х годов, воспринимался как точная метафора страха перед репрессиями, которые могут настигнуть в любой момент:

– Но ведь в Евпатории был красный террор.

– А ты при чем тут?

– При чем... Знаешь, какой сейчас ходит анекдот? Бежит сломя голову заяц. Кричит: «Караул! Спасайтесь! Верблюдов хватают!» – «А тебе-то что?» – спрашивает его какой-то Бредихин. «Да ведь если меня схватят, *поди докажи, что ты не верблюд*» [21, т. 6, с. 100].

Евпаторийским ругательным было слово «пеламида»:

«...Письма вскрываются. – Надо послать к морякам человека, – предложил товарищ Андрей. ...Как я могу? – Эх, *пеламида*! Захочешь, так и сможешь. Ты парень фартовый.

– *Пеламида!* Как я могу усидеть, когда тут такое делается? [21, т. 6, с. 132].

Дед поглядел ему вслед и презрительно промолчал.

– *Пеламида!*

Пеламида – исключительно евпаторийское ругательство, и его надо объяснить» [21, т. 6, с. 19]. Однажды к евпаторийскому берегу пригнало огромный косяк неизвестной рыбы. Хозяйки мигом скупили весь улов. Однако готовить эту рыбу никто не умел, и весь косяк евпаторийцы выбросили в мусорные ямы. Вскоре

горожане узнали, что рыба называется «пеламида». Такова история появления этого ругательства.

В речи гимназистов наблюдается вкрапление жаргонизмов «симбурдал», «симбурдалический» (*симбурдалический тип*):

– Эй ты, *симбурдал*! Какого дьявола ты вылез отвечать, если ни черта не знаешь? – напустился на Канаки Листиков [21, т. 6, с. 51]; – *Симбурдалический тип!* – заключил Гринбах [21, т. 6, с. 17]; – Вот *симбурдалический!* – засмеялась она [Варвара]. – Это же «товарищ Андрей», Дмитрий Ильич Ульянов, родной брат Ленина [21, т. 6, с. 85].

«Симбурдалический тип» приравнивается в речи гимназистов к «чеховскому типу», что следует из следующего контекста: – Абсолютно *чеховский тип!* – воскликнул Леська, едва удержавшись, чтобы не сказать *«симбурдалический»* [21, т. 6, с. 82]

На страницах романа в разных значениях употребляется лексема «Чатырдаг». Илья Сельвинский использует также метафору «шатёр», тем самым оживляя этимологическое значение топонима: с крымскотатарского *Çatır Dağ* переводится как «Шатёр-гора» (*çatır* – шатёр, палатка, *dağ* – гора): «Вон за морем *туманный шатёр Чатырдага…*» [21, т. 6, с. 416].

И. Сельвинский сравнивает Чатырдаг с голубоватым айсбергом, с очертанием миноносца, с отелем «Дюльбер», со сверхдредноутом («дреднот» и «дредноут» ‘броненосец большого размера’ [27, т. 1, ст. 799]), а Мицкевич уподобляет Чатырдаг звезде: «Утром третьего дня евпаторийцы увидели на рейде три миноносца… Острый легкий очерк их корпусов слегка перекликался с далёкими очертаниями *Чатырдага*, который по сравнению с ними *казался сверхдредноутом*» [21, т. 6, с. 224]; «Но вскоре песня была выучена, и юноша уставился *на далекий Чатырдаг*, возникший над горизонтом, *точно голубоватый айсберг*. Леська вспомнил стихи Мицкевича, который глядел на эту гору, может быть, с того самого места, где стоял Леська:

И там, где над моей чалмою
Одна сверкала мне звезда, То Чатырдаг был» [21, т. 6, с. 19–20].

В прошлом в разговорной речи коренных жителей Крыма звучали поговорки, связанные с упоминанием «шатёр-горы», такие, как: «Спроси у Чатырдага», «Расскажи Чатырдагу», «Чатырдаг тебе поверит», «Когда Чатырдаг перевернется»… Сегодня этот фрагмент образной речи практически исчез из лексикона крымчан: http://karai.crimea.ru.

Один из таких фигуральных оборотов зафиксировал в романе И. Сельвинский, обратив внимание на частотное его употребление в диалогах евпаторийцев в несобственном лексическом значении. В диалогической речи, отражающей житейские ситуации, персонаж, используя вопросительное предложение «Кто это будет делать?», сам отвечает на него риторическим вопросом *Чатырдаг?* или *гора Чатырдаг?*:

а) [Леська]: – В канцелярии я работать не буду.

– А кто будет? *Гора Чатырдаг?* – нервно отозвался Гринбах, не заметив, что привел евпаторийскую поговорку, *от которой у Леськи дрогнуло сердце* [21, т. 6, с. 115];

б) – А зачем же ты ушла? – строго спросил Леська. – Тебя ведь приставили к ней!

– Приставили, а сами где? Ихние папа, мама и Розия драпанули от красных в Константинополь на броненосце. А Гульнару оставили. Не успели захватить. А кто мне жалованье платить будет? *Чатырдаг?* Умер-бей отказался. Вот я и ушла» [21, т. 6, с. 161];

в) [Леська]: – Почему большевики, уходя из Евпатории, не взяли меня с собой? – А зачем? Сила твоя, Бредихин, в твоем знакомстве с евпаторийскими тузами. Поэтому ты нам и нужен. А если тебя увезти, *кто будет работать? Чатырдаг?* [21, т. 6, с. 301];

г) [Леська]: – Неужели... вы меня... ждали? – А как же? *А кто будет подымать* [с постели] *Ярославну? Чатырдаг?* Все эти дни работали трое: сам Дуван, его сын плюс Вера Семеновна. Но, конечно, никакого сравнения! [21, т. 6, с. 365].

«Евпаторийская поговорка, от которой у Леськи дрогнуло сердце» [21, т. 6, с. 115], напоминает читателю распространенную в современном русском языке фразу «Кто это за тебя работать будет? Пушкин?» Е. А. Левашов отмечал, что «на роль *кого-то* язык обычно выбирает известного литературного персонажа, обладающего какой-либо характерной особенностью… Но бывает у нас житейские ситуации, когда в речевом обиходе фигурирует не художественно выдуманное, а реальное лицо и его реальное имя. В нашем языке это лицо и имя – *Пушкин*» [13, с. 125].

И. Сельвинский воспроизводит яркую непринужденную речь горожан начала XX века. В то же время и сам автор романа выступает как человек, тонко чувствующий законы языка. Например, одним из занятий евпаторийцев было приготовление чебуреков и шашлыков и их продажа, то есть в южном курортном городе актуальной была профессия чебуречника и шашлычника, которая приводится в романе наряду с другими: «Это была типичная евпаторийская толпа: жестянщики, чувячники, комиссионеры, *чебуречники*, цирюльники, приказчики, рыбаки» [21, т. 6, с. 493]; «*Шашлычник* принес кофе в маленьких красномедных кастрюльках с длинными ручками» [21, т. 6, с. 34]. Слова созданы по продуктивной модели «имя существительное + суффикс -ник- со значением лица по профессиональной деятельности», однако не отражены в толковых словарях русского языка, хотя их употребление находим в интернет-пространстве. Например, на сайтах отмечаются вакансии профессий «повар-чебуречник» и «пекарь-чебуречник». Таким образом, в современной речи лексическая единица «чебуречник» употребляется в составе сложных слов с актуализированными родо-видовыми отношениями, что не характерно для лексемы «шашлычник», функционирующей самостоятельно как гипоним по отношению к гипероним «мангальщик».

В романе отражены те или иные реалии – приметы описываемой эпохи. Например, шинели красноармейцев называли с красными «разговорами»: «Комиссар Самсон Гринбах в шинели Огневой дивизии, *с красными “разговорами”* поперек груди, весело взглянул на вошедших» [21, т. 6, с. 292]. Это были шинели «в стиле стрелецких кафтанов, украшенные красными поперечными нашивками-

“разговорами”. Впрочем, декоративные элементы вскоре отменили – по причине демаскировки»: https://ok.ru›rossiyakra/topic.

Цвет нашивок свидетельствовал о принадлежности к определенному роду войск: малиновый – пехотинцы, черный – саперы, синий – кавалеристы. «Точное происхождение этого названия до сих пор неизвестно. По одной из версий, *“разговоры”* относятся к древнерусскому слову “разъ”, что подразумевало “разделять”. “Разговорами” называли и тесьму, которая нашивалась на одежду. Слово “раз” на крестьянском диалекте означало запáх – полу верхней одежды. В данном случае одежда с *“разговором”* – это одежда с запáхом»: https://kzn.ru›Новости.

ВЫВОДЫ

Таким образом, Евпатория в рассматриваемый исторический период представлена в романе как многонациональный город, населенный разноязыким этносом с его предпочтениями, устоявшимися ценностями, бытом, культурой, профессиональными интересами, речевой стихией. Создание региональной картины, городского пространства осуществлено не с помощью «историко-социальной документальной атрибутики», а в результате раскрытия влияния локуса, природной среды на сознание и поступки его обитателей. Региональную специфику автор выводит на уровень художественного обобщения. Так, для Сельвинского и его главного героя Евпатория – это прежде всего море, названное евпаторийским, а в одном из стихотворений Крымским, величественное здание «Дюльбера», мечеть Джума-Джами, Чатырдаг. Ассоциативный ряд – «море – Евпатория – Чатырдаг – Плас-де-ля-Конкорд – Трафальгарская площадь – небоскреб “Эмпайр”» – свидетельствует о вхождении метафорически изображенной автором Евпатории и евпаторийского пейзажа «в бесконечно широкое целое – историю человечества».

Список литературы

1. *Анциферов Н. П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 581, [2] с.
2. *Брокгауз Ф. А. Ефрон И. А*. Энциклопедический словарь: в 41 т. – Т. XLIA. – С.-Петербург, 1904. – 957 с.
3. *Гаркавец А. Н., Усеинов С. М.* Большой крымскотатарско-русско-украинский словарь. – Симферополь: СОНАТ, 2002. – 460 с.
4. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: «ТЕРРА» – «ТЕРРА», 1995. – Т. 1. – 699 с.
5. «За горизонт зовущий»: художественный мир И. Сельвинского (к 120-летию со дня рождения поэта) / отв. ред. А. П. Люсый. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. – 356 с.
6. *Зарицкий Н. С.* Неутомимый охотник за своеобразным оригинальным человеком (Киев в языке произведений Н. С. Лескова) // Русистика. – Киев, 2001. – Вып. 1. – С. 41–46.
7. *Зварыкина И. С.* К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края). – Гуманитарные исследования. – 2013. – № 2 (46). – С. 30–36.
8. *Земская Е. А.* Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. – М.: Изд-во «Языки славянской культуры», 2004. – 688 с.

9. *Корш М. В.* Краткий словарь мифологии и древностей : Древ. боги, герои, госуд. люди, поэты, философы, художники древности, древ. страны и главнейшие города древности / сост. М. Корш. – Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1894. – 233 с.
10. *Курбанова М. Г.* Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Волгоград, 2015. – 23 с.
11. *Кутайсов В. А., Кутайсова М. В*. Евпатория: Древний мир. Средние века. Новое время. – Киев: ИД «Стилос», 2007. – 284 с.
12. *Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы.) – М.: Просвещение, 1977. – С. 175–189.
13. *Левашов Е. А.* И тут «Пушкин» // Русская речь. – 2016. – № 5. – С. 125–127.
14. *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт словаря фразеологии: в 2-х т. – М.: Русские словари, 1994. – Т. 1. – 819 с.; – Т. 2. – 936 с.
15. *Мицкевич А*. Стихотворения. – Санкт-Петербург, 1829.
16. Ногайско-русский словарь / под редакцией К. М. Мусаева. – М.: Наука: Восточная литература, 2018. – 894, [1] с.
17. *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / пер. с нем. – М.: Наука, 1999. – 246 с.
18. *Полякова Л.* Филологическая регионалистика как наука // Вопросы литературы. – 2015. – май–июнь. – С. 186–201.
19. *Резник О.* Жизнь в поэзии. Творчество И. Сельвинского. – М.: Сов. писатель, 1981. – 528 с.
20. *Сельвинский И. Л.* Черты моей жизни // Крымские пенаты : Альманах литературных музеев Крыма: Тематический выпуск к 100-летию со дня рождения И. Л. Сельвинского. – Симферополь: КАГН, 1996. – С. 5–20.
21. *Сельвинский И. Л.* Собрание сочинений: в 6-ти т. – М.: Худож. литература. – Т. 1. – 1971. – 702 с.; – Т. 2. – 1971. – 384 с.; – Т. 4. – 1973. – 416 с.; – Т. 6. – 1974. – 512 с.
22. *Сельвинский И. Л.* Автобиография // Русские поэты. Антология: в 4-х т. М.: Дет. лит., 1968. – Т. 4. – С. 425–426.
23. *Сельвинский И. Л.* Ранний Сельвинский. – М.: Красный пролетарий, 1929. – 255 с.
24. Словарь лингвистических терминов / сост. Т. В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
25. *Судаков Г. В.* Гиляровский как знаток русской речи (рефлексия писателя на речевые феномены своего времени) // Русский язык XIX века: от века XVIII к веку XXI. – СПб., 2006. – С. 228–235.
26. *Теркулов В. И.* Понятие «регионолект» // Донецкий регионолект: монография / под ред. В. И. Теркулова. – Донецк: Издательство ООО «НПП “Фолиант”», 2018. – С. 8–23.
27. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935. – Т. 1. – 1562 ст.
28. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2-х т. / сост. А. И. Фёдоров. – М.: Цитадель, 1997. – Т. 1. – 391 с.; Т. 2. – 936 с.
29. *Шумарина М. Р.* Язык в зеркале художественного текста (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 328 с.
30. *Яблоновская Н. В.* Роман И. Сельвинского «О, юность моя!» и проблема художественной автобиографии в русской литературе // И. Л. Сельвинский и литературный процесс XX века: материалы Пятой Междунар. науч. конф. – Симферополь: Крымский Архив, 2000. – С. 56–62.
31. *Яковлева Е. А., Емельянова А. М.* Город как текст: эргонимы Уфы в динамике развития // Ономастика Поволжья. – 2012. – С. 246–250.

References

1. Anciferov N. P. *Problemy urbanizma v russkoj hudozhestvennoj literature. Opyt postroenija obraza goroda – Peterburga Dostoevskogo – na osnove analiza literaturnyh tradicij* [Problems of urbanism in Russian fiction. The experience of building the image of Dostoevsky's city – Petersburg – based on the analysis of literary traditions]. – M.: IMLI RAN, 2009. 581 p.
2. Brokgauz F. A. Efron I. A. *Jenciklopedicheskij slovar': v 41 t. – Tom XLIA* [Encyclopedic dictionary: in 41 volumes – Volume XLIA]. S.-Peterburg, 1904. 957 p.
3. Garkavec A. N., Useinov S. M. *Bol'shoj krymskotatarsko-russko-ukrainskij slovar'* [A large Crimean Tatar-Russian-Ukrainian dictionary]. – Simferopol': SONAT, 2002. 460 p.
4. Dal' V. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4-h t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes]. – M.: «TERRA» – «TERRA», 1995. – T. 1. 699 p.
5. *«Za gorizont zovushhij»: hudozhestvennyj mir I. Sel'vinskogo (k 120-letiju so dnja rozhdenija pojeta)* ["Beyond the horizon calling": the artistic world of I. Selvinsky (to the 120th anniversary of the poet's birth)]. Ed. by A. P. Ljusyj. – Simferopol': IT «ARIAL», 2020. 356 p.
6. Zarickij N. S. *Neutomimyj ohotnik za svoeobraznym original'nym chelovekom (Kiev v jazyke proizvedenij N. S. Leskova)* [The indefatigable hunter for a peculiar original person (Kiev in the language of N. S. Leskov's works)]. *Rusistika*. Kiev, 2001, vol. 1, pp. 41–46.
7. Zvarykina I. S. *K voprosu o sootnoshenii dialektnogo i regional'nogo v russkom jazyke (na primere leksiki Astrahanskogo kraja)* [On the question of the relationship of dialect and regional in the Russian language (on the example of the vocabulary of the Astrakhan region)]. *Gumanitarnye issledovanija*, 2013, no. 2 (46), pp. 30–36.
8. Zemskaja E. A. *Jazyk kak dejatel'nost'. Morfema. Slovo. Rech'* [Language as an activity. Morpheme. Word. Speech]. – M.: Izd-vo «Jazyki slavjanskoj kul'tury», 2004. 688 p.
9. Korsh M. V. *Kratkij slovar' mifologii i drevnostej : Drev. bogi, geroi, gosud. ljudi, pojety, filosofy, hudozhniki drevnosti, drev. strany i glavnejshie goroda drevnosti* [A concise dictionary of mythology and Antiquities : Ancient. gods, heroes, sovereign. people, poets, philosophers, artists of antiquity, ancient. countries and the main cities of antiquity]. comp. M. Korsh. – Sankt-Peterburg: A.S. Suvorin, 1894. 233 p.
10. Kurbanova M. G. *Jergonimy sovremennogo russkogo jazyka: semantika i pragmatika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Ergonyms of the modern Russian language: semantics and pragmatics: abstract. dis. ... Candidate of Philology. sciences]. Volgograd, 2015. 23 p.
11. Kutajsov V. A., Kutajsova M. V. *Evpatorija: Drevnij mir. Srednie veka. Novoe vremja* [Evpatoria: The Ancient World. The Middle Ages. New time.]. – Kiev: ID «Stilos», 2007. 284 p.
12. Larin B. A. *O lingvisticheskom izuchenii goroda* [On the linguistic study of the city]. *Istorija russkogo jazyka i obshhee jazykoznanie. (Izbrannye raboty)*. M.: Prosveshhenie, 1977, pp. 175–189.
13. Levashov E. A. *I tut «Pushkin»* [And here «Pushkin»]. *Russkaja rech'*, 2016, no. 5, pp. 125–127.
14. Mihel'son M. I. *Russkaja mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt slovarja frazeologii: v 2-h t.* [Russian thought and speech. Your own and someone else's. The experience of the dictionary of phraseology: in 2 volumes]. M.: Russkie slovari, 1994, vol. 1, 819 p.; vol. 2. 936 p.
15. Mickevich A. *Stihotvorenija* [Poems]. Sankt-Peterburg, 1829.
16. *Nogajsko-russkij slovar'* [Nogai-Russian dictionary]. Ed. by K. M. Musaev. M.: Nauka: Vostochnaja literatura, 2018. 894, [1] p.
17. Pallas P. S. *Nabljudenija, sdelannye vo vremja puteshestvija po juzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg. / per. s nem* [Observations made during a trip to the southern viceroyships of the Russian state in 1793-1794. / trans. from German.]. M.: Nauka, 1999. 246 p.

18. Poljakova L. *Filologicheskaja regionalistika kak nauka* [Philological regionalism as a science]. *Voprosy literatury*, 2015, maj–ijun', pp. 186–201.
19. Reznik O. *Zhizn' v pojezii. Tvorchestvo I. Sel'vinskogo* [Life in poetry. Creativity of I. Selvinsky]. M.: Sov. pisatel', 1981. 528 p.
20. Sel'vinskij I. L. *Cherty moej zhizni* [Features of my life]. *Krymskie penaty : Al'manah literaturnyh muzeev Kryma: Tematicheskij vypusk k 100-letiju so dnja rozhdenija I. L. Sel'vinskogo*. – Simferopol': KAGN, 1996, pp. 5–20.
21. Sel'vinskij I. L. *Sobranie sochinenij: v 6-ti t* [Collected works: in 6 volumes]. M.: Hudozh. literatura. Vol. 1, 1971, 702 p.; Vol. 2, 1971, 384 p.; Vol. 4, 1973, 416 p; Vol. 6, 1974, 512 p.
22. Sel'vinskij I. L. *Avtobiografija. Russkie pojety. Antologija: v 4-h t.* [Autobiography. Russian poets. Anthology: in 4 volumes]. M.: Det. lit., 1968, vol. 4, pp. 425–426.
23. Sel'vinskij I. L. *Rannij Sel'vinskij* [Early Selvinsky]. M.: Krasnyj proletarij, 1929. 255 p.
24. *Slovar' lingvisticheskih terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Comp. T. V. Zherebilo. – Nazran': OOO «Piligrim», 2010. 486 p.
25. Sudakov G. V. *Giljarovskij kak znatok russkoj rechi (refleksija pisatelja na rechevye fenomeny svoego vremeni)* [Gilyarovsky as an expert in Russian speech (the writer's reflection on the speech mime phenomenon mime all the time)]. *Russkij jazyk XIX veka: ot veka XVIII k veku XXI.* – SPb., 2006, pp. 228–235.
26. Terkulov V. I. *Ponjatie «regiolekt». Doneckij regiolekt: monografija* [The concept of «regiolect». Donetsk regionolect: monograph]. Ed. by V. I. Terkulova. – Doneck: Izdatel'stvo OOO «NPP»Foliant», 2018, pp. 8–23.
27. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4-h t.* [Explanatory Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Ed. by D. N. Ushakova. M., 1935, vol. 1, 1562 st.
28. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka: v 2-h t.* [Russian Literary Language Phraseological dictionary: in 2 volumes]. Ed. by A. I. Fjodorov. M.: Citadel', 1997. Vol. 1, 391 p.; Vol. 2, 936 p.
29. Shumarina M. R. *Jazyk v zerkale hudozhestvennogo teksta (Metajazykovaja refleksija v proizvedenijah russkoj prozy): monografija* [Language in the mirror of a literary text (Metalanguage reflection in works of Russian prose): monograph.]. M.: FLINTA: Nauka, 2011. 328 p.
30. Jablonovskaja N. V. *Roman I. Sel'vinskogo «O, junost' moja!» i problema hudozhestvennoj avtobiografii v russkoj literature* [Selvinsky's novel "Oh, my youth!" and the problem of artistic autobiography in Russian literature]. *I. L. Sel'vinskij i literaturnyj process XX veka: materialy Pjatoj Mezhdunar. nauch. konf.* – Simferopol': Krymskij Arhiv, 2000, pp. 56–62.
31. Jakovleva E. A. *Emel'janova A. M. Gorod kak tekst: jergonimy Ufy v dinamike razvitija* [The city as a text: ergonyms of Ufa in the dynamics of development]. *Onomastika Povolzh'ja*, 2012, pp. 246–250.

ASTIONYM YEVPATORIA IN THE NOVEL OF I. SELVINSKY'S «OH, MY YOUTH!» THROUGH THE PRISM OF CRIMEAN PHILOLOGICAL REGIONALISTICS

Petrov A. V.

In an article based on the novel by I. L. Selvinsky «Oh, my youth!» from the standpoint of diachrony, the language and the way of life of the city Yevpatoria is studied. A native

Crimean, the author present the life of the multinational peninsula in a certain historical period - between the February Revolution of 1917 and the end of the Civil War in Crimea in November 1920. The reader gets acquainted with the history of the settlement of the peninsula, the ethnographic features of the city, the occupations of the people living in the town. The onomastic space of Evpatoria has been studied, the specificity of which lies in the fact that its components – godonyms, microtoponyms, oikodomonyms and ergonyms – are filled with the lyrical expression of the author and the main character – Elisey Bredikhin. Knowledge of the Crimea is manifested by I. Selvinsky in the reproduction of the multilingualism of the peninsula, its speech element, as well as lexical and phraseological regionalisms as local speech phenomena of his time. The heroes of the novel use words and phrases in speech communication, by which a Yevpatorian can be recognized. Yevpatoria regionalisms include formulas of speech etiquette used by native speakers, the toponym Chatyrdag, used in dialogic speech in an improper lexical meaning. The leading research method is contextual and discursive analysis. The panorama of the life of the city is presented with the help of a citation text, that is, verbatim excerpts of fragments of various sizes - from sentences to larger segments of the work, – followed by selective linguistic and philological commentary.
***Keywords*:** Crimean philological regionalism, novel of I. Selvinsky «Oh, my youth!», the language of the city of Evpatoria, regionalisms, etiquette speech formulas, the writer's idiostyle.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.
Филологические науки. Научный журнал. 2022. Том 8 (74). № 2. С. 183–191.

УДК 811.161.1

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА НА СТРАНИЦАХ КРЫМСКИХ ГАЗЕТ

Чабаненко Т. С.

Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: kostina-tatyana@mail.ru

В статье изучаются приемы создания языковой игры, используемые журналистами печатных СМИ Крыма. Объектом исследования выступают заголовки статей, которые, характеризуясь минимальным объемом, выполняют различные функции, в том числе привлекают внимание читателя и во многом определяют, будет ли прочитана статья. В создании привлекающего заголовка важная роль принадлежит языковой игре. Материал для исследования извлечен из наиболее распространенных крымских газет («Крымские известия», «Крымская правда», «Крымская газета»), а также из статей крымских корпунктов изданий «Аргументы и Факты» и «Российская газета».

Отмечено, что языковая игра в заголовках крымских газет используется регулярно, выполняя важную роль в борьбе журналистов за читательскую аудиторию. Основным приемом языковой игры является трансформация разнообразных прецедентных текстов (пословиц, поговорок, крылатых выражений, названий фильмов, сериалов, текстов песен, стихотворений и т.п.). Значительно реже используются фонетические (созвучие), лексические (необычная лексическая сочетаемость, обыгрывание многозначных слов, контекстные антонимы), синтаксические (параллельные конструкции, парцелляция) приемы. Языковая игра на лексическом уровне весьма оригинальна, при этом в основном представлена в «Российской газете», расширяя палитру приемов языковой игры в крымских масс-медиа.
Ключевые слова: языковая игра, газета, СМИ, заголовок, лингвистика креатива, прецедентный текст.

ВВЕДЕНИЕ

В конце XX – в начале XXI века лингвистика, переживающая смену научных парадигм, обратившая свое пристальное внимание на связь человеческой деятельности и функционирования языка, обогатилась новыми лингвистическими направлениями. Еще во второй половине XX века стали развиваться исследования в области Интернет-лингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, политической лингвистики, психолингвистики, социолингвистики и др. Другие отрасли междисциплинарных исследований появляются только в XXI веке. Среди них – лингвистика креатива, основоположником которой является доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета Татьяна Александровна Гридина. Вопросы креатива в лингвистике изучают Е. А. Земская, Б. Ю. Норман, Н. И. Купина, Е. Н. Ремчукова, А. П. Сковородников, Н. А. Фатеева и др.

Креативная лингвистика исследует реализацию творческой функции языка и обращается к весьма востребованному понятию *креатива, креативности*. Заимствование *креативный*, от которого впоследствии и образовались существительные *креатив, креативность,* входит в русский лексикон в 90-е годы XX века и быстро становится модным, высокочастотным, используясь чаще всего как синоним слова *творческий*. И. Т. Вепрева отмечает, что лексемы *креативный, креатив* дублируют известные русские слова и при этом выполняют «эстетическую

потребность носителя языка в обновлении языка, смене формы знака при тождестве содержания» [2, с. 117]. Как синонимы использует *креативность* и *творчество* в своих работах В. З. Демьянков. Другие исследователи между понятиями *творческий* и *креативный* видят прагматическое различие, заключающееся в том, что творческая активность зачастую бессознательна, в то время как в основе креативности лежит понимание, что и зачем создается. Н. А. Фатеева полагает, что *языковая креативность*, в отличие от языкового творчества, включает «не только смысл процессуальности, но и смысл, связанный с нереализованным потенциалом языковой системы, с обновлением имеющегося арсенала языковых единиц» [10, с. 15].

Креативная лингвистика «как область изучения разных форм вербальной креативности» [3, с. 6] охватывает большой спектр практик речевого творчества, в числе которых детская речь, художественный и публицистический тексты, реклама и многое другое. По мнению Т. А. Гридиной, основной формой лингвокреативного мышления является языковая игра.

Понятие языковой игры было введено в середине XX века философом Людвигом Витгенштейном и спустя несколько десятилетий заимствовано лингвистами. В отечественном языкознании системное изучение языковой игры начинается в 1980-х гг. в ряде трудов Е. А. Земской, М. А. Китайгородской, Н. Н. Розановой под названием «Русская разговорная речь». Под языковой игрой Е. А. Земская понимает те явления, «когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» [8, с. 175].

Языковую игру почти всегда связывают с креативными возможностями языка и отклонением от языковой нормы. Пространство языковой игры и формы ее репрезентации очень широки. Она может включать в себя каламбуры, анекдоты, иронию, тропы, стилистические фигуры, эффект обманутого ожидания и пр.

В XX веке ученые занимаются в основном выделением, анализом и классификацией наиболее типичных языковых средств, участвующих в создании языковой игры. После выхода в 1999 г. монографии В. З. Санникова «Русский язык в зеркале языковой игры» интерес к языковой игре многократно возрастает. Помимо традиционного уже исследования языковой игры в художественном стиле, все активнее изучается игровое в публицистике.

Широкое использование языковой игры – одна из особенностей современных масс-медиа. СМИ являются той коммуникативной средой, в которой языковая игра высоко востребована как инструмент массового коммуникативного воздействия: «“Эстетика игры” психологически облегчает восприятие информации, но одновременно повышает и степень доверия читателя к точке зрения “собеседника”-медиатора» [7].

Особенно часто языковая игра используется в заголовках. Заголовок – один из основных элементов медиатекста, выполняющий сразу несколько функций. Он реализует рекламную функцию, рождая у читателя различные чувства (любопытство, удивление и др.) и побуждая таким образом прочитать статью. Яркий, запоминающийся, интригующий заголовок «играет роль крючка, заглотнув который, читатель знакомится со своим «уловом» – всей публикацией» [4]. Кроме того, заголовок сообщает читателю о предмете речи, а также вырабатывает определенное

отношение к содержанию. Реализовать все эти функции в небольшом по объему заголовке помогает в том числе языковая игра.

Цель нашего исследования – изучить, какие приемы используются для создания языковой игры в заголовках газет Республики Крым. **Материал** включает более ста заголовков, извлеченных из газет «Крымские известия», «Крымская правда», «Крымская газета», а также в статьях крымского корпункта изданий «Аргументов и Фактов» и «Российской газеты».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Языковая игра регулярно используется в заголовках крымских газет. Одним из самых распространенных ее источников являются прецедентные тексты – «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [5, с. 216]. К прецедентным принадлежат названия литературных произведений, песен, фильмов, сериалов и т. п., цитаты из них, пословицы, поговорки, крылатые выражения, политические плакаты, лозунги и даже некоторые рекламные тексты. Главными критериями, позволяющими охарактеризовать языковой феномен как прецедентный, признаются его общеизвестность, познавательная и эмоциональная ценность, реинтерпретируемость, в результате чего такие тексты становятся «фактом культуры» [5, с. 217]. Прецедентные тексты могут использоваться в неизменном (цитата) виде и в трансформированном (квазицитата), когда в него вносятся намеренные изменения с целью достижения определенного коммуникативного эффекта.

В заголовках крымских газет в качестве прецедентных текстов чаще всего используются строки из известных песен, а также пословицы. Например, переменчивая зимняя погода вдохновила журналистов вспомнить сразу несколько песен советской эпохи: ***Дождь ли снег*** (Крымская газета, 12.01.2021); ***А за окном то дождь, то снег*** (Крымская правда, 13.02.2021); ***А снег не знал и падал*** (Крымская газета, 16.02.2021). Именно песни времен СССР наиболее часто упоминаются в заголовках: ***Постой, самокат!*** (Крымская газета, 17.02.2021); ***В хоккей играют не только настоящие мужчины*** (Крымские известия, 03.02.2021); ***Как здорово, что все мы здесь…*** (Крымские известия, 12.01.2021); ***Эта служба и опасна, и трудна*** (Крымские известия, 06.01.2021); ***А у нас во дворе*** (Аргументы и Факты, 13.01.2021). Реже встречаются цитаты из песен 1990-х годов: ***Ветер с фермы дул…*** (Крымская газета, 05.02.2021); ***Финансы без романсов*** (Крымская газета, 12.02.2021); ***А дорога серою лентою вьётся*** (Крымские известия, 21.02.2021).

Пословица *на Бога надейся, а сам не плошай* обыгрывается сразу в двух заголовках из «Российской газеты»: ***На бота надейся*** (Российская газета, 21.01.2021); ***На погоду надейся...*** (Российская, 02.02.2021). Новое звучание в XXI веке получает известная пословица *береги честь смолоду*, ставшая эпиграфом к «Капитанской дочке» А. С. Пушкина: ***Береги аккаунт смолоду*** (Крымская правда, 20.01.2021). В неизмененном виде пословицы нечасто сохраняются в заголовке: ***Дела***

идут на лад (Крымская правда, 18.02.2021); ***Враг у ворот*** (Крымская правда, 18.02.2021).

Почти в два раза реже, чем строки из песен и пословицы, в заголовках используются крылатые выражения, стихотворные или прозаические цитаты, а также названия фильмов, сериалов и т. п. Крылатые выражения либо усекаются, либо подвергаются иной трансформации: ***Хотели как лучше…*** (Крымская газета, 12.02.2021); ***Не новое, а хорошо забытое…*** (Крымская газета, 05.02.2021); ***Никто не забыт*** (Крымская правда, 16.02.2021) – известная строка из эпитафии Ольги Берггольц в этот раз употреблена не применительно к подвигу блокадников или солдат Великой Отечественной войны, а в отношении заемщиков украинских банков.

Названия кинофильмов, сериалов, телепередач обычно тоже трансформируются в заголовках: ***Лесной дозор*** (Крымская газета, 17.02.2021); ***Режь, молись, люби!*** (Крымская газета, 17.02.2021); ***Пока вы дома*** (Крымская газета, 15.01.2021); ***Крымские Отелло разбушевались*** (Крымская правда, 14.01.2021); ***Армянск не верит, но надеется*** (Крымская правда, 4.02.2021). В неизменном виде названия фильмов и сериалов используются редко: ***Мама в законе*** (Крымская газета, 12.02.2021); ***Моя прекрасная няня: как не ошибиться?*** (Крымские известия, 02.02.2021).

Названия художественных произведений, в отличие от транслируемых в кинотеатрах и на телеэкранах современных продуктов, в заголовках почти не встречаются. Зато используются цитаты из прозаических и стихотворных произведений. Например, цитата ***«Уронила в речку мячик»*** из известного уже не одному поколению стихотворения Агнии Барто становится заголовком в «Крымской газете» (12.02.2021). Заголовок ***«А из этого «окна» вся вселенная видна»*** (Крымские известия, 06.01.2021) отсылает нас к не менее популярному в свое время стихотворению С. В. Михалкова «А что у вас?». Несколько стихотворных цитат взяты из произведений А. С. Пушкина: ***Не зарастет хорошая тропа*** (Аргументы и Факты, 04.11.2020); ***Чистейшей прелести чистейший образец*** (Российская газета, 10.03.2021). Не менее популярны строки из В. Шекспира: ***Быть или не быть*** (Крымская газета, 16.02.2021); ***Нет повести печальнее*** (Крымская газета, 21.01.2021). Встретили мы и обращение к русским народным сказкам: ***Не простое, а золотое*** (Крымская газета, 05.02.2021).

Как видно, в заголовках крымских газет преимущественно используются трансформированные прецедентные тексты. Это обусловлено рядом причин:

1. Трансформированные тексты больше привлекают внимание читателя, чем неизменные прецедентные тексты.
2. Лучше объясняют смысл статьи.
3. Прямое высказывание может быть нежелательно в медийном источнике [1, с. 186].

Существуют различных способы трансформации прецедентных текстов. Б. В. Кривенко различает семантическую и аналитическую трансформацию. При семантической трансформации состав прецедентного текста остается неизменным: «в него либо вносятся новые оттенки смысла, либо возникает игра слов в результате совмещения прямых и переносных значений, и тогда достигается определенный

экспрессивный эффект» [6, с. 47]. Например, в заголовке ***Выведут на чистую воду*** (Российская газета, 19.01.2021) использован фразеологизм *вывести на чистую воду*. В статье говорится о начале строительства и реконструкции очистных сооружений на береговой линии Крыма. Языковая игра, таким образом, основана на совмещении значения фразеологизма «уличить в чем-либо, разоблачить» и прямого значения словосочетания *чистая вода*. В заголовке ***Из-под земли достанут*** (Российская газета, 18.02.2021) языковая игра возникает вследствие замены лексического значения фразеологизма «найти отовсюду» прямым значением компонентов фразеологизма, так как в статье идет речь о получении воды из подземных источников. В статье ***«Часовые» Родины стоят*** (Крымские известия, 21.02.2021) рассказывается о награждении сотрудника газеты именными часами, то есть совмещается прямое и переносное значения.

При аналитической трансформации словесный состав прецедентного текста в той или иной степени изменяется. В зависимости от того, как именно изменяется прецедентный текст, выделяется:

- синтаксическая трансформация;
- лексическая трансформация;
- контаминация;
- фразеологическая парономазия;
- стилистические смешения.

Синтаксическая трансформация предполагает замену утвердительной конструкции на отрицательную и наоборот, изменение предложения по цели высказывания, по эмоциональному признаку, смену типа синтаксической связи, изменение роли члена предложения. Так, повествовательное предложение трансформируется в вопросительное в заголовке ***Моя твоя не понимать?*** (Крымские известия, 26.01.2021).

Самой распространенной является лексическая трансформация, предполагающая манипуляцию с одним или несколькими элементами (словами) прецедентного текста. Может происходить:

- расширение прецедентного текста: *Таможня* ***не всегда*** *дает добро* (Крымская газета, 05.02.2021); *В хоккей играют* ***не только*** *настоящие мужчины* (Крымские известия, 03.02.2021);
- сужение прецедентного текста: ***Нет повести печальнее*** (Крымская газета, 21.01.2021) – цитата из трагедии «Ромео и Джульетта» прервана; ***И на нашей улице праздник*** (Крымская правда, 16.02.2021) – усечение компонента *будет* дает возможность использовать эту фразу для описания событий, происходящих в настоящем; ***Хотели как лучше…*** (Крымская газета, 12.02.2021) – первая часть одного из самых известных крылатых выражений В. С. Черномырдина *«Хотели как лучше, а получилось как всегда»,* на усечение указывает многоточие; ***Как здорово, что все мы здесь…*** (Крымские известия, 12.01.2021) – неоконченная строчка из получившей огромную известность песни барда О. Митяева;
- замена компонентов прецедентного текста (почти половина всех случаев трансформации прецедентных текстов): ***Постой, самокат!*** (Крымская

газета, 17.02.2021) – слово *паровоз* заменено существительным *самокат*, что позволяет актуализировать тему статьи – использование электросамокатов и гироскутеров; ***Береги аккаунт смолоду*** (Крымская правда, 20.01.2021) – известная пословица благодаря замене слова *честь* на *аккаунт* становится удачным заголовком статьи о защите страниц в социальных сетях от мошенников; ***Расти, зарплата, большая и маленькая!*** (Аргументы и Факты, 23.12.2020) – *ловись, рыбка* заменено на *расти, зарплата*; ***А из этого «окна» вся вселенная видна*** (Крымские известия, 06.01.2021) – несмотря на замену половины компонентов, стихотворная цитата *А из нашего окна площадь Красная видна* не теряет свою узнаваемость.

В некоторых заголовках совмещается сразу несколько приемов трансформации прецедентного текста. Чаще всего речь идет об использовании разных способов лексической трансформации. Например, сразу два заголовка построены на основе пословицы *на Бога надейся, а сам не плошай*: ***На бота надейся*** (Российская газета, 21.01.2021); ***На погоду надейся...*** (Российская газета, 02.02.2021). В обоих примерах происходит усечение пословицы, а также заменяется слово *Бог*, причем в первом примере – на созвучное *бот*. Известная фраза *Мы ждем перемен* из песни В. Цоя лежит в основе заголовка ***Не ждём перемен*** (Крымская газета, 3.02.2021). Здесь сочетаются лексическая и синтаксическая трансформация: происходит усечение компонента *мы*, а также замена положительной конструкции на отрицательную.

Помимо использования трансформированных и нетрансформированных прецедентных текстов, в заголовках крымских газет языковая игра реализуется с помощью фонетических, лексических, синтаксических средств. В первую очередь она основывается на использовании богатых ресурсов лексической системы русского языка. Призвана привлечь внимание читателей необычная лексическая сочетаемость: ***Уголовный улов*** (Крымская газета, 17.02.2021); ***Презумпция заразности*** (Крымская правда, 05.01.2021); ***Непобедимая морковь*** (Аргументы и Факты, 03.02.2021) – статья повествует о росте цен на продукты питания; ***Многоэтажные амбиции*** (Российская газета, 03.03.2021); ***Мерло с пропиской*** (Российская газета, 19.01.2021); ***Купите дружбу*** (Российская газета, 27.01.2021); ***«Продам Крым. Недорого»*** (Крымская правда, 15.01.2021). Часто обыгрываются значения многозначных слов: ***Мокрое дело*** (Аргументы и факты, 10.02.2021) – статья не об убийстве, а о том, почему обильные осадки в Крыму не улучшили ситуацию с водоснабжением; ***Набили подушку*** (Российская газета, 02.03.2021) – статья о денежных накоплениях крымчан; ***Ялту «накрыли» бесплатным интернетом*** (Аргументы и Факты, 23.12.2020). Интересно преобразовано выражение «золотое руно» в статье ***Руно позолотят*** (Российская газета, 09.03.2021), где идет речь об улучшении породы овец. Метонимический перенос использован в заголовке ***Прямым рельсом*** (Российская газета, 25.02.2021): речь идет о появлении нового поезда в Крым из Мурманска.

Отдельно отметим использование ситуативных (контекстуальных) антонимов в заголовках: ***Чай не дорога*** (Крымская газета, 19.01.2021) – журналист отмечает, что еще накануне похолодания в Крыму были выставлены пункты обогрева, где все могли выпить горячий чай, а вот вовремя очистить дорогу от снега коммунальщики

не могут, то есть существительное *чай* в данном заголовке антонимично слову *дорога*; ***Быстро или качественно?*** (Российская газета, 03.02.2021) – заголовок отражает неуверенность автора статьи в том, что повышение темпов благоустройства дворовых территорий в Крыму не отразится на качестве ремонта в худшую сторону.

Противопоставление зачастую выражается в заголовках с помощью параллельных синтаксических конструкций: ***Снег есть, а воды нет*** (Крымская правда, 19.01.2021); ***Деньги есть, а результата по ФЦП нет*** (Крымская правда, 21.01.2021); ***Нет утечек – нет проблем*** (Крымская газета, 29.01.2021); ***Деньги – хорошо, а нормальные условия для развития бизнеса – лучше*** (Крымские известия, 19.01.2021); ***Сказка растает, а наша любовь – нет*** (Крымские известия, 21.02.2021).

Как прием языковой игры на синтаксическом уровне используется и парцелляция: ***Новый вид спорта. Официально*** (Крымская газета, 29.01.2021); ***А Симферополь снова ждёт перемен. Кадровых.*** (Крымская правда, 20.02.2021). В основе последнего заголовка лежит прецедентный текст – строки из известной песни В. Цоя.

Языковая игра на фонетическом уровне используется редко, представлена в основном с помощью созвучия: ***Провальный «Навальный»*** (Крымская газета, 3.02.2021); ***Вклад не клад*** (Крымская газета, 12.02.2021); ***Запрет на кабинет*** (Крымская газета, 05.02.2021); ***Снежинка-балеринка*** (Крымские известия, 06.01.2021); ***Сберегая берега*** (Российская газета, 24.02.2021).

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволяет утверждать, что крымские журналисты достаточно часто используют приемы языковой игры для создания необычных, привлекающих внимание читателей заголовков. Больше всего таких заголовков в «Крымской газете». Хотя ресурсов для игры существует множество, некоторые используются значительно чаще других. В первую очередь это трансформация прецедентных текстов, в особенности строк из советских песен и пословиц. Во всех изданиях, кроме «Российской газеты», не менее 60% заголовков, построенных на языковой игре, содержат трансформированные или неизмененные прецедентные тексты. В «Крымской газете» таких заголовков 70%, в половине из которых прецедентный текст либо не трансформируется, либо только усекается. Отметим, что при слишком частом использовании одних и тех же приемов языковой игры, они теряют свою эффективность.

По-другому строится языковая игра на страницах «Российской газеты»: более половины всех примеров языковой игры реализуется на лексическом уровне. Обыгрывание значений многозначных слов, создание необычных словосочетаний, обыгрывание синонимических и антонимических отношений требует от журналиста значительно больше усилий и мастерства. Однако и выразительность таких заголовков выше, следовательно, они лучше выполняют функцию привлечения читательской аудитории. В современных условиях высокой конкуренции местных и федеральных печатных СМИ на крымском медиарынке качественное разнообразие приемов выразительности играет все большую роль.

Список литературы

1. *Бакич Н. А.* Трансформация прецедентных феноменов как проявление речевой креативности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Филология. – 2018. – № 5. – С. 185–190.
2. *Вепрева И. Т.* Креатив *креатива*, или о функционировании лексемы *креатив* в современном русском языке // Лингвистика креатива-1: Коллективная моногр. / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – С. 112–123.
3. *Гридина Т. А.* К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива-1: Коллективная моногр. / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – С. 5–58.
4. *Гуревич С. М.* Газета: вчера, сегодня, завтра. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 281 с. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text10/01.htm. – (Дата обращения: 26.04.2022).
5. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, 2007. – 264 с.
6. *Кривенко Б. В.* Фразеология и газетная речь // Русская речь. – 1993. – № 3. – С. 44–49.
7. *Негрышев А. А.* Языковая игра в СМИ: текстообразующие механизмы и дискурсивные функции (на материале газетных новостей) // Inter-Cultur@l-Net. – 2006. – № 5. – Режим доступа: http://www.my-luni.ru/journal/clauses/98/. – (Дата обращения: 26.04.2022).
8. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / М. Я. Гловинская, Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе, М. В. Китайгородская, Е. В. Красильникова, Н. Н. Розанова / отв. ред. Е. А. Земская. – М.: Наука, 1983. – 239 с.
9. *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 533 с.
10. *Фатеева Н. А.* Языковая креативность: подступы к теме // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – № 7. – С. 13–29.

References

1. Bakich N. A. *Transformacija precedentnyh fenomenov kak projavlenie rechevoj kreativnosti* [Transformation of precedent phenomena as a manifestation of speech creativity]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Filologija*, 2018, no. 5, pp. 185–190.
2. Vepreva I. T. *Kreativ kreativa, ili o funkcionirovanii leksemy kreativ v sovremennom russkom jazyke* [Creative of *creative*, or about the functioning of the lexeme creative in modern Russian]. *Lingvistika kreativa-1: Kollektivnaja monogr*. Ed. by prof. T. A. Gridina. Ekaterinburg, FGBOU VPO «Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet» Publ., 2013, pp. 112–123.
3. Gridina T. A. *K istokam verbal'noj kreativnosti: tvorcheskie jevristiki detskoj rechi* [To the origins of verbal creativity: creative heuristics of children's speech]. *Lingvistika kreativa-1: Kollektivnaja monogr.* Ed. by prof. T. A. Gridina. Ekaterinburg: FGBOU VPO «Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet» Publ., 2013, pp. 5–58.
4. Gurevich S. M. *Gazeta: vchera, segodnja, zavtra* [Newspaper: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2004, 281 p. Available from: http://evartist.narod.ru/text10/01.htm (accessed 26 April 2022).
5. Karaulov Ju. N. *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow, LKI Publ., 2007, 264 p.
6. Krivenko B. V. *Frazeologija i gazetnaja rech'* [Phraseology and Newspaper Speech]. Russkaja rech', 1993, no. 3, pp. 44–49.

7. Negryshev A. A. *Jazykovaja igra v SMI: tekstoobrazujushhie mehanizmy i diskursivnye funkcii (na materiale gazetnyh novostej)* [Language game in the media: text-forming mechanisms and discursive functions (based on newspaper news material)]. Inter-Cultur@l-Net, 2006, no. 5. Available from: http://www.my-luni.ru/journal/clauses/98/ (accessed 26 April 2022).
8. *Russkaja razgovornaja rech': Fonetika. Morfologija. Leksika. Zhest* [Russian spoken language: Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. M. Ja. Glovinskaja, E. A. Zemskaja, L. A. Kapanadze, M. V. Kitajgorodskaja, E. V. Krasil'nikova, N. N. Rozanova / Ed. By E. A. Zemskaja, Moscow, Nauka Publ., 1983, 239 p.
9. Sannikov V. Z. *Russkij jazyk v zerkale jazykovoj igry* [Russian in the language game mirror]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2002, 533 pp.
10. Fateeva N. A. *Jazykovaja kreativnost': podstupy k teme* [Language creativity: approaches to the topic]. Trudy instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova, 2016, no. 7, pp. 13–29.

LANGUAGE GAME ON THE PAGES OF CRIMEAN NEWSPAPERS

Chabanenko T. S.

The article examines the techniques of creating a language game used by journalists of the Crimean print media. The object of the study is the titles of articles. They are characterized by a minimum volume, but perform various functions, including attracting the attention of the reader and largely determine whether the article will be read. The language game plays an important role in creating an attractive title. The material for the study was extracted from the most common Crimean newspapers («Krymskiye Izvestia», «Krymskaya Pravda», «Krymskaya Gazeta»), as well as from the articles of the Crimean offices of the «Argumenty i Fakty» and «Rossiyskaya Gazeta» publications.

It is noted that the language game in the titles of the Crimean newspapers is used regularly and play an important role in the struggle of journalists for the readership. The main technique of the language game is the transformation of precedent texts (proverbs, sayings, winged words, titles of the films, series, lyrics, poems, etc.). Phonetic (consonance), lexical (unusual lexical compatibility, multi-valued words, contextual antonyms), syntactic (parallel constructions, parcellation) techniques are much less often used. The language game at the lexical level is very original, while it is mainly presented in «Rossiyskaya Gazeta». It expands the palette of techniques of the language game in the Crimean mass media.

Keywords: language game, newspaper, media, title, creative linguistics, precedent text.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранова Евгения Сергеевна – аспирант ЗабГУ, преподаватель отделения общеобразовательных дисциплин Забайкальского института железнодорожного транспорта ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», г. Чита, Россия

Бекиров Марлен Имильевич – специализант кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Болтуц Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций факультета журналистики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Бочкарев Арсентий Игоревич – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков технических факультетов ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», г. Новосибирск, Россия

Борисова Людмила Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Виноградова Екатерина Викторовна – аспирант кафедры русской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Джелилова Ленияра Шакировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры китайского языка ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия

Зайцев Егор Русланович – аспирант кафедры русской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Калугина Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Кондратская Виктория Леонидовна – кандидат наук по социальным коммуникациям, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Лучинский Юрий Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и правового регулирования массовых коммуникаций факультета журналистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Муртазалиев Ахмед Магомедович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Дагестанский ФИЦ РАН, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия

Набигулаева Маржанат Набигулаевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра по изучению литературного наследия Р. Гамзатова Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН, Республика Дагестан, г. Махачкала, Россия

Огольцева Екатерина Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Института филологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», профессор кафедры славянской филологии ЧОУ «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет», г. Москва, Россия

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

.

Первых Диана Константиновна – кандидат культурологии, заведующая кафедрой журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Петров Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Сеферова Эсма Энверовна – аспирант кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Чабаненко Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Борисова Л. М.
ДОСТОЕВСКИЙ В КРИПТОГРАММАХ А. МАКАРЕНКО
(ОБ ОДНОМ ЭПИЗОДЕ В ПОВЕСТИ «ФЛАГИ НА БАШНЯХ»)…….……..…….3

Жамсаранова Р. Г., Баранова Е. С.
МАКРО- И МИКРОТЕМЫ
В ТЕКСТЕ РАССКАЗА СОМЕРСЕТА МОЭМА «RAIN».....…….....….....12

Муртазалиев А. М., Набигулаева М. Н.
ЭВОЛЮЦИЯ АВАРСКОЙ ПОЭЗИИ 1950–1960-х ГОДОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА РАСУЛА ГАМЗАТОВА).....22

Орехов В. В.
«РУССКИЙ МИФ» И «КОМПЛЕКС МАРКИЗА ДЕ КЮСТИНА».
ЧАСТЬ II: «СЕВЕРНЫЙ КОЛОСС»
В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ ……...33

Сеферова Э. Э.
К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
ЖАНРОВ ФОЛЬКЛОРНОГО ЭПОСА …….....…….…….……..57

2. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Джелилова Л. Ш.
ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВЕДУЩИХ ЖАНРОВ ЖУРНАЛИСТИКИ
В КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ПЕРИОДИКЕ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI вв.…….…...…….....67

Кондратская В. Л., Бекиров М. И.
ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ
НА СУБЪЕКТНОМ УРОВНЕ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ
М. ГОРЬКОГО «О ЖЕНЕ, ПРОДАННОЙ ЗА 40 РУБЛЕЙ»……..……..77

Лучинский Ю. В.
«ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ ЛЕКСИКОН» ПЛЮШАРА:
СПЕЦИФИКА ЦЕНЗУРНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ…….…….…….....83

Первых Д. К.
ЭТНИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ МЕДИАПРОЕКТЫ
И ИХ РОЛЬ
В ФОРМИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ КРЫМА……...90

3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Бочкарев А. И.
ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
АНТИЦЕННОСТНОГО КОНЦЕПТА «NEGATIVE ESCAPISM»
В КОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ……98

Виноградова Е. В.
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НОМИНАЦИЙ
МИФИЧЕСКИХ ПТИЦ
(ПО ДАННЫМ СЛОВАРЕЙ И ЭНЦИКЛОПЕДИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА)…….110

Калугина Т. В.
ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ В ПОЭЗИИ К. БАЛЬМОНТА ……...121

Огольцева Е. В.
СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ОБРАЗНО-КОМПАРАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ
(К ВОПРОСУ О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СВЯЗАННОСТИ
ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ)……..130

4. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛИСТИКИ

Болтуц О. А.
«ДЕЛО ДРЕЙФУСА» В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ……..…….....……149

Зайцев Е. Р.
РЕГИОНАЛЬНЫЙ МЕДИАТЕКСТ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА ……...156

Петров А. В.
АСТИОНИМ *ЕВПАТОРИЯ* В РОМАНЕ И. СЕЛЬВИНСКОГО
«О, ЮНОСТЬ МОЯ!» СКВОЗЬ ПРИЗМУ
КРЫМСКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ ……164

Чабаненко Т. С.
ЯЗЫКОВАЯ ИГРА НА СТРАНИЦАХ КРЫМСКИХ ГАЗЕТ……183

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ……..…192